

201

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

ISSN 1689-9911

**Studia Russologica VIII
(2015)**

201

**Annales
Universitatis
Paedagogicae
Cracoviensis**

Studia Russologica VIII

Kolegium recenzentów

Dr hab. Anna Bolek (Kraków), Dr hab., prof. UP Janusz Henzel (Kraków),
Dr hab. prof. UR Ewa Dźwierzynska (Rzeszów), Prof. dr hab. Krystyna Iwan (Szczecin),
Prof. Igor Kim (Nowosybirsk, Rosja), Prof. dr hab. Ewa Komorowska (Szczecin),
Dr hab. prof. UŚ Jolanta Lubocha-Kruglik (Sosnowiec),
Prof. dr hab. Aleksander Naumow (Kraków, Wenecja, Włochy),
Prof. dr hab. Kazimierz Prus (Rzeszów), Prof. dr hab. Wasilij Szczukin (Kraków),
Prof. dr hab. Wiesław Witkowski (Kraków), Prof. dr hab. Władysław Woźniewicz (Poznań),
Dr hab. Włodzimierz Wysoczański (Wrocław)

Komitet redakcyjny

Dr hab. prof. UP Dorota Dziewanowska – redaktor naczelny; redaktor działu
Glottodydaktyka
Dr hab. prof. UP Halina Chodurska – redaktor działu Językoznawstwo
Dr hab. prof. UP Barbara Stawarz – redaktor działu Literaturoznawstwo
Dr Adam Karpiński – sekretarz

Rada Naukowa

Dr hab. prof. UJ Andrzej Dudek (Kraków)
Doc. Jevgenij Nikołajewicz Stiepanov (Odessa, Ukraina)
Prof. dr hab. Olga Viktorovna Trofimova (Tiumeń, Rosja)
Prof. dr hab. Natalia Władimirovna Kuzniecova (Tiumeń, Rosja)

© Copyright Wydawnictwo Naukowe UP, Kraków 2015

ISSN 1689-9911

Wydawnictwo Naukowe UP
Redakcja/Dział Promocji
30-084 Kraków, ul. Podchorążych 2
tel./fax (12) 662-63-83, tel. (12) 662-67-56
e-mail: wydawnictwo@up.krakow.pl

Zapraszamy na stronę internetową:
<http://www.wydawnictwoup.pl>

druk i oprawa
Zespół Poligraficzny UP, zam. 50

Od redaktorów

Oddajemy w ręce Czytelników ósmy tom serii *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis – Studia Russologica*, zawierający artykuły pracowników Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie. W zbiorze zamieszczono także publikacje ukazujące aktualne zainteresowania badawcze rusycystów z Uniwersytetu Jagiellońskiego oraz ośrodków zagranicznych: Moskiewskiego Uniwersytetu Pedagogicznego, Państwowego Uniwersytetu w Odessie im. I.I. Miecznikowa, Państwowego Uniwersytetu w Czelabińsku, Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego im. N.A. Dobrolubowa w Niżnym Nowogrodzie oraz Państwowego Uniwersytetu w Tiumeniu.

Niniejszy tom zawiera prace z zakresu językoznawstwa, literaturoznawstwa i glottodydaktyki.

Artykuły zamieszczone w dziale „Językoznawstwo” poruszają szereg zagadnień szczegółowych z zakresu pragmalinguistyki, językowego ukształtowania tekstów literackich oraz tłumaczenia terminologii stosowanej w rosyjskim prawie karnym. Tradycyjnie są one zatem dość zróżnicowane. Ich Autorzy poddali analizie m.in. sposoby wykorzystywania argumentów „zdroworozsądkowych” w dyskursie politycznym, przedstawili pewne mechanizmy tworzenia terminologii ekonomicznej we współczesnym języku rosyjskim, zbadali wpływ wybranych elementów struktury aktu informacyjnego i intencji nadawcy na percepcję komunikatu, a także zastanowili się nad stereotypizacją i możliwościami użycia zaimków osobowych w wybranych formach wypowiedzi Aleksandra Puszkina.

Artykuły reprezentujących różne ośrodki slawistyczne rusycystów-literaturoznawców są wyrazem tendencji wskazującej, iż nadal atrakcyjna dla penetracji badawczej jest twórczość klasyków literatury rosyjskiej (Aleksandra Puszkina, Mikołaja Gogola, Josifa Brodskiego czy Aleksego Tołstoja), co, jak się wydaje, wynika z potrzeby dystansu i ponownego ustosunkowania się wobec problematyki pozornie tylko wyczerpanej. Przedstawione analizy, mające również w przypadku niektórych prac charakter refleksji syntetycznej, dotyczą zarówno problemów natury religijno-filozoficznej (nauczanie Serafina z Sarowa), filozoficzno-literaturoznawczej interpretacji przez Lwa Szestowa twórczości Puszkina, stanowią próbę odczytania określonych mitów w spuściźnie Gogola („mit puszkinowski”) czy Brodskiego (mit o Dydonie), jak i są tekstami łączącymi praktykę dydaktyczną z optyką literaturoznawczą (recepja przez Zachód literatury rosyjskiej) lub studiami z pogranicza dociekań literaturoznawstwa i onomastyki (na materiale trylogii Aleksego Tołstoja *Droga przez mękę*).

W dziale „Glottodydaktyka” zamieszczono artykuły z zakresu dydaktyki nauczania języków obcych, psycholingwistyki, kulturologii i teorii komunikacji. Naukowcy z Tiumenia w swoich artykułach podjęli szereg aktualnych tematów związanych

z wpływem czynników społecznych i kulturowych na realizację potencjału twórczego młodzieży, z badaniem różnic kulturowych przejawiających się w zachowaniach komunikacyjnych, które mogą utrudniać przebieg aktu komunikacyjnego, a także przedstawili badania nad możliwościami wykorzystywania utworów rosyjskiej literatury klasycznej w procesie kształcenia. Specjaliści z Krakowa skoncentrowali się na problemach dotyczących wpływu wieku uczniów na sposób nauczania języków obcych, przewyciężania interferencyjnych błędów gramatycznych popełnianych przez studentów filologii rosyjskiej oraz zaprezentowali poglądy dydaktyków polskich w kwestii wykorzystania języka ojczystego w procesie nauczania języka rosyjskiego.

Halina Chodurska
Dorota Dziewanowska
Barbara Stawarz

Gabriela Dudek-Waligóra

Argumenty do zdrowego rozsądku w dyskursie politycznym (na przykładzie wystąpień W.W. Putina)

Dyskurs polityczny to dyskurs walki o głosy wyborców, w którym ścierają się różne poglądy i wizje państwa¹. Dlatego aktywnie jest w nim wykorzystywana argumentacja w celu przekonywania do swoich racji. Argumentacja jest rozumiana jako „aktywność myślowa, związana z uzasadnieniem lub obaleniem tezy, zarzutu, cudzej myśli lub wypowiedzi”². Iwona Bartoszewicz kładzie nacisk na cel argumentowania i roboczo nazywa ten fenomen

[...] procesem poszukiwania wniosku, wnioskowaniem, którego efektem jest nowa jakość, wniosek, wynikający w pewien sposób z samych składników procesu argumentacyjnego³.

W literaturze rosyjskiej termin *argumentacja* (ros. *аргументация*) także może być różnie wyjaśniany. I.A. Stiernin na przykład pisze:

Под **аргументацией** понимается процесс приведения доказательств, объяснений, примеров для обоснования какой-либо мысли перед слушателями или собеседником⁴.

Zbliżoną definicję przedstawia Aleksandr A. Iwin, por.:

Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции, или убеждений, другой стороны. *Довод*, или *аргумент*, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначается для поддержки

¹ Por.: „Политический дискурс представляет собой коммуникативную практику, целью которой является борьба за власть”, В.И. Карасик, *Игра по правилам в политическом дискурсе о России на Западе*, [в:] *Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры. Материалы Международной научной конференции 13–17 сентября 2010*, ред. А.П. Чудинов, Екатеринбург 2010, с. 67.

² М. Korolko, *Sztuka retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1998, s. 88.

³ I. Bartoszewicz, *Argumenty – próba klasyfikacji*, „Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia Linguistica XXII” 2003, nr 2552, s. 5.

⁴ И.А. Стернин, *Практическая риторика*, Издательский центр „Академия”, Москва 2006, с. 151.

тезиса аргументации – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений”⁵.

W dalszej części wywodu autor podkreśla:

Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения. Она обращается в первую очередь к разуму человека, который способен, рассудив, принять или отвергнуть это мнение⁶.

Z kolei Aleksandr I. Timofiejew w swojej definicji аргументации wymienia czynności myślowe, składające się na dane zjawisko, por.:

Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса: рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные контрдоводы; дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как и основаниям, и тезису опровержения (антитезису); опровергается антитезис; доказывается тезис; создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов (в том числе потенциальных, возможных); обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активного отношения к реализации определенных программ, действий, вытекающих из доказываемого положения⁷.

Celem аргументacji jest wywołanie lub wzmocnienie poparcia audytorium dla przedkładanych do akceptacji tez⁸.

Niniejszy artykuł przybliży jeden z typów аргументów stosowanych w dyskursie politycznym, tj. аргументы do zdrowego rozsądku. Za materiał empiryczny posłużyły publiczne, oficjalne teksty wystąpień obecnego rosyjskiego prezydenta, W.W. Putina, obejmujące lata 2000–2013.

W literaturze przedmiotu аргументы do zdrowego rozsądku (ros. *аргументы к здравому смыслу*) zostały zdefiniowane jako:

⁵ А.А. Ивин, *Основы теории аргументации*, Гуманит. изд. центр Владос, Москва 1997, с. 6. А.А. Iwin zaznacza, iż аргументacją nazywa się nie tylko proces przytaczania аргументów dla poparcia określonej tezy, ale także sam ogół takich аргументów (zob. tamże).

⁶ Tamże, s. 7.

⁷ А.И. Тимофеев, *Аргументация: теория и практика. Учебное пособие*, ГОУ ВПО «СПбГУЛАП», Санкт-Петербург 2005, с. 6.

⁸ Zob. Ch. Perelman, *Imperium retoryki. Retoryka i аргументacja*, Tłum. M. Chomicz, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002, s. 22. Por.: „[...] Аргументacja to nie rodzaj abstrakcyjnie pojmowanego dowodu matematycznego, lecz z a b i e g k o m u n i k a c y j n y, którego celem jest zwiększenie stopnia wiarygodności pewnej tezy w oczach odbiorcy”, M. Tokarz, *Uwagi o skuteczności nieuczciwych chwytów polemicznych*, [w:] *Аргументacja i racjonalna zmiana przekonań*, red. W. Suchoń, I. Trzcieniecka-Schneider, D. Kowalski, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010, s. 35.

[...] обоснования положений, обращенные к представлениям о пользе, правдоподобии, общепринятости или психологической достоверности данных, из которых исходит рассуждение”⁹.

Jądrem takich argumentów jest mądrość ludowa, odzwierciedlona w przysłowiach, powiedzeniach¹⁰. W poniższym przykładzie W.W. Putin odwołuje się do powiedzenia/przysłowia¹¹ *убить курицу, которая несет золотые яйца*¹², porz.:

(1) „[odpowiedź na pytanie o bodźce dla przemysłu naftowego] Исхожу из того, что мы должны, безусловно, обеспечить диверсификацию российской экономики, но **не убить всеми этими решениями курицу, которая несет золотые яйца**. Мы должны и будем побуждать компании к большим вложениям в геологоразведку. Государство должно обратить на это больше внимания и тоже участвовать в этом процессе” [23 декабря 2004 года, Москва, Кремль, Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов].

W danym argumencie przytoczone powiedzenie/przysłowie oddziałuje na wyobraźnię, jasno tłumaczy podejmowane działania. W. Putin mówi o konieczności dywersyfikacji rosyjskiej gospodarki, ale metodami pozwalającymi uniknąć ogromnych strat. Zastosowane powiedzenie/przysłowie sprawia, iż ukazana droga staje się niejako oczywista. Konkretnie, obrazowe słownictwo pozwala bowiem jednoznacznie zinterpretować opisywany fragment rzeczywistości¹³. Jak zauważa A. Banasik, obrazowe przedstawienie problemu może skutecznie wpływać na wyborców, wywołując u nich uczucie aprobaty lub dezaprobaty w stosunku do określonych poglądów czy osób, a tym samym może kształtować opinie i postawy odbiorców¹⁴. Podobna sytuacja ma miejsce w argumentach do zdrowego rozsądku, w których zostały wykorzystane powiedzenia/przysłowia *на то и щука в реке*,

⁹ А.А. Волков, *Курс русской риторики*, Издательство храма св. муч. Татианы, Москва 2001, с. 144.

¹⁰ Zob. tamże.

¹¹ Terminy *поведение* i *присловие* nie są synonimami, niemniej granica między nimi nie jest wystarczająco precyzyjnie wyznaczona – zob. np. R. Stypuła, *Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2003.

¹² Dodajmy, iż w *Słowniku przysłów i powiedzeń rosyjsko-polskim, polsko-rosyjskim* znalazło się powiedzenie/przysłowie *Умерла <Подохла> та курица, что несла золотые яйца*, które zostało przetłumaczone jako „Zdechła kura <kokoszka>, co zносила złote jajka” (tamże, s. 407).

¹³ Zob. I. Biernacka-Ligieża, *Wściekły atak katoprawicy na jeszcze bardziej lewicową wiedźmę. Analiza językowa tekstów blogów polityków*, [w:] *Media w Polsce. Pierwsza władza IV RP?*, red. M. Sokołowski, Warszawa 2007, s. 37. Por.: „Posługując się przykładami, porównaniami, wykorzystując metafory, analogie, czy krótkie narracje, mówca może uobecnić w świadomości słuchaczy przedmiot perswazji. Obecność oddziałuje bezpośrednio na naszą wrażliwość”, A. Budzyńska-Daca, *Sztuka argumentacji*, [w:] *Retoryka*, red. M. Barłowska, A. Budzyńska-Daca, P. Wilczek, Warszawa 2008, s. 71.

¹⁴ Zob. A. Banasik, *Jak uwodzą politycy? Język marketingu politycznego w kampanii wyborczej*, 97, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2002, s. 50.

чтобы карась не дремал¹⁵ (przykład 2) i они роют ту яму, в которую сами когда-нибудь и попадут¹⁶ (przykład 3), por.:

(2) „Я думаю, что профсоюзы в нашей стране начали выполнять естественную и очень важную для них функцию – защиту интересов трудящихся. Они перестали быть какой-то школой, школой коммунизма, еще чего-то – это совершенно другая сфера деятельности. Они перестали быть политическим придатком какой-то партии, а стали выполнять самостоятельную функцию. И ответственное поведение профсоюзов – очень важно, очень востребовано. **«На то и щука в реке, чтобы карась не дремал»** [4 декабря 2008 года, Стенограмма телепрограммы «Разговор с Владимиром Путиным»];

(3) „Я считаю, что это [разрушение памятников советскому солдату] просто преступление, так к этому и нужно относиться. Те, кто это делают, недалёковидные люди, **они роют ту яму, в которую сами когда-нибудь и попадут**” [tamże].

W drugim argumencie obecny rosyjski przywódca używa powiedzenia/przysłowia *na to i щука в реке, чтобы карась не дремал*, aby przy jego pomocy wyrazić opisać ważną rolę, jaką pełnią związki zawodowe w Rosji. Powiedzenie/przysłowie *они роют ту яму, в которую сами когда-нибудь и попадут* w trzecim argumencie odnosi się z kolei do osób niszczących pomniki radzieckich żołnierzy. Przekaz, zawierający argumenty do zdrowego rozsądku, staje się dobitny, a zarazem emocjonalny, wskutek czego zwiększa swoją moc przekonywania, por.:

Аргументация опирается на веру в правдивость излагаемого, и эмоциональная форма делает доводы намного выигрышнее¹⁷.

Ekspresyjny, sugestywny język W.W. Putina objaśnia wyborcom zagadnienia polityczne, które nierzadko są bardzo skomplikowane i zbyt abstrakcyjne dla tzw. „zwykłego” obywatela. Przystępne, zrozumiałe wywody, pozbawione nasycenia

¹⁵ Przywołane powiedzenie/przysłowie w takiej wersji odnotowuje *Большой толковый словарь русского языка* (zob. *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Норинт, Санкт-Петербург 2004, s. 1511). W *Словнику przysłów i powiedzeń rosyjsko-polskim, polsko-rosyjskim* spotykamy hasło *Ha to u щука в море, чтоб(ы) карась не дремал*, przetłumaczoną jako *Na to szczupak w wodzie <stawie> jest, żeby karaś nie drzemał <nie drzymał>* [wydz. G.D.-W.], R. Stypuła, *Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2003, s. 231.

¹⁶ Warto nadmienić, iż w *Словнику przysłów i powiedzeń rosyjsko-polskim, polsko-rosyjskim* odnajdziemy dwa warianty polskiego powiedzenia/przysłowia *Kto pod kim dołki kopie, ten sam w nie wpada*: „Kто другому яму копает <роет>, тот сам в нее попадет <упадет>” i „Не рои другому яму <ямы>, сам в нее попадешь <упадешь>” (tamże, s. 178).

¹⁷ И.Н. Кузнецов, *Риторика или ораторское искусство*, Юнити-Дана, Москва 2004, с. 123. Por.: „Perswaduje się bardziej emocjami niż racjonalnymi argumentami. A inaczej mówiąc: emocjonalna sugestywność i zaraźliwość w zupełności wystarcza do osiągnięcia celu wypowiedzi, podczas gdy można się obejść bez doskonałej logiki, merytorycznej przejrzystości, informacyjnej treściwości”, M. Karwat, *Perswazja w tekstach politycznych – spojrzenie politologa*, [w:] *Język perswazji publicznej*, red. K. Mosiołek-Kłosińska, T. Zgółka, Poznań 2003, s. 113.

specjalistyczną terminologią są łatwo zapamiętywane przez słuchaczy. Zbliżają także głowę państwa do przeciętnych członków społeczeństwa.

Kolejne przykłady argumentów do zdrowego rozsądku stanowią następujące wypowiedzi:

(4) „**Долги всегда надо платить**. Вопрос только в том, как и когда это делать. Разумеется, мы это можем делать, только опираясь на основной экономический закон страны – на бюджет” [25 декабря 2000 года, Интервью телеканалам ОРТ, РТР и «Независимой газете»];

(5) „Действительно, мы будем исходить из известного принципа, который можно сформулировать так: **эффективность и минимальные затраты**” [23 июня 2001 года, Москва, Кремль, Заявление для прессы и ответы на вопросы по итогам российско-австрийских переговоров];

(6) „В следующем году планируются крупные расходы, крупнейшие за всю новейшую историю, на здравоохранение: на ближайшие 2 года – 460 млрд рублей. И, естественно, **деньги не синтезируются из воздуха**, – мы вынуждены повышать налоговую нагрузку на этот сектор, вот в этой части, в сфере социальных налогов” [16 декабря 2010 года, Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение»];

(7) „[...] конечно, **нужно трезво смотреть на то, что происходит** в медийном пространстве, анализировать, но нервно реагировать – это недостойно России, и мы так делать не будем” [14 февраля 2008 года, Москва, Кремль, Ежегодная большая пресс-конференция];

(8) „**Нужно время**, конечно. Нет такой таблетки от коррупции: раз, проглотил – и все, и государство выздоровело” [тамże];

(9) „Конечно, всегда можно сказать: денег не хватает. **Денег всегда не хватает**. Вопрос в том, куда их направлять и что считать приоритетом. Вот про такие вещи, от которых прямо зависит благополучие каждого конкретного человека, каждого гражданина, про это нельзя забывать” [6 мая 2011 года, Выступление В.В. Путина на Межрегиональной конференции партии «Единая Россия» на тему «Стратегия социально-экономического развития Юга России до 2020 года. Программа на 2011–2012 годы»].

W przytaczanych wyżej argumentach W.W. Putin powołuje się na znane powiedzenia / przysłowia, odzwierciedlające oczywiste zasady, zjawiska panujące w społeczeństwie: *долги всегда надо платить* (przykład 4); *эффективность и минимальные затраты* (przykład 5); *деньги не синтезируются из воздуха* (przykład 6); *нужно трезво смотреть на то, что происходит* (7); *нужно время* (8) oraz *денег всегда не хватает* (9). Powszechnie przyjęte wyrażenia nadają wypowiedziom obiektywizmu, prawdziwości i ogólnej akceptacji. Trudno nie zgodzić się na przykład z zasadami, iż długi trzeba spłacać czy sytuację należy oceniać trzeźwo. Mówca, posługujący się argumentami do zdrowego rozsądku, próbuje ograniczyć polemikę z głoszonymi twierdzeniami. Argumenty te wywołują u odbiorców wrażenie naturalności i uniwersalności przytaczanych tez, dzięki czemu masowy

odbiorca nie kwestionuje ich zasadności. Ma to szczególne znaczenie w przypadku chęci uzyskania przychylności słuchaczy i ich aprobaty, przyzwolenia na podjęte decyzje w tak poważnych kwestiach państwowych, jak spłata zaciągniętych pożyczek, finansowanie służby zdrowia czy walka z korupcją.

Fakt bezsporności argumentów do zdrowego rozsądku W.W. Putin dodatkowo akcentuje przez użycie w nich wykładników modalności epistemicznej takich, jak *разумеется, действительно, конечно* i *естественно*, por.:

Во всех своих употреблениях **конечно** представляет факт существования некоторой ситуации как достаточно очевидный. Говорящий считает, то знание имеющих место обстоятельств или общего порядка вещей дает адресату всю информацию, необходимую для того, чтобы самому сделать вывод о существовании некоторой ситуации. [...] К доминанте **конечно** очень близки синонимы **разумеется** и **естественно**, которые выражают похожее значение в более категоричной форме. Они представляют существование некоторой ситуации как факт, который, по мнению говорящего, должен быть абсолютно очевиден адресату без каких-либо дополнительных объяснений и доводов, потому что адресат располагает более чем достаточной информацией для соответствующих выводов¹⁸.

Należy uzupełnić, iż aforyzmy, cytaty, związki frazeologiczne, utarte wyrażenia, powiedzenia i przysłowia wypełniają w tekście politycznym również istotne funkcje estetyczne, por.:

Используемые в тексте прецедентные феномены делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят новое событие в общеисторический и культурный контекст. Названные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку¹⁹;

Porównania do przeszłości, przywoływanie znanych cytatów lub bohaterów literackich, odwoływanie się do [...] tradycji, których znaczenia nikt nie zakwestionuje, powodują emocjonalizację i wyrazistość wypowiedzi, która oddziałuje na odbiorcę poprzez konotacje i w ten sposób skutecznie wartościuje aktualnie opisywaną problematykę²⁰.

¹⁸ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Общее руководство Ю.Д. Апресян, Школа «Языки славянской культуры», Москва 2003, с. 476.

¹⁹ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика. Учебное пособие*, Флинта, Наука, Москва 2008, с. 115.

²⁰ B. Batko-Tokarz, *Perswazja w dyskursie sejmowym*, Wydawnictwo „Scriptum”, Kraków 2008, s. 206. Por.: „Poza sięganiem do ograniczonego zasobu metafor i etykietek językowych nadawca, reprezentujący władzę, chętnie korzysta [...] także z **frazeologizmów**, które zwiększają obrazowość, wyrazistość wypowiedzi i nadają jej wartość emocjonalną. Zaletą stałych związków frazeologicznych z perspektywy propagandzisty jest ich schematyczność i konkretność, która pozwala w przekonujący i skuteczny sposób ukazywać odbiorcy ideologiczną wymowę interpretowanych wydarzeń. Ważne jest także to, iż ich źródła i geneza nawiązują do pojęć, z których korzysta metaforyka propagandowa, wzmacniają więc one ponownie koherencję i jednoznaczność wypowiedzi”, P. Nowak, *Retoryka a propaganda polityczna*, [w:] *Retoryka*, red. M. Bałowska, A. Budzyńska-Daca, P. Wilczek, Warszawa 2008, s. 220–221.

Ważne przykłady argumentów do zdrowego rozsądku stanowią też poniższe fragmenty wystąpień W.W. Putina:

(10) „[...] мне кажется, что **все хорошо в меру**. И Интернет – это полезная вещь, если оттуда извлекается нужная информация для образования, для развития человека. А если это какая-то болтовня часовая, то мне кажется, что толку в этом немного. Это потеря времени” [18 декабря 2003 года, Стенограмма прямого теле- и радиоз- эфира «Прямая линия с Президентом России»];

(11) „Что касается приезда, еще раз повторяю, господина Ющенко. Хочу еще раз подчеркнуть, у нас с ним очень хорошие отношения. Что нас беспокоит? Попытки, повторяю, решать политические вопросы неправовыми методами. И уже совсем, мне кажется, **недопустимо менять правила игры в ходе тех или иных процессов**. Это, знаете, все равно что начали футбольный матч по одним правилам, а заканчиваем – по другим. Ерунда какая-то. Но в конечном итоге, повторяю, мы примем любое решение, которое вынесет украинский народ, и будем работать с любым руководителем” [23 декабря 2004 года, Москва, Кремль, Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов];

(12) „По оценкам различных экспертов, мы восстановим докризисный уровень ВВП [Валовой внутренний продукт], некоторые из экспертов говорят, в конце 2012 года, некоторые говорят – в конце 2011 года. Я думаю, что **правда, как обычно, посередине** – где-то в первой половине 2012 года мы должны выйти на докризисный уровень” [16 декабря 2010 года, Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение»];

(13) „Я знаю, что среди прокурорского корпуса, особенно в связи с организацией округов, звучат предложения о получении дополнительных полномочий. Думаю, что, как говорят в быту, **«перетягивание одеяла»** – это не всегда самый лучший способ решения проблемы. Взять на себя все – вряд ли это оправданно, закрыть все бреши российской законности не получится даже у такой мощной и авторитетной организации, которой является прокуратура” [11 января 2001 года, Москва, Выступление на Всероссийском совещании прокуроров].

Wymienione argumenty odwołują się do znanych powiedzeń / przysłów: *все хорошо в меру* (przykład 10), *недопустимо менять правила игры в ходе тех или иных процессов* (przykład 11), *правда посередине* (12) i *перетягивание одеяла* (13). W.W. Putin uznaje akceptowane przez większość przekonania, a także zwiększa atrakcyjność swojego przekazu, por.:

Dzisiejszy polityk musi się sprzedać, musi zwrócić na siebie uwagę, musi oryginalnie, niebanalnie zaistnieć w mediach. Słowo odgrywa tu wielką rolę. Jest zawsze reklamą²¹.

Popieranie własnych tez powszechnie akceptowanymi stwierdzeniami jest również zabiegiem mającym na celu zwiększenie wiarygodności mówiącego²².

²¹ K. Ożóg, *Pauperyzacja języka współczesnej polityki*, „LingVaria” 2006, nr 1, s. 87.

²² Zob. L. Polkowska, *Językowe środki perswazji w przemówieniach sejmowych Romana Giertycha*, „Poradnik Językowy” 2004, nr 9, s. 55.

Przeanalizowane użycia argumentów do zdrowego rozsądku w dyskursie politycznym pozwalają konstatować, iż argumenty te mają za zadanie przekonać wyborców, zapewniając bezdyskusyjność prezentowanych poglądów. Argumenty do zdrowego rozsądku oddziałują na społeczeństwo poprzez jasny i efektowny sposób unaocznienia omawianego problemu.

Literatura

- Banasik A., *Jak uwodzą politycy? Język marketingu politycznego w kampanii wyborczej* ,97, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2002.
- Bartoszewicz I., *Argumenty – próba klasyfikacji*, „Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia Linguistica XXII” 2003, nr 2552.
- Batko-Tokarz B., *Perswazja w dyskursie sejmowym*, Wydawnictwo „Scriptum”, Kraków 2008.
- Biernacka-Ligęza I., *Wściekły atak katoprawicy na jeszcze bardziej lewicową wiedźmę. Analiza językowa tekstów blogów polityków*, [w:] *Media w Polsce. Pierwsza władza IV RP?*, red. M. Sokołowski, Warszawa 2007.
- Budzyńska-Daca A., *Sztuka argumentacji*, [w:] *Retoryka*, red. M. Barłowska, A. Budzyńska-Daca, P. Wilczek, Warszawa 2008.
- Karwat M., *Perswazja w tekstach politycznych – spojrzenie politologa*, [w:] *Język perswazji publicznej*, red. K. Mosiołek-Kłosińska, T. Zgółka, Poznań 2003.
- Korolko M., *Sztuka retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1998.
- Nowak P., *Retoryka a propaganda polityczna*, [w:] *Retoryka*, red. M. Barłowska, A. Budzyńska-Daca, P. Wilczek, Warszawa 2008.
- Ożóg K., *Pauperyzacja języka współczesnej polityki*, „LingVaria” 2006, nr 1.
- Perelman Ch., *Imperium retoryki. Retoryka i argumentacja*, tłum. M. Chomicz, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002.
- Polkowska L., *Językowe środki perswazji w przemówieniach sejmowych Romana Giertycha*, „Poradnik Językowy” 2004, nr 9.
- Stypuła R., *Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2003.
- Tokarz M., *Uwagi o skuteczności nieuczciwych chwytów polemicznych*, [w:] *Argumentacja i racjonalna zmiana przekonań*, red. W. Suchoń, I. Trzcieniecka-Schneider, D. Kowalski, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010.
- Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Норинт, Санкт-Петербург 2004.
- Волков А.А., *Курс русской риторики*, Издательство храма св. муч. Татианы, Москва 2001.
- Ивин А.А., *Основы теории аргументации*, Гуманит. изд. центр Владос, Москва 1997.
- Карасик В.И., *Игра по правилам в политическом дискурсе о России на Западе*, [в:] *Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры. Материалы Международной научной конференции 13–17 сентября 2010*, ред. А.П. Чудинов, Екатеринбург 2010.
- Кузнецов И.Н., *Риторика или ораторское искусство*, Юнити-Дана, Москва 2004.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, Общее руководство Ю.Д. Апресян, Школа «Языки славянской культуры», Москва 2003.

Стернин И.А., *Практическая риторика*, Издательский центр „Академия”, Москва 2006.

Тимофеев А.И., *Аргументация: теория и практика. Учебное пособие*, ГОУ ВПО «СПбГУ-ЛАП», Санкт-Петербург 2005.

Чудинов А.П., *Политическая лингвистика. Учебное пособие*, Флинта, Наука, Москва 2008.

Аргументы к здравому смыслу в политическом дискурсе (на примере выступлений В.В. Путина)

Резюме

Политический дискурс это дискурс борьбы за голоса избирателей, поэтому активно используется в нем аргументация с целью убедить оппонентов в правоте сказанного. В настоящей статье рассматривается один из типов аргументов, применяемых в политическом дискурсе, то есть аргументы к здравому смыслу. Материалом исследования служат официальные, публичные высказывания Президента Российской Федерации – В.В. Путина. Приводится дефиниция аргументов к здравому смыслу и описываются функции данных аргументов в политическом дискурсе, а также их главная задача – указать на бесспорность выдвинутых тезисов.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лингвистика, аргументация, аргументы к здравому смыслу

Arguments to Common Sense in Political Discourse (On the Example of Speeches of Vladimir Putin)

Abstract

Political discourse is the discourse of the struggle for votes, therefore argumentation is in it widely used to convince opponents of the correctness of what has been said. The article presents one of the types of arguments used in the political discourse, arguments to common sense. The material for research is served by the official public texts of utterances made by V.V. Putin. Definition of arguments to common sense is provided and the main functions of this phenomenon are given. The analysis shows that arguments to common sense are indisputable, somehow obvious, accepted by the majority.

Key words: political discourse, political linguistics, argumentation, arguments to common sense

Gabriela Dudek-Waligóra

doktor nauk humanistycznych

w zakresie językoznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie

lektor języka rosyjskiego w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ

Gabriela Dudek-Waligóra, PhD

Institute of East Slavonic Studies

Jagiellonian University

e-mail: gabriela.dudek@uj.edu.pl

+48 514 456 736

Dariusz Gancarz

Czyny zabronione w polskim prawie karnym i ich (nie)przekładalność na język rosyjski

Zróznicowany charakter ustawodawstwa w poszczególnych krajach nie po raz pierwszy dostarcza niemałych kłopotów tłumaczom tekstów prawnych i prawniczych. Tak też dzieje się w przypadku osób zajmujących się przekładem na język rosyjski treści odnoszących się do polskiego prawa karnego. Najczęściej z taką tematyką spotykają się tłumacze przysięgli, aczkolwiek warto pamiętać, że prawo karne materialne (gdzie przedmiotem jest nauka o przestępstwie i karze) jest dziedziną, która dotyczy człowieka oraz granic, których nie wolno mu przekraczać, a zatem istnieje w szerokim kontekście społecznym i jest związana ze wszystkimi relacjami międzyludzkimi. Niemal codzienna obecność spraw karnych w programach informacyjnych, prasie czy źródłach internetowych potwierdza prawdopodobieństwo faktu, iż z tą terminologią zetkną się nie tylko tłumacze występujący w charakterze pomocników procesowych. Co istotne, spotykają się oni wielokrotnie z formami nieprawidłowymi, chociaż stosowanymi przez rodzimych użytkowników języka. Rzecz dotyczy przede wszystkim dziennikarzy, którzy notorycznie informują społeczeństwo o karach więzienia i dożywocia¹, podczas gdy polska ustawa karna przewiduje w art. 32 kary pozbawienia wolności i dożywotniego pozbawienia wolności².

Problemy na gruncie języka ojczystego pojawiają się również przy klasyfikacji czynów zabronionych. Ustawodawca polski w art. 7 § 1 Kodeksu karnego dokonał podziału przestępstw na zbrodnie i występki. Zbrodnią jest czyn zabroniony zagrożony karą pozbawienia wolności na czas nie krótszy od lat 3 albo karą surowszą (art. 7 § 2). Występkiem natomiast jest czyn zabroniony zagrożony grzywną powyżej 30 stawek dziennych albo powyżej 5000 złotych, karą ograniczenia wolności przekraczającą miesiąc albo karą pozbawienia wolności przekraczającą miesiąc (art. 7 § 3)³.

Nie ulega wątpliwości, że ustawowy podział przestępstw będzie większości rodzimych użytkowników języka polskiego, niezainteresowanych tematyką prawa lub niemających z nią do czynienia, nieznaną. Trudno zatem przypuszczać, aby odbiorca

¹ Z „dożywociem” jest szczególnie kłopot, ponieważ jest to termin z zakresu prawa cywilnego.

² Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. – Kodeks karny, Dz.U.1997 nr 88 poz. 553.

³ Obecna definicja „występku” obowiązuje od 1.07.2015 r., kiedy weszła w życie nowelizacja art. 7 § 3.

rosyjski dysponował taką wiedzą. Powstaje pytanie, na jaki ekwiwalent powinien zdecydować się tłumacz, jaką technikę tłumaczeniową zastosować oraz z jakich źródeł skorzystać. Na początku autor niniejszego artykułu postanowił sprawdzić, co proponują często wykorzystywane przez niego słowniki polsko-rosyjskie:

1. D. Hessen, R. Stypuła, *Wielki słownik polsko-rosyjski, P-Ż*, Warszawa 2004:

występek – 1. *проступок, прогрешение*; 2. *порок, безнравственность*.

zbrodnia – *преступление; злодеяние*.

2. *Wielki słownik polsko-rosyjski*, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2005:

występek – *проступок; прогрешение; правонарушение*.

zbrodnia – *преступление*.

3. T. Zobek, *Słownik terminologii prawniczej polsko-rosyjski*, Warszawa 2008:

występek – *менее тяжкое преступление*.

zbrodnia – *тяжкое преступление*.

Zastanawiając się nad propozycjami słownikowymi, warto rozważyć, które z technik tłumaczeniowych należałoby oddać pierwszeństwo. Anna Jopek-Bosiacka, porównując system prawny polski z anglosaskim, pisze:

W zakresie stosowanej terminologii, pomimo ogromnych nieraz różnic między systemem anglosaskim a systemem polskim, tam gdzie to możliwe, należy odwoływać się do analogicznych instytucji prawa anglosaskiego bądź polskiego, w zależności od kierunku tłumaczenia. W przeciwnym razie narazimy się jako tłumacze na zarzut braku profesjonalizmu⁴.

To, w opinii autora niniejszego tekstu, pogląd trafny i zasługujący na pełną aprobatę. Wynika z niego, że podstawowym zadaniem tłumacza będzie znalezienie ekwiwalentu funkcjonalnego⁵ dla terminów „zbrodnia” i „występek”. Zaprezentowane powyżej propozycje tłumaczenia w słownikach języka ogólnego nie są oparte o wskazaną technikę tłumaczeniową, nie uwzględniają specjalistycznego prawnego charakteru omawianych terminów oraz są pozbawione kontekstów użycia. Traktują występki jako przekroczenie ustalonych norm moralnych, a terminy pochodzące z języka prawnego, czyli „проступок” i „правонарушение”, nie są propozycjami trafnymi. Pierwszy z nich nie odnosi się do prawa karnego i nie pojawia się w Kodeksie karnym Federacji Rosyjskiej – jest to termin z zakresu prawa cywilnego, administracyjnego, prawa pracy, któremu w zależności od charakteru tekstu możemy przypisać takie ekwiwalenty, jak: delikt, wykroczenie, przewinienie. „Правонарушение” należy natomiast rozumieć jako naruszenie norm prawnych, czyn bezprawny. „Правонарушения” dzielą się na „преступления” i „проступки”, a kryterium tego podziału stanowi stopień społecznej szkodliwości czynu. Jak widać, ten termin nie może być ekwiwalentem występku w rozumieniu prawa karnego.

⁴ A. Jopek-Bosiacka, *Przekład prawny i sądowy*, Warszawa 2006, s. 134.

⁵ Klasyfikacja technik tłumaczeniowych została w niniejszym artykule oparta na podziale dokonanym w: K. Hejwowski, *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Warszawa 2012, s. 76–104.

„Преступление” jako powszechnie używany ekwiwalent terminu „zbrodnia” również nie spełnia wymogów poprawności – jego zastosowanie będzie sprowadzać się do języka codziennego użytku, gdzie zbrodnię rozumiemy, jako ciężkie przestępstwo, dokonane najczęściej w sposób bezwzględny i ze szczególnym okrucieństwem. W kategoriach języka prawnego „преступление” będzie ekwiwalentem funkcjonalnym terminu „przestępstwo”, a hiperonimem wobec „zbrodni”.

W słowniku terminologii specjalistycznej autorstwa Teresy Zobek została natomiast podjęta próba zaproponowania ekwiwalentu funkcjonalnego. „Тяжкое преступление” jest jednym z czterech rodzajów czynów zabronionych, przewidzianych przez Kodeks karny Federacji Rosyjskiej. Nie jest to jednak wybór doskonały i zgodzić należy się z Januszem Poznańskim, że może wprowadzać odbiorcę rosyjskiego w błąd⁶. Aby zrozumieć istotę problemu, należy przybliżyć klasyfikację przestępstw w rosyjskiej ustawie karnej⁷:

1. Преступления небольшой тяжести – умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.
2. Преступления средней тяжести – умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, превышает три года лишения свободы.
3. Тяжкие преступления – умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.
4. Особо тяжкие преступления – умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Jak wynika z powyższego zestawienia, klasyfikacja przestępstw w Federacji Rosyjskiej obejmuje cztery kategorie, a podział, zgodnie z treścią ust. 1 art. 15 rosyjskiego kodeksu karnego, został dokonany ze względu na charakter czynu i stopień jego społecznej szkodliwości. Koncentrując uwagę na kategorii „тяжкие преступления”, jako proponowanemu odpowiednikowi „zbrodni”, należy wskazać na dwa elementy, które dyskwalifikują taki wybór:

1. Granica ustawowego zagrożenia – zastosowanie związku wyrazowego „тяжкие преступления” może zasugerować odbiorcy rosyjskiemu, że za popełnienie zbrodni w Polsce grozi kara pozbawienia wolności na okres od 5 do 10 lat. Tymczasem w polskiej ustawie karnej została wskazana dolna granica

⁶ Opinia ta pochodzi z materiałów poglądowych stanowiących podsumowanie prelekcji Janusza Poznańskiego dotyczącej problemów tłumaczeniowych wynikających z różnic w polskim i rosyjskim systemie prawnym na przykładzie terminów oznaczających czyny zabronione, a wygłoszonej w trakcie XXVI Warsztatów Przekładu Prawniczego i Specjalistycznego TEPIS, Warszawa, 6.10.2012.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ.

zagrożenia, która wynosi nie mniej niż 3 lata pozbawienia wolności. Nie określono natomiast górnej granicy, co oznacza, że maksymalną karą może być dożywotnie pozbawienie wolności, jako najsurowsze z przewidzianych w art. 32 zagrożeń.

2. Waga przestępstwa – w polskim kodeksie zbrodnie są przestępstwami wagi najcięższej, podczas, gdy w rosyjskiej ustawie karnej najsurowiej karane są „особо тяжкие преступления”. Skorzystanie z ekwiwalentu „тяжкие преступления” może doprowadzić do błędnego przekonania, że istnieje jeszcze jedna kategoria przestępstw.

W cytowanym *Słowniku terminologii prawniczej* „występek” został przetłumaczony jako „менее тяжкое преступление”. Ta propozycja również może być niejasna w odbiorze, ponieważ w Kodeksie karnym Federacji Rosyjskiej przestępstwami mniejszej wagi są „преступления небольшой тяжести” oraz „преступления средней тяжести”. Wybór tego ekwiwalentu nie spełni zatem kryterium wierności.

Po analizie propozycji słownikowych można postawić pytanie, czy mamy do czynienia z nieprzekładalnością polskich czynów zabronionych. Za argument uzasadniający takie stwierdzenie można by uznać nieobecność w rosyjskiej ustawie karnej dychotomicznego podziału przestępstw, a dodatkowo funkcjonowanie podziału odmiennego, przewidującego cztery kategorie, ukształtowane w sposób wykluczający dobór ekwiwalentu funkcjonalnego. Rozumiejąc nieprzekładalność jako niemożność oddania w języku docelowym pojęć lub zjawisk występujących w języku źródłowym oraz biorąc pod uwagę fakt, że tłumacze tekstów prawnych i prawnych nieustannie mają do czynienia z nieprzystawalnością systemów prawnych należy zdecydowanie odrzucić takie stanowisko. Pojęcia zbrodni i występku nie należą bynajmniej do nieprzetłumaczalnych, są natomiast terminami, które nie posiadają w rosyjskiej rzeczywistości prawnej swoich odpowiedników. Brak ekwiwalencji stanowi poważną barierę podczas dokonywania tłumaczenia, nie może jednak uniemożliwiać przekładu. Tłumacz, wybierający prawo jako jedną z dziedzin swojej pracy, w zasadzie musi zapomnieć o rozważaniach na temat nieprzekładalności, ponieważ zobowiązany jest w sposób szczególnie dbać o równowagę treściową pomiędzy tekstem źródłowym a docelowym. Pomijanie elementów zawartych w oryginale lub proponowanie niewłaściwego ekwiwalentu w kontekście reguł interpretacyjnych językowej wykładni prawa może doprowadzić do błędnej rekonstrukcji norm prawnych.

Wobec powyższego należałoby się zastanowić, z jakich rozwiązań może skorzystać tłumacz, mierząc się z zadaniem przekładu pojęć pozbawionych ekwiwalentów. Wydaje się, że technika reprodukcji (zapożyczenia) nie będzie w tym wypadku uzasadniona, ponieważ nie odda istoty podziału polskich czynów zabronionych, trudno również mówić o rozpoznawalności polskiego języka prawnego w innych krajach. Może jednak pełnić funkcję pomocniczą, co zostanie uzasadnione w dalszej części analizy. Ekwiwalent opisowy byłby ostatecznością i w tym przypadku także należałoby zarezerwować dla takiego rozwiązania funkcję posiłkową. Warto wrócić w tym miejscu do *Słownika terminologii prawniczej* Teresy Zobek i dostrzec także plusy zawarte tam propozycji. Przede wszystkim autorka trafnie oddała w tłumaczeniu istotę podziału czynów zabronionych, a mianowicie wspomnianą już wagę przestępstwa. Poza tym podjęła próbę samodzielnego utworzenia odpowiednika

dla terminu „występek”, opartego na rzeczowniku „преступление” z określającym natężenie czynu przymiotnikiem w stopniu wyższym „менее тяжкое”. To dobra decyzja, ponieważ każda z kategorii przestępstw wymienionych w rosyjskim kodeksie karnym zawiera w swojej nazwie ten wyraz, a dołączane określenia stopniują ciężar semantyczny. Wydaje się, że zachowanie równowagi ilościowej, czyli stworzenie przez tłumacza neologizmów w postaci jednowyrazowych odpowiedników, nie jest w tym przypadku możliwe do zrealizowania.

Aby uniknąć błędu popełnionego w *Słowniku terminologii prawniczej*, należałoby zastanowić się nad możliwością stworzenia odpowiedników neutralnych dla odbiorcy rosyjskiego, a mianowicie niezawierających w sobie określeń zarezerwowanych dla kategorii przestępstw w Federacji Rosyjskiej. Należy wykluczyć użycie następujących określeń: „небольшой тяжести”, „средней тяжести”, „тяжкие”, „особо тяжкие”. Jednocześnie warto wykorzystać rosyjskie konstrukcje kodeksowe i w ten sposób odzwierciedlić polski podział przestępstw ze względu na ich wagę. Uwzględniając powyższe czynniki, autor niniejszego artykułu proponuje, aby rozważyć użycie następujących odpowiedników:

1. Występek – преступление меньшей тяжести.
2. Zbrodnia – преступление большой тяжести.

Zdaniem autora, propozycje te będą bliskie odbiorcy rosyjskiemu, a jednocześnie nie wprowadzą go w błąd. Przy tłumaczeniu terminu „zbrodnia” brane pod uwagę było jeszcze użycie przymiotnika w stopniu wyższym, gdzie odpowiednik przyjąłby postać: „преступление большей тяжести”. Ten wybór mógłby jednak wskazywać, że istnieje jeszcze jedna kategoria surowiej karanych przestępstw, a takiej sugestii należało uniknąć. Powracając w tym miejscu do funkcji pomocniczej zapożyczenia, warto w nawiasie obok rosyjskiego odpowiednika umieścić terminy polskie z zachowaniem ich oryginalnej pisowni. Pozwoli to uniknąć wszelkich niejasności oraz stworzy odbiorcy języka docelowego szerszą możliwość operowania nową dla niego terminologią.

Dalsze kroki zależą od treści tłumaczonego tekstu. Jeżeli w formie pisemnej lub ustnej nie zostanie podana definicja zbrodni lub występkę, warto, aby tłumacz uczynił to w przypisie lub komentarzu. Przy zbrodni wyjaśniamy:

Это запрещенное уголовным законом деяние, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 3 лет либо более строгое наказание.

Natomiast przy występkę piszemy:

Это запрещенное уголовным законом деяние, совершение которого наказуется штрафом в размере более 30 дневных ставок либо более 5000 злотых, ограничением свободы на срок свыше 1 месяца либо лишением свободы на срок свыше 1 месяца.

W podsumowaniu problemu trudności w przekładzie na język rosyjski polskich czynów zabronionych, należy jednoznacznie opowiedzieć się za użyciem odpowiedników rosyjskich. Jest to zadanie niełatwe, bowiem, jak już zostało stwierdzone,

terminy „zbrodnia” i „występek” są pozbawione ekwiwalentów funkcjonalnych. Jednak zastosowanie w charakterze techniki podstawowej zapożyczenia lub ekwiwalentu opisowego znacznie skomplikuje odbiór tekstu docelowego, czego każdy tłumacz chciałby niewątpliwie uniknąć.

Literatura

Gardocki L., *Prawo karne*, Warszawa 2011.

Hejwowski K., *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Warszawa 2012.

Hessen D., Stypuła R., *Wielki słownik polsko-rosyjski, P-Ż*, Warszawa 2004.

Jopek-Bosiacka A., *Przekład prawny i sądowy*, Warszawa 2006.

Kubacki A.D., *Tłumaczenie poświadczone. Status, kształcenie, warsztat i odpowiedzialność tłumacza przysięgłego*, Warszawa 2012.

Marek A., *Kodeks karny. Komentarz*, Warszawa 2007.

Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. – Kodeks karny, Dz.U. 1997 nr 88 poz. 553.

Warylewski J., *Prawo karne. Część ogólna*, Warszawa 2012.

Wielki słownik polsko-rosyjski, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2005.

Zobek T., *Słownik terminologii prawniczej polsko-rosyjski*, Warszawa 2008.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), ред. А.И. Чу-чаев, Москва 2014.

Кузнецов С.А., *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2000.

Уголовное право России. Части общая и особенная, ред. А.И. Рапог, Москва 2012.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ.

Запрещенные деяния в польском уголовном законе и их (не)переводимость на русский язык

Резюме

Разнообразный характер законодательства в отдельных странах не в первый раз доставляет немалых проблем переводчикам правовых и юридических текстов. С такими трудностями сталкиваются, конечно, и те, кто занимается переводом на русский язык текстов, относящихся к польскому уголовному праву. В статье затрагивается вопрос перевода названий преступлений. Польский законодатель в п. 1 ст. 7 Уголовного кодекса делит их на «zbrodnie» и «występki». Переводчику (в частности присяжному) часто приходится подбирать аналог для вышеуказанных терминов, что является непростой задачей. Предлагаемые в польско-русских словарях эквиваленты не имеют специализированного правового характера, причем существует опасность, что введут российского реципиента в заблуждение. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать существующие уже аналоги и ответить на вопрос: «Имеем ли дело с непереводаемостью?».

Ключевые слова: уголовное право, уголовный кодекс, преступление, Польша, перевод, присяжный переводчик.

Acts Prohibited in Polish Criminal Law and Their (un)Translatability into Russian

Abstract

It is not for the first time that the diverse character of law in individual countries causes some problems to translators of legal and law texts. The situation can be also noticed in the case of people who translate into Russian texts concerning Polish criminal law – namely, forbidden acts. Polish law in art. 7 § 1 of penal code distinguishes crime and minor offence. The task that a translator (especially a sworn translator) very often face is to search equivalents for the above notions. Dictionaries include suggestions without taking into consideration a specialist legal character of mentioned terms or may even mislead a Russian reader. The present article shows an attempt to characterize already existing equivalents and to answer the question if we are dealing with untranslatability.

Key words: criminal law, penal code, crime, Poland, translation, sworn translator.

Dariusz Gancarz
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Dariusz Gancarz, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: gandarus@gandarus.pl
+48126626748

Elżbieta Kossakowska

О нескольких механизмах образования русских экономических терминов

Более чем двадцать лет прошло с момента как в России стала формироваться новая специальная лексика. К этому пласту лексики относятся как термины, так и профессионализмы, профессиональные слова и обороты. Этими последними пользуется, как правило, узкая группа людей, объединенная общей профессией, в своем кругу, в неофициальном, часто устном общении.

Профессионализмы выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов. Известно, что термины не имеют синонимов, они являются «узаконенными названиями каких-либо специальных понятий»¹, а профессионализмы, в свою очередь, обязательно имеют нейтральный или книжный с точки зрения стилистической окраски синоним². Профессионализмы употребляются как неофициальные заменители терминов лишь в ограниченной специальной тематикой речи лиц, связанных по профессии³. По происхождению профессионализмы, как правило, являются результатом метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия. Они всегда экспрессивны и противопоставляются точности и стилистической нейтральности терминов.

Термин – это слово и/или словосочетание, которое соотносится со специальным, например, профессиональным, понятием. В результате необыкновенного прогресса современных технологий и других областей экономики свыше 90% новых слов, которые появляются в языке, составляют термины⁴.

Итак, термины, в отличие от профессионализмов, характеризуются дефинитивностью, мотивированностью, структурностью и системностью. Именно благодаря дефинитивности, каждая терминологическая единица выделяется из лексикона общелитературного языка, из словарного состава каждого языка⁵.

¹ *Энциклопедия. Русский язык*, Золотой фонд, Москва 2003, с. 393.

² Г.С. Солганик, Т.С. Дроняева, *Стилистика современного русского языка и культура речи*, Москва 2002, с. 99.

³ *Энциклопедия. Русский язык...*, с. 393.

⁴ *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, под ред. М.Н. Кожинной, Москва 2004, с. 544.

⁵ Там же, с. 544–545.

Специальная лексика способна образовать последовательную терминологическую систему благодаря ее структурности и системности. Анализированные нами слова и выражения специальной лексики мы почерпнули из *Русско-польского словаря. Бизнес и экономика*⁶. См.:

акцептовать – *акцептование* – банковское *акцептование*;
обращаться – *обращение* – вексельное *обращение*.

Эта группа терминов могла образоваться благодаря актуализации объекта действия исходного глагола. Отмечаются здесь производные существительные, мотивированные переходными глаголами, например, *акцептовать*, *инвестировать* и др. Немногочисленны непереходные глаголы, действия которых хотя бы частично охватывают свой объект, например, *обращаться*. Бесспорно, что непереходные глаголы, выражающие значение действия и перемещения в пространстве, значение проявления признака, значение физического и психического состояния и др., не мотивируют названий объектов действия.

Орудием, благодаря которому возможно проследить процесс образования также слов специальной лексики, является словообразовательная парафраза, имеющая структуру пропозиции, а именно ‘*x является p*’, где *x* – это аргумент, а *p* – предикат⁷.

См. акцептовать *что-либо* – ‘название действия *акцептовать*’, т.е. *акцептование*, обозначающее уже не предикат, а пропозициональный (событийный) аргумент, который является носителем всех семантических и грамматических составляющих мотивирующего глагола. В результате следующего словотворческого шага пропозициональный аргумент, т.е. отвлеченное название действия, появляется в позиции объекта действия. Перечисляемые ниже экономические термины состоят из прилагательного и определяемого им существительного, преобразовавшегося в конкретное имя. Такие словосочетания характеризуются, как правило, более узкой экстенсией с одной стороны, и более насыщенной интенсией, с другой по отношению к экстенсии и интенсии исходного глагола. См.:

акцептовать *что-либо* – акцептование *чего-либо* – банковское *акцептование*;
амортизировать *что-либо* – амортизация *чего-либо* – депрессивная *амортизация*;
аннулировать *что-либо* – аннулирование *чего-либо* – временное *аннулирование*;
взыскивать/взыскать *что-либо* – взыскание *чего-либо* – административное *взыскание*;
доставлять/доставить *что-либо* – доставка *чего-либо* – оплаченная *доставка*;
контролировать *что-либо* – контроль *чего-либо* – предварительный *контроль*;

⁶ L. Jochym-Kuszlikowa, E. Kossakowska, *Rosyjsko-polski słownik. Biznes i gospodarka*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2009.

⁷ Логические понятия *пропозиция*, *предикат*, *аргумент* используются в семантическом синтаксисе. См. S. Karolak, *Składnia wyrażen predykatywnych*, [w:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, pod red. Z. Topolińskiej, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1984.

назначать/назначить *что-либо* – назначение *чего-либо* – служебное *назначение*;
обрабатывать/обработать *что-либо* – обработка *чего-либо* – статистическая
обработка;
обращаться – *какое* обращение? – банкнотное *обращение*, товарное *обращение*;
погашать/погасить *что-либо* – погашение *чего-либо* – амортизационное
погашение;
урегулировать *что-либо* – урегулирование *чего-либо* – дружественное
урегулирование.

Состав терминологической лексики пополняется, как правило, иноязычными словами. Активное участие в процессе ее формирования «принимает» и сама система родного – в данном случае – русского языка. Конечно, язык широко понимаемой рыночной экономики не обладает особыми способами номинации. М.В. Китайгородская пишет, что «он использует те же способы номинации, что и общелитературный язык. Дело в отборе, предпочтительности и удельном весе того или иного»⁸.

Одним из наиболее spectacularных, наглядных форм становления терминологического пласта специального языка является использование форм грамматического числа. Механизмы стилистического использования форм грамматического числа излагаются многими лингвистами, к примеру, Н.С. Валгиной⁹.

Отвлеченные существительные в форме множественного числа в большинстве случаев отражают семантику мотивирующих их глаголов, но не входят уже в отношениях инклюзии, в которых могут находиться исключительно мотивирующий глагол и отвлеченное отглагольное существительное. Они зато образуют привативную оппозицию, где один ее член, к примеру, *вложение*, *расход*, выражает семантический признак действия, а второй член его лишен¹⁰. См.:

вложение (капитальное *вложение*, выгодное *вложение* денег/средств), но капитальные *вложения* – удельные капитальные *вложения* – *капиталовложения*;
расход – завышенный/заниженный *расход*, но амортизационные *расходы*, безвозвратные *расходы*.

Однако отмечаются и омонимические образования. Вряд ли можно назвать парой слова *отход* – *отходы*. Это последнее слово во множественном числе приобретает иное значение, что проявляется в терминологических выражениях таких, как: безвозвратные *отходы*, промышленные *отходы*.

⁸ *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, ред. Е.А. Земская, Москва 2000, с. 188.

⁹ Н.С. Валгина, *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2004, с. 167–172.

¹⁰ Для описания лексико-семантических отношений между мотивирующим словом и дериватом нами была использована концепция синтагматических отношений в лексике, которая описывается в книге *Современный русский язык*, под ред. В.А. Белошапковой, Москва 1989, с. 190–196.

Стилистическое использование формы множественного числа видно также и в классе конкретных существительных. См.:

долг (ипотечный *долг*), но безнадежные *долги*;
 промысел (кустарный, пушной *промысел*), но горные *промыслы*, добывающие *промыслы*, железнорудные *промыслы*, нефтяные *промыслы*;
 процент (заемный *процент*), но активные *проценты*, договорные *проценты*;
 культура земледелия, но сельскохозяйственные *культуры*, технические *культуры*;
 круг (*круг* обязанностей), но влиятельные *круги*, деловые *круги*, компетентные *круги*.

Компоненты таких пар слов выступают в эквиолентных оппозициях.

И в этой группе оказались терминологические омонимы, пары которых находятся в дизъюнктивной оппозиции. См.:

торг (*устар.* базар, рынок), но гласные *торги*, закрытые *торги*, негласные *торги*, продать что-либо с *торгов*;
 реквизит (*в театре, киноискусстве*), но *реквизиты* делового письма, вексельные *реквизиты*.

В группе имен прилагательных и причастий остаются выражения, которые являются результатом субстантивации. Процессу субстантивации чаще всего подлежит одна из форм исходного прилагательного или причастия. Термином становится слово только в форме множественного числа или только в форме определенного грамматического рода. Компоненты пар находятся в эквиолентных оппозициях. См.:

годовой (*годовой отчет*), но *годовые*, 16% *годовых*;
 дарственный (*дарственная запись*), но *дарственная* (документ);
 обвиняемый (*служащий, обвиняемый в растрате*) – *обвиняемый* и *обвиняемая*, допрос *обвиняемого*;
 премиальный (*премиальное вознаграждение*), но *премиальные*, выплата *премиальных*;
 приемный (*приемная зона, т.е. служащая для приема посетителей*), но *приемная*;
 сверхурочный (*сверхурочная работа*), но *сверхурочные*, получить *сверхурочные*;
 сопроводительный (*сопроводительный бланк к посылке*), но *сопроводительная* (документ);
 суточный (*суточное вознаграждение*), но *суточные*, выдача *суточных* командированным;
 уполномоченный (генеральный директор, *уполномоченный президентом* компании), но *торговый уполномоченный, уполномоченный по делам сбыта*.

Привлекательна, на наш взгляд, а может быть и в будущем окажется более перспективной, группа двувидовых глаголов. Они вследствие, по всей вероятности, активизации жанров деловой корреспонденции, письменных форм служебного общения и др., вместо двувидовых стали приставочными

глаголами совершенного вида или глаголами несовершенного вида с суффиксом *-ыва-*. Такое предположение является убедительным, так как данные справа глаголы кроме значения вида в плане семантики ничего нового не выражают, а в словах, помещенных слева, видовое значение, как известно, реализуется в предложениях лексическими средствами. См.:

организовать – *организовывать*
сорганизовать – *сорганизовывать*
формулировать – *сформулировать*
характеризовать – *охарактеризовать*.

Вышеприведенный анализ образования экономической терминологии показывает, насколько плодотворными оказываются отечественные механизмы номинации. Они не только плодотворны, но и перспективны, что не безразлично в ситуации бурного прогресса в мировой экономике.

Литература

Jochym-Kuszlikowa L., Kossakowska E., *Słownik polsko-rosyjski. Biznes i gospodarka*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2009.

Jochym-Kuszlikowa L., Kossakowska E., *Słownik rosyjsko-polski. Biznes i gospodarka*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2009.

Karolak S, *Składnia wyrażeń predykatywnych*, [w:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, pod red. Z. Topolińskiej, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1984.

Валгина Н.С., *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995), под ред. Е.А. Земской, Москва 2000.

Современный русский язык, под ред. В.А. Белошапковой, Москва 1989.

Солганик Г.С., Дроняева Т.С., *Стилистика современного русского языка и культура речи*, Москва 2002.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка, под ред. М.Н. Кожинной, Москва 2004.

Энциклопедия. Русский язык, Золотой фонд, Москва 2003.

О нескольких механизмах образования русских экономических терминов

Резюме

Русская экономическая терминология стала возрождаться, а также образовываться почти с самого начала после распада Советского Союза, с момента формирования правил рыночной экономики. Чтобы описывать ее механизмы, можно было ссылаться на терминологию, возникшую до большевистского переворота или позаимствовать из языков, в которых процессы рыночной экономики точно описывались. Специальная терминология развивается также и прежде всего с использованием необычно богатых механизмов номинации современного русского языка. Именно эти последние подвергаются анализу.

Ключевые слова: рыночная экономика, термин, специальная лексика, профессионализмы, механизмы номинации, формы множественного числа

About Several Mechanisms of Formation of the Russian Economic Terms

Abstract

The Russian economic terminology began to revive and formed almost from the beginning of the disintegration of the Soviet Union since the formation of the rules of the market economy. In order to describe its mechanisms we could refer to the terminology that arose before October revolution or borrow from the languages in which the market economy processes are accurately described. Special terminology also develops in first turn using unusually rich mechanisms for the nomination of the modern Russian language. These last mechanisms are analyzed in this article.

Key words: market economy, the term, special vocabulary, professionalism, mechanisms of nomination, plurals.

Elżbieta Kossakowska
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii, Katedra Przekładoznawstwa

Elżbieta Kossakowska, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages
Unit of Translation Studies
e-mail: elkossak@up.krakow.pl

*Gabriela Szewczyk***Akt informacyjny****w świetle reguł konwersacyjnych H.P. Grice'a
(rosyjskie komunikaty prasowe oraz ich przedruki
w „Tygodniku Forum” w latach 2009–2011)**

Podstawowym mikroaktem występującym w każdej wypowiedzi o charakterze informacyjnym jest znajdujący się na powierzchni tekstu akt stwierdzenia oraz inne akty występujące z reguły fakultatywnie. Akt stwierdzenia, pełniący zasadniczą funkcję informacyjną w artykułach prasowych, powinien być nadrzędny wobec pozostałych mikroaktów z uwagi na wyznaczanie charakteru i celu sytuacji komunikacyjnej. Odpowiednia organizacja tekstu, która powinna zapewnić odbiorcy rozumienie komunikatu prasowego, może jednak kryć w sobie różnorakie mechanizmy oddziaływania. Istnieje wiele technik, które wykorzystywane w sytuacjach komunikacyjnych, pozwalają dać odbiorcy coś do zrozumienia (mówiąc, że P, implikować, że Q), np., że ktoś należy do danego kręgu, a ktoś inny nie, jest więc obcy. Okazuje się, że makroakt informacji często determinują czynniki typu: aktu perswazji i manipulacji.

Teksty informacyjne publikowane w „Tygodniku Forum” to w znakomitej większości przedruki prasy światowej. W latach 2009–2011 zgromadzono około 140 tygodników „Forum”, z czego wybrano 20 publikacji dotyczących katastrofy smoleńskiej, afery szpiegowskiej na terenie Polski w 2010 roku, uwolnienia byłego szefa emigracyjnego rządu Czeczenii, generała brygady i działacza politycznego Ahmeda Zakajewa oraz polsko-rosyjskich stosunków politycznych. Artykuły te poddane zostały analizie semantyczno-pragmatycznej. Celem jej jest ukazanie wpływu niektórych elementów struktury aktu informacyjnego i intencji nadawcy na rozumienie sensu komunikatu.

Jest rzeczą oczywistą, że *przedruk*, w rozumieniu tekstu ponownie opublikowanego w tłumaczeniu, dopuszcza dokonywanie pewnych zmian w treści, wynikających choćby z przesunięć semantycznych. Zmiany te jednak nie powinny wpływać na strukturę aktu informacyjnego. Należy również podkreślić, że czytelnik (odbiorca przedruku), sięgając po „Forum”, przekonany jest, że ma do czynienia z dokładnym tłumaczeniem oryginału. Świadczą o tym odsyłacze do źródeł rosyjskich, informacje o autorze, dacie i miejscu publikacji tekstu oryginalnego, zamieszczane pod tytułami publikowanych w tygodniku przedruków oraz brak jakichkolwiek informacji o tłumaczu. Ta świadomość pozwala polskiemu odbiorcy postrzegać tekst jako głos

mediów rosyjskich w określonej sprawie. Autorzy tego szczególnego rodzaju przedruku często między wierszami przemycają swoje opinie, zmieniając tekst oryginału według własnego uznania lub też według uznania wydawców.

Utrzymanie zasady informatywności, prawdziwości, rzeczowości, jasności, oszczędności środków i ich właściwego uporządkowania w procesie mówienia jest koniecznym warunkiem skutecznego działania mówiących. Postulaty zachowań językowych opisane przez H.P. Grice'a stanowią przykład strategii uniwersalnej. Jak twierdzi Grice, każde przekroczenie zasady kooperacji (ZK) stanowi bodziec inferencji i jest źródłem implikatur konwersacyjnych. Innymi słowy złamanie którejkolwiek z maksym powinno być dla odbiorcy sygnałem (bodźcem inferencji), że dany tekst mówi coś jeszcze ponad to, co wyczytać można z jego sensu literalnego. Zgodnie z ZK można wskazać cztery kategorie, które H.P. Grice, opierając się na teorii Kanta, określa jako kategorię ilości, jakości, stosunku i sposobu.

Kategoria ilości

Przyjrzyjmy się fragmentowi artykułu *Как российская бюрократия помогает Качиньскому*¹, który w „Tygodniku Forum” (2013, nr 33) opublikowano pod tytułem *Szybciej już nie można*. Tekst oryginalny w sposób ironiczny przedstawia roszczenia Polaków rzekomo podburzanych przez intryganta Jarosława Kaczyńskiego. Przesłanie artykułu zostało jednak w przekładzie całkowicie zmienione. Efekt taki tłumacz osiągnął pomijając niewygodne fragmenty tekstu. Jako przykład może posłużyć poniższy passus, który został z przedruku w całości usunięty:

На политической сцене Польши премьер-министр Дональд Туск работает в амплуа выдержанного и прагматичного политика, настоящего европейца, за которого не стыдно перед лидерами Запада. В бесконечном конфликте вокруг катастрофы под Смоленском Туск не может ответить на обвинения Качиньского чередой аналогичных агрессивных нападок.

Z przedruku usunięto fragment, w którym autor rosyjskiego tekstu krytykuje Jarosława Kaczyńskiego i komplementuje Donalda Tuska. Oryginał przedstawia premiera Polski jako człowieka na poziomie, który *chce zakończyć tę kwestię* (kwestię katastrofy smoleńskiej) *ładnie i przekonująco, wykorzystując wyłącznie fakty*. Co więcej, rosyjski tekst daje czytelnikowi do zrozumienia, że wszelkie roszczenia Polaków wobec Rosjan są wymysłem brata tragicznie zmarłego prezydenta, który ma skłonność do przypuszczania *agresywnych ataków*.

Po katastrofie smoleńskiej rosyjska prasa ostro krytykowała politykę braci Kaczyńskich. Pojawiały się w niej teksty obwiniające Lecha Kaczyńskiego o katastrofę, a Jarosława Kaczyńskiego o działanie na szkodę stosunków polsko-rosyjskich.

2 czerwca 2010 roku na rosyjskim portalu informacyjnym slon.ru ukazał się artykuł *Что нового нашлось в черных ящиках из самолета Качиньского*, co w „Tygodnika Forum” (2010, nr 23) opublikowano pod zmienionym tytułem *Wkurzy się jeśli jeszcze...* Tekst ten w wersji polskiej również został pozbawiony wszystkich niewygodnych informacji, brakuje w nim między innymi następującego fragmentu:

¹ *Как российская бюрократия помогает Качиньскому*, <http://www.slon.ru> [дата доступа: 4.08.2010].

Вот польская сторона написала 150 страниц своих замечаний к результатам следствия. Они сделали это 16 декабря. А уже 12 января МАК публикует свою окончательную версию. Прошло меньше месяца, из которого чуть ли не половина – праздники. Наверное, можно было подождать еще пару недель, чтобы создать хотя бы иллюзию того, что в Москве кому-то есть дело до польских замечаний.

Co przetłumaczono w następujący sposób:

Strona polska przysłała 150 stron uwag i pytań w związku z rosyjskim śledztwem 16 grudnia. MAK opublikował swoją wersję już 12 stycznia. Nie minął nawet miesiąc – a jeszcze większość tego czasu to okres świąt. W ten sposób powstało wrażenie, że w Moskwie nikt poważnie nie rozpatrzył polskich uwag.

W tłumaczeniu nie ma zdania *Z pewnością można było poczekać jeszcze parę tygodni, żeby choć sprawić wrażenie, że kogokolwiek w Moskwie polskie uwagi obchodzą*, ponieważ mogłoby ono świadczyć o niepoważnym traktowaniu roszczeń Polaków. Przedruk natomiast daje odbiorcy poczucie dobrych relacji wzajemnych pomiędzy Polską i Rosją.

Należy również zwrócić uwagę na występujące w oryginale omawianego artykułu formy typu: *czego brakowało Polakom w rosyjskiej wersji [...], strona polska, rosyjskie śledztwo, swoja wersja, polskie uwagi*. Dość wyraźnie wyczuwalna jest opozycja *my (Rosjanie)/oni (Polacy)*, czyli umieszczenie Polaków w kręgu *obcych*. Przedruk ogranicza się jedynie do odnotowania, że czegoś brakuje, nie wskazano jednak komu i że sprawa dotyczy rosyjskiej wersji katastrofy. Taka różnica może wynikać z faktu, że polski odbiorca, czytając tytuł przetłumaczony dosłownie, mógłby odebrać go jako ostentacyjną próbę wyodrębnienia dwóch przeciwstawnych obozów. Co więcej, treść powyższego akapitu może nasuwać czytelnikowi wniosek, że zarówno Polaków jak i ich komentarzy w związku ze śledztwem nikt w Rosji nie traktuje poważnie.

Nie da się z całą pewnością stwierdzić, że brak jakiegokolwiek fragmentu w tłumaczeniu zmienia kontekst całości tekstu czy chociażby ton danej wypowiedzi. Wynika z tego, że nie zawsze przekroczenie zasady ilości ma istotny wpływ na znaczenie całości wypowiedzi.

Kategoria stosunku

Kategoria stosunku wyrażana jest poprzez maksymę *Niech to, co mówisz, będzie relewantne*, czyli *Mów na temat*². Łamanie tej reguły w tekstach informacyjnych stanowi, jak się wydaje, ukryty mechanizm manipulowania odbiorcą.

Za przykład przekroczenia zasady stosunku posłużyć może tytuł analizowanego już wcześniej artykułu *Что нового нашлось в черных ящиках из самолета Качиньского*³, co w przedruku brzmi następująco: *Wkurzy się jeśli jeszcze...*⁴.

² H.P. Grice, *Logika a konwersacja*, [w:] *Język w świetle nauki*, red. B. Stanosz, Warszawa 1980, s. 96–104.

³ *Что нового нашлось в черных ящиках из самолета Качиньского*, <http://www.slon.ru> [data dostępu: 2.06.2010].

⁴ *Wkurzy się, jeśli jeszcze*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 23.

Tytuł oryginału nie jest co prawda kontrowersyjny, może on jednak wzbudzać ciekawość rosyjskiego odbiorcy – daje bowiem nadzieję na ujawnienie jakichś nowych faktów. Tekst rosyjski istotnie zawiera informacje o tym, co ujawniły badania czarnych skrzynek. Tytuł polski został całkowicie zmieniony i nadaje tekstowi zupełnie inny charakter. Insynuuje on mianowicie, że za katastrofę odpowiada osobiście Lech Kaczyński, gdyż to on za wszelką cenę chciał tego dnia wylądować na lotnisku w Smoleńsku i wywierał silną presję na pilotów oraz załogę Tu-154. Tytuł polskiego tekstu mówi wprost, że taka presja mogła być pośrednią przyczyną katastrofy. Potwierdzenie tezy zawartej w tytule przedruku znajduje się w tekście:

Kilku jego wypowiedzi nie udało się odczytać, ale nawet te, które zostały rozszyfrowane, wystarczą, aby dowieść, że Lech Kaczyński brał czynny udział w tym, co działo się na pokładzie. Kazana wrócił do kabiny po czterech minutach i zakomunikował: „Na razie nie ma decyzji prezydenta, co dalej robić”. To znaczy, że wbrew wszelkim regułom piloci oczekiwali na decyzję Kaczyńskiego i zapewne nie chodziło o decyzję prezydenta, które z zapasowych lotnisk należało wybrać. (Chociaż polecenie wprost: „Lądować w Smoleńsku za wszelką cenę”, raczej nie padło). [...] Na trzy minuty przed tragedią (10.38) czarne skrzynki zarejestrowały bardzo ciekawy fragment wypowiedzi: Wkurzy się jeśli jeszcze..., dalsza część zdania nieczytelna⁵.

Oryginał tego tekstu koncentruje się na postępkach w śledztwie smoleńskim, choć zdanie *Wkurzy się, jeśli jeszcze...* rzeczywiście w nim pada. Nie ma tu jednak mowy o jednoznacznym obciążeniu Lech Kaczyńskiego odpowiedzialnością za katastrofę. Wydaje się, że naruszenia zasady stosunku w przedruku odbywa się głównie poprzez zasugerowanie odbiorcy treści artykułu nie całkiem zgodnej z rzeczywistością. Celem powyższego zabiegu jest być może skupienie uwagi czytelnika na zaskakującym tytule i skłonienie go do przeczytania całego artykułu. Ten konkretny przedruk jest o tyle ciekawy, że tłumacz wprowadza tu pewne zmiany struktury powierzchniowej. To w dużej mierze dzięki nim mówi to, co w Polsce myśli być może część społeczeństwa, równocześnie nie chcąc wypowiadać tego głośno.

Zabieg zwracania uwagi czytelnika na szczególność sprawia, że ten ostatni, chcąc się dowiedzieć, o co chodzi, musi przeczytać tekst w całości. Następny fragment tekstu można również odczytywać jako fortel, mający na celu zmylenie odbiorcy. Do polskiego przedruku artykułu *Трибуна для Закаева*⁶ (*Trybuna dla Zakajewa*⁷) dodano podtytuł, którego nie było w oryginalnej wersji artykułu:

Niezwykła wstrzemięźliwość Moskwy w sprawie Ahmeda Zakajewa dowodzi jednego: stosunki z Warszawą są dziś dla Kremla ważniejsze niż jakkolwiek zapomniany bojownik.

Powyższy podtytuł nastawia czytelnika polskiej wersji artykułu pozytywnie. Stwierdzenie, że Moskwie w chwili obecnej bardziej zależy na dobrych stosunkach z Warszawą, aniżeli na schwytaniu Ahmeda Zakajewa z pewnością ucieszyłoby polskiego odbiorcę. Wydaje się, że ten ostatni jest przyzwyczajony do doniesień

⁵ Tamże.

⁶ *Трибуна для Закаева*, <http://www.policom.ru> [дата доступа: 22.09.2010].

⁷ *Trybuna dla Zakajewa*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 39.

prasowych, w których Polsce zarzuca się usilne zabieganie o względy sąsiada ze wschodu. Taka informacja nie znajduje jednak potwierdzenia w dalszej lekturze cytowanego artykułu. W oryginale wspomnianego tekstu nie pada bowiem ani jedno słowo o polepszeniu czy też pogorszeniu stosunków polsko-rosyjskich. Tekst przybliża jedynie postać Ahmeda Zakajewa i podaje najistotniejsze fakty z jego działalności politycznej.

Kategoria jakości

Na odbiór zawartych w komunikacie informacji wpływają również zmiany natury jakościowej, odnoszące się do szczerości i prawdziwości wypowiedzi. Maksyma jakości bywa łamana poprzez przemilczenia, ale również poprzez powoływanie się na wątpliwe autorytety i podważanie autorytetów uznanych. Zabiegi te mają na celu uwiarygodnienie kłamstwa lub poddanie w wątpliwość prawdy. Bywa tak, że zmiana jednego słowa w przedruku jest na tyle istotna dla znaczenia komunikatu, że całkowicie zmienia jego sens. Zastępowanie słowa *może* słowem *powinna*, *najpewniej* wyrażeniem *być może*, czy też dodawanie słów *rzekomo*, *jak podają anonimowe źródła* pociąga za sobą istotne zmiany.

W artykule *Ай да мы: взяли русского Джеймса Бонда!*⁸ czytamy, że: *Разоблаченный шпион [...] якобы является сотрудником ГРУ.*

W polskiej wersji tego tekstu, opublikowanej pod zmienionym tytułem *GRUba przesada*⁹ czytamy, że *zdemaskowany szpieg [...] pracował na rzecz GRU*, a nie, że *rzekomo pracował*. W omawianym artykule dziennikarz rosyjski dyskredytuje źródła polskie również stwierdzeniami w rodzaju:

Журналисты, со ссылкой на свои анонимные источники в спецслужбах Польши, утверждают, что арестованный русский шпион проживал в стране, имея вид на жительство, и прекрасно владел польским языком.

Co w „Tygodniku Forum” przetłumaczono następująco:

Dziennikarze twierdzą, że rosyjski szpieg miał polską kartę stałego pobytu i doskonale władał językiem polskim.

Kluczowe dla powyższych wypowiedzi są wyrażenia *anonimowe źródła*, czy *rzekomo stawiał opór*. Dla potwierdzenia określonych tez nagminnie wykorzystywany bywa mechanizm autorytetu, powoływanie się na określone źródła oraz przytaczanie słów ekspertów. Przykład ten jest o tyle ciekawy, że w oryginale autorytet polskich dziennikarzy i ekspertów poddawany jest w wątpliwość przez użycie słów *польская пресса со ссылкой на свои анонимные источники* oraz przez przywoływanie rosyjskich kontrautorytetów. Popularną praktyką dziennikarską jest również bezpośrednio określanie pewnych informacji w kategoriach kłamstwa, a innych – w kategoriach prawdy.

⁸ *Ай да мы: взяли русского Джеймса Бонда!*, „Независимая Газета”, 22.01.2010.

⁹ *GRUba przesada*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 5.

Kategoria sposobu

Wydaje się, że przestrzeganie zasady *Wyrażaj się przejrzyście* oraz kilku innych maksym w rodzaju: *unikaj niejasnych sformułowań i wieloznaczności, bądź konkretny, mów w sposób uporządkowany*¹⁰ powinno być warunkiem koniecznym dla powodzenia aktu informacyjnego. Wieloznaczność zwiększa jednak aktywność odbiorcy, zmusza go do pogłębionej interpretacji tekstu i zezwala mu na różne interpretacje. Wykroczenie przeciwko omawianej maksymie zdarza się w tekstach informacyjnych nagminnie i ma na celu zainteresowanie czytelnika. Tego typu zabiegi realizowane są poprzez wykorzystanie np. kalamburów słownych czy oksymoronów.

Artykuł *Ай да мы: взяли русского Джеймса Бонда!*¹¹, dotyczący ewentualnej działalności szpiegów rosyjskich na terenie Polski, „Tygodnik Forum” przedrukował pod zmienionym tytułem *GRUba przesada*, gdzie trzy pierwsze litery przymiotnika *gruba* napisane zostały wielkimi literami. W ten sposób zastosowano grę słowną, wykorzystującą zbieżność nazwy organizacji zamieszanej w sprawę rosyjskich szpiegów w Polsce GRU (Główny Zarząd Wywiadu sztabu generalnego rosyjskich sił zbrojnych¹²). Uzyskany w wyniku powyższego zabiegu wieloznaczny kalambur **GRU-ba przesada** przygotowuje czytelnika w określony sposób do odbioru przedstawionej treści i sygnalizuje, że w sprawie afery szpiegowskiej niewątpliwie nastąpiło przekroczenie pewnych granic, wartościuje on bowiem czyjeś zachowanie jako złe, przesadzone, czy na wyrost. Wydaje się, że podtytuł, którego nie ma w oryginale, a który został dodany do polskiego przedruku nie pozostawia wątpliwości, kto popadł w przesadę. W opozycji do złego zachowania Polaków zaprezentowana została właściwa postawa Rosjan:

Po co nam agenci w Polsce? Przecież i tak wszystko wiemy!” – weteran rosyjskich tajnych służb twierdzi, że Polacy żadnego szpiega aresztować nie mogli, bo żadnego po prostu nie było.

Autor przedruku, tłumacząc tekst rosyjski, przedstawia Polaków w oczach Rosjan jako ludzi przewrażliwionych na punkcie swojego sąsiada i borykających się z manią prześladowczą. Czytelnik „Forum”, mając świadomość, że czytany tekst jest tłumaczeniem artykułu z prasy rosyjskiej, może odnieść wrażenie, że Rosja uważa polskie zarzuty za niedorzeczne wymysły. W tym wypadku efekt osiągnięto przez odpowiednie zestawienie tytułu z cytatem wyrwanym z kontekstu i umieszczonym w podtytule. Wydaje się, że polski dziennikarz, wykorzystując stereotypy funkcjonujące w świadomości Polaków, osiągnął dwa ważne cele: poruszył polskiego czytelnika, dotykając jego czułego punktu i skłonił go do przeczytania tekstu. Podobne zabiegi wywierają niemały wpływ na kształtowanie się obrazu Polaka i Rosjanina oraz stosunków polsko-rosyjskich w świadomości czytelnika.

Do łamania maksymy *Wyrażaj się przejrzyście, unikaj niejasnych sformułowań i wieloznaczności* dochodzi jednak nie tylko w samych nagłówkach. Obserwujemy to zjawisko również w treści komunikatów, felietonów i relacji.

¹⁰ H.P. Grice, *Logika a konwersacja...*, s. 96–104.

¹¹ *Ай да мы: взяли русского...*

¹² ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Kolejny fragment potwierdza, że komunikacja między polskimi i rosyjskimi urzędnikami państwowymi tuż po katastrofie smoleńskiej nie była najlepsza, a winy za to nie ponoszą bynajmniej Rosjanie. Sprawy, łączące oba kraje, według autora, były zbyt skomplikowane, dlatego wymagały szczególnej uwagi i czasu.

W oryginale czytamy¹³:

Правда, каждый раз вопрос о передаче данных приходилось решать на уровне правительств, а не простых следователей.

Natomiast w tłumaczeniu ten fragment brzmi następująco¹⁴:

Owszem, za każdym razem kwestię przekazywania dokumentacji trzeba było w cudzym słowie „ruszać” na najwyższym szczeblu rządowym.

Fragment polskiego przedruku sugeruje, że zaistniały pewne problemy w związku z przekazywaniem dokumentacji. Tłumacz tekstu wyrażenie *пешамь*¹⁵ zastąpił niejednoznaczny w tym kontekście słowem *ruszać* w dodatku opatrzonym cudzym słowem. W ten sposób podkreślono wieloznaczność użytego słowa i zasugerowano brak dobrej woli ze strony rosyjskiej oraz kłopoty Moskwy związane z obiegiem dokumentów.

Implikatury konwersacyjne

Implikatury konwersacyjne w kategorii *przyjaciół/wróg, swój/obcy* realizowane bywają z reguły poprzez umieszczenie Polski i Rosji w dwóch przeciwnych obozach, do czego dochodzi drogą zaprezentowania antagonistycznych punktów widzenia w oryginale i jego przedruku. W tym celu używane bywają stwierdzenia typu: *prezydent obcego kraju, obcy kraj, jakiś prezydent, swoja wersja, nasza wersja*. Nie można jednak stwierdzić, że Polak i Rosjanin zawsze znajdują się w kręgach przeciwstawnych. Tuż po katastrofie smoleńskiej media szeroko rozpiszywały się o polepszeniu stosunków polsko-rosyjskich, a w prasie rosyjskiej można było przeczytać, że *stosunki z Warszawą są dziś dla Kremla ważniejsze niż jakikolwiek zapomniany bohater*. Podobną tendencję można było zaobserwować w polskich przedrukach. Popularnym zjawiskiem jest również wykorzystywanie stereotypu Polski, szukającej dziury w całym, która z reguły o wszystko skłonna byłaby obwiniać Rosję. Opozycje *dobrze/złe, bohater/antybohater, komicznie/tragicznie, prawda/kłamstwo* zwykle odbywają się na zasadzie kontrastu. Do ich zaznaczenia w tekstach dochodzi drogą wartościowania określonych postaw. Sposób, w jaki postrzegamy sprawę często zależy od tego, w jakim otoczeniu czy w jakiej kolejności zostaną nam one przedstawione. Najczęściej przedstawiane bywają dwie postawy skrajne, jedna po drugiej. Dla potwierdzenia bądź zanegowania określonej tezy oraz wzbudzenia zaufania u odbiorcy wykorzystywana bywa siła autorytetu – służą temu tytuły (eksperti, znawcy, dziennikarze, media, pracownicy służb specjalnych). Dyskredytacja ekspertów może odbywać się poprzez dodawanie słów typu *rzekomo, czy anonimowe źródła*.

¹³ *Как российская бюрократия помогает...*

¹⁴ *Szybciej już nie można*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 33.

¹⁵ *пешать* – rozwiązywać, decydować, załatwiać, postanawiać, pl.pons.eu/rosyjski-polski.

Współczesne szybkie tempo życia, oraz towarzyszący mu błyskawiczny rozwój społeczeństwa informacyjnego, czyli społeczeństwa uzależnionego od informacji, nie pozwala na analizę wszystkiego, co dociera do odbiorcy za pośrednictwem mediów¹⁶. Powstaje w związku z tym sytuacja stwarzająca idealne warunki do samodzielnego poszukiwania mechanizmów na skróty, a więc i uproszczonej drogi wyciągania wniosków. Istnieje wiele technik wykorzystywanych w sytuacjach komunikacyjnych, które pozwalają dać coś do zrozumienia. Za jedną z takich technik uznaje się mechanizm wyciągania wniosków na skróty np.: *drogi = dobry, znawca = racja, swój = przyjaciel, obcy = wróg*. Stosunki polsko-rosyjskie zawsze budziły ogromne emocje i to zarówno wśród Rosjan, jak i wśród Polaków. Relacje obu państw nigdy nie należały do łatwych, w dużej mierze z uwagi na ich politykę zagraniczną, konflikty interesów oraz odmienne postrzeganie historii. Obrazy Polaka i Rosjanina oraz ich relacji wzajemnych bywają przedstawiane w przedrukach w bardziej jaskrawych barwach, niż kształtują się w rzeczywistości. Tłumacz lub wydawca, aby lepiej „sprzedać” informację, kreuje zdarzenia, nadając im ciekawszą i bardziej intrygującą formę. Bywa również tak, że przedruk jest bardziej poprawny politycznie od oryginału. W ten sposób rzeczywistość przedstawiana w przedrukach może zdecydowanie odbiegać od tej, nakreślonej w tekstach oryginalnych.

Literatura

- Barańczak S., *Słowo – perswazja – kultura masowa*, „Twórczość” 1975, nr 7.
- Bralczyk J., *Język na sprzedaż*, Warszawa 2000.
- Bralczyk J., *Język polityki i polityka językowa*, „Socjolingwistyka”, nr 1, Katowice 1977.
- Bralczyk J., *Perswazja w tekstach politycznych – wprowadzenie do dyskusji*, [w:] *Język perswazji publicznej*, red. K. Mosiołek-Kłosińska, T. Zgółka, Poznań 2003.
- Cialdini R., *Wywieranie wpływu na ludzi: teoria i praktyka*, Gdańsk 2004.
- Grice H.P., *Logika a konwersacja*, [w:] *Język w świetle nauki*, red. B. Stanosz, Warszawa 1980.
- Grzegorzczkowska R., *O modalności intencjonalnej*, [w:] *Akty i gatunki mowy*, red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, Lublin 2004.
- Grzegorzczkowska R., *Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy*, [w:] *Język a kultura*, t. 4: *Funkcje języka i wypowiedzi*, red. J. Bartmiński, Wrocław 1991.
- Grzegorzczkowska R., *Teoretyczne i metodologiczne problemy semantyki w perspektywie tzw. kognitywnej teorii językowej*, [w:] *Polono-Slavica-Varsoviensa. Studia semantyczne*, red. R. Grzegorzczkowska i Z. Zaron, Warszawa 1993.
- Grzegorzczkowska R., *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Warszawa 1990.
- Jabłoński W., *Kreowanie informacji Media relations*, Warszawa 2006.
- Kamińska-Szmaj I., *Propaganda, perswazja, manipulacja – próba uporządkowania pojęć*, [w:] *Manipulacja w języku*, red. P. Krzyżanowski, P. Nowak, Lublin 2004.
- Kołąkowski L., *O wypowiedzianiu niewypowiedzanego*, [w:] *Język a Kultura*, t. 4, red. J. Bartmiński, R. Grzegorzczkowska, Wrocław 1991.
- Komorowska E., *Pragmatyka dyrektywnych aktów mowy w języku polskim*, Szczecin 2008.

¹⁶ G. Szewczyk, *Śladami manipulacji. Stosunki polsko-rosyjskie w kontekście technik wywierania wpływu*, „Studia Russologica III”, Kraków 2010, s. 74–81.

- Lepa A., *Świat manipulacji*, Częstochowa 1995.
- Pisarek W., *Analiza zawartości prasy*, Kraków 1983.
- Pisarek W., *Język służy propagandzie*, Kraków 1976.
- Pisarkowa K., *Pragmatyczne spojrzenie na akty mowy*, „Polonica” II, 1976.
- Pisarkowa K., *Pragmatyczny składnik kompetencji językowej*, „Polonica” I, 1975.
- Pisarkowa K., *Z pragmatycznej stylistyki, semantyki i historii języka*, Kraków 1994.
- Pisarkowa K., *Zdanie mówione a rola kontekstu*, [w:] *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*, Wrocław 1978.
- Puzynina J., *Funkcje języka i akty mowy*, „Polonistyka” 1987, z. 3.
- Puzynina J., *Język wartości*, Warszawa 1992.
- Puzynina J., *O dyskursie oceniającym i dyrektywnym w tekstach prasy codziennej*, „Poradnia Językowa”, 2, 1984.
- Searle J.R., *Speech act theory and pragmatics*, Dordrecht 1980.
- Skowronek K., *Reklama. Studium pragmatyngwistyczne*, Kraków 1993.
- Szewczyk G., *Śladami manipulacji. Stosunki polsko-rosyjskie w kontekście technik wywierania wpływu*, [w:] *Studia Russologica III*, Kraków 2010.
- Wierzbicka A., *Akty mowy*, [w:] *Semiotyka i struktura tekstu*, Wrocław 1973.
- Wierzbicka A., *Genry mowy*, [w:] *Tekst i zdanie*, Wrocław 1983.
- Wierzbicka A., *O języku dla wszystkich*, Warszawa 1965.
- Witkowski T., *Psychologia kłamstwa*, Tarnów 2006.
- Ай да мы: взяли русского Джеймса Бонда! Арест в Польше нелегала ГРУ якобы привел к отставке генерала Корабльникова*, „Независимая Газета” 22.01.2010 [przedruk: *GRUBa przesada*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 5].
- Как российская бюрократия помогает Качиньскому*, slon.ru, 4.08.2010 [przedruk: *Szybciej już nie można*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 33].
- Никитина К., *Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США)*, Уфа 2006.
- Самолет Качиньского разбился на множество версий*, „Московский комсомолец”, 4.10.2010 [przedruk: *Rozbił się na mnóstwo wersji*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 41].
- Спицын Г.С., *Качественные печатные СМИ Республики Польша в формировании общественного мнения о современной России*, Санкт-Петербург 2008.
- Трибуна для Закаева*, Policom.ru, 22.09.2010 [przedruk: *Trybuna dla Zakajewa*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 39].
- Чего не хватало полякам в российской версии катастрофы под Смоленском*, slon.ru, 13.01.2011 [przedruk: *Czegoś tu zabrakło*, „Tygodnik Forum” 2011, nr 3].
- Что нового нашлось в черных ящиках из самолета Качиньского*, slon.ru, 2.06.2010 [przedruk: *Wkurzy się, jeśli jeszcze...*, „Tygodnik Forum” 2010, nr 23].

**Исследование речевой манипуляции
сквозь призму максим П. Грайса
(пресс-релизы в российских СМИ и их перепечатки
в польской еженедельной газете „Tygodnik Forum” в 2009–2011 годах)**

Резюме

В статье применяется теория Г.П. Грайса. Целью работы является анализ текста с точки зрения того, что говорящий имеет в виду и что слушающий может понять, от того как что-то сказано, а не от того, что сказано. Пресс-релизы в российских СМИ и их перепечатки в польской еженедельной газете „Tygodnik Forum” в 2009–2011 годах были проанализированы с точки зрения манипуляции.

Ключевые слова: речевая манипуляция, речевой акт, принципы речевого общения, максимы кооперативного диалога, СМИ, пресс-релизы и их перепечатки

**Linguistic Manipulation
in the Light of Grice’s Conversational Maxims
(Press Releases in Russian Mass Media and Their Reprints
in Polish *Tygodnik Forum* in 2009–2011)**

Abstract

This paper is an attempt to apply H.P. Grice’s theory of implicature. It draws attention to what the speaker (author of press releases) says and what the speaker thereby implicates. Implicatures can be part of sentence meaning or dependent on conversational context. From 140 of *Tygodnik Forum*, that were collected in 2009–2011, 20 press releases were selected and analyzed. The aim of the analysis is to show the effects of certain elements of the information act, the intention of the sender of the message and recipient’s ability to understand it.

Key words: speech acts, information act, linguistic manipulation, conversational maxims, cooperative principle, mass media, reprints of press releases

Gabriela Szewczyk
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Gabriela Szewczyk, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: gabr.szewczyk@gmail.com
+48126626741

Надежда Ведякова

Клише и шаблон

в тексте стандартизованного жанра

Разные речевые жанры допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств. Различаются тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными информативными моделями (кулинарный рецепт, инструкция); тексты, содержание которых строится по визуальным информативным моделям, т.е. моделям, носящим довольно общий характер (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений)¹.

Степень жесткости жанровой нормы зависит от ситуаций социального взаимодействия, предоставляющих разную степень свободы в выборе языковых средств. Отдельный жанр либо подразумевает экспериментирование с языковыми средствами и не терпит предсказуемости, либо, наоборот, запрещает творчество. Если в художественном стиле как наиболее творческой сфере употребления языка выразительные средства с течением времени «тускнеют» от частого использования, в жанрах научного стиля наблюдается своеобразная «шлифовка» языкового материала, специализированный отбор словарного минимума для точной и ясной передачи информации. Стандартные речевые формулы в научных текстах являются результатом унификации языковых средств как проявления внутрискладовой нормативности².

Экстралингвистические факторы, обуславливающие появление в научном тексте определенных стилевых черт (понятийности, точности, ясности и др.), выступают одновременно основой стереотипизации научной речи. Под функционально-стилевой *стереотипизацией* в отношении научного стиля понимают «процесс формирования фонда типичных средств для выражения коммуникативно-познавательной деятельности в сфере науки,

¹ Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова и др., *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, изд-во «Флинта», «Наука», Москва 2003, с. 353.

² Н.М. Лариохина, Т.П. Толорая, *Вопросы синтаксиса научного стиля речи*, изд-во «Русский язык», Москва 1979, с. 4–5.

причем в любой области научного знания»³, соответственно, типичные средства такого фонда, отобранные путем стереотипизации, являются *речевыми стереотипами*.

В научном тексте речевые стереотипы выполняют позитивные функции: с одной стороны, они экономят речевые усилия говорящего в процессе порождения текста в соответствии с жесткой книжной письменной нормой, с другой – экономят поисковые усилия адресата. Так как соответствие жанровому канону обеспечивает скорость порождения и восприятия, понимания текста, научные тексты, предназначенные для быстрой и лаконичной передачи информации в официальной ситуации социального взаимодействия, проявляют максимальную степень стереотипности, причем эта стереотипность узаконена жанровыми нормами.

Поскольку стереотипность текста отдельного жанра может быть недопустимой (в художественном стиле) или допустимой, но необязательной (в разговорном стиле), для стереотипности как обязательной характеристики, на наш взгляд, целесообразно использовать термин «*стандартизованность*» как результат *стандартизации* – процесса установления жестких стилевых и жанровых норм. Установленный, узаконенный стереотип – это *стандарт*, «речевой стандарт – типовой образец, типовая форма организации речи»⁴ (ср. семантика должностования в толковых словарях: «стандарт – типовой вид, образец, которому должно удовлетворять что-н[ибудь] по своим признакам, качествам»⁵).

Итак, речевой стереотип – явление позитивное в стандартизованных жанрах, обслуживающих институциональный дискурс. Положительная оценка речевого стереотипа требует пояснения в связи с неоднозначностью данного термина⁶, наличием у него как положительных, так и отрицательных коннотаций, которые, в свою очередь, породили недопустимые для термина многозначность и синонимию. Сегодня в качестве синонимов (или антонимов) употребляются термины: стереотип, штамп, шаблон, клише, стандарт, речевая формула, устойчивое сочетание, трафарет, канцеляризм и др. Причем традиции их употребления в российском и зарубежном языкознании не всегда совпадают.

Российские лингвисты проводят линию между словами с нейтральной окраской (к ним обычно относят *стандарт, стереотип, клише*) и словами, имеющими негативно-оценочное значение (*штамп, шаблон,*

³ М.П. Котюрова, *Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах*, [в:] *Текст: стереотип и творчество*, изд-во «Перм. гос. ун-т», Пермь 1998, с. 7.

⁴ М.П. Котюрова, *Речевой стандарт*, [в:] *Эффективное речевое общение (Базовые компетенции)*. Словарь-справочник, Электронное издание. Сибирский федеральный университет, Красноярск 2014, с. 543–544, <http://elibrary.ru/download/30092294.pdf>.

⁵ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, изд-во «ИТИ Технологии», Москва 2003, с. 762.

⁶ Прим.: даже в виде словосочетания «речевой стереотип» как попытки разграничить предмет изучения разных дисциплин – социологии, психологии, психолингвистики, лингвокультурологии.

трафарет, канцеляризм) (см. работы Т.М. Дридзе, Е.В. Ключева, М.П. Котюровой, Е.С. Троянской и др.).

Во французской лингвистике «*cliché*» представляет собой стершуюся стилистическую фигуру, ставшую банальной из-за чрезмерного употребления (Р. Амосси, Ш. Балли, Ж. Мунен и др.). Синонимами термина «*cliché*» являются французский термин «*expression banale*», английские термины «*stock phrase*», «*hackneyed expression (phrase)*», «*trite expression (phrase)*». Таким образом, зарубежные лингвисты в большинстве случаев рассматривают «*cliché*» в значении «штамп»... Терминам «клише», «речевое клише» в той или иной мере соответствуют французские термины «*formule*», «*formule (toute faite, courante)*», «*formule de conversation*», «*expression toute faite*», «*locution*», «*routine (conversationnelle)*», а также английские термины «*set expression*», «*set phrase*», «*colloquial expression*», «*locution*». Данные термины в отличие от термина «*cliché*» являются нейтральными⁷.

В отечественном языкознании отмеченная нами тенденция остается лишь тенденцией на фоне разнообразных попыток упорядочения лингвистической терминологии, в результате которых разграничиваются стереотип и клише, отождествляются стереотип и штамп⁸, сужаются или расширяются значения этих терминов⁹. Тем не менее учет сферы функционирования и признание положительной функции стереотипов усиливает наметившуюся тенденцию к разграничению понятия стереотипа со знаком «плюс» и со знаком «минус» в текстах разных стилей.

Наиболее ярко проявляют многогранность стереотипа научный и художественный стили:

Предсказуемость употребления языковых единиц разных уровней носит диаметрально противоположный характер в научном и художественном текстах. В художественном тексте она недопустима, поскольку читательское восприятие его адре-

⁷ В.М. Бурунский, *Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и английского языков)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Курск 2009, с. 7–8.

⁸ См. И.К. Макеев, *Коммуникативные и когнитивные характеристики прагматических клише (на материале полемиического дискурса)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Тамбов 2004, с. 13–14: «Клише, штампы, формулы речевого этикета, стереотипы – всё это составляет фонд стереотипов (стереотипный фонд) носителей языка. Штампы и языковые стереотипы рассматриваются скорее как негативное явление в общении. С другой стороны, формулы речевого этикета, также принадлежащие стереотипному фонду, имеют свои совершенно определенные задачи в общении, и их употребление предписывается законами общения, в отличие от стереотипов и штампов, употребление которых рекомендуется избегать».

⁹ См. А.В. Кутькова, *Речевые стереотипы как средство поддержания контакта (на материале пиренейского варианта португальского языка)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва 2006, с. 8: «Мы отказались от термина клише по причине его широты и неконкретности, а именно: всякая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся условиях. Такая формулировка позволяет некоторым исследователям объединить в рамках этого термина весьма разнородные единицы: формулы речевого этикета, афоризмы, фразеологизмы, крылатые слова, некоторые лозунги, цитаты».

сата связано с пробуждением «языковедного мышления», когда в «светлую точку» сознания попадает уже не смысл высказывания, а значения формы высказывания¹⁰.

Стереотип в художественном стиле аналогичен стереотипу в научном стиле в плане устойчивости, регулярной воспроизводимости, автоматизма использования, но противопоставлен ему в плане оценочности.

С точки зрения читательского восприятия разводят понятия *клише*, или *речевого стереотипа*, с одной стороны, и *штампа, шаблона* – с другой:

Клише (от фр. cliché – «общее место»), или речевой стереотип, – готовый, легко воспроизводимый в определённых ситуациях и сферах общения оборот, лаконично выражающий какую-л. мысль и потому не вызывающий, в отличие от Речевого штампа (см.), негативного отношения со стороны адресата речи¹¹.

Выразительные средства, претендующие на экспрессивную и образную нагрузку, но по каким-то причинам утратившие свою значимость и художественную выразительность, чаще всего называют *штампами* или *шаблонами*. В отличие от штампов, которые обладают стертой семантикой и являются несомненным недостатком речи, речевые стереотипы, или клише, сохраняют выразительность, являясь конструктивной единицей текста¹².

Таким образом, в отечественной стилистике термин «клише», заимствованный из французского языка, приобретает противоположную коннотацию и сегодня удобен для изучения стандартных формул стандартизованного жанра:

...клише (стереотипные, стандартные формулы)... представляют собой нормативные словосочетания, опирающиеся на лексические значения сочетающихся слов, экономно (и потому удобно) передающие стандартную тематико-ситуативную информацию... Отношение к клише достаточно четкое и однозначное: чем стандартизованнее ситуация, тем необходимее клише. Описание какой-либо ситуации с помощью клише – это сигнал отнесения этой ситуации к определенному разряду и типу. Неординарность ситуации требует отказа от клише¹³.

В то же время необходимо предостеречь от упрощенной оценки стереотипа, которая опиралась бы только на фактор стиля. Несомненно, стереотип вызывает негативный стилистический эффект в художественном или

¹⁰ В.Г. Костомаров, *Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики*, изд-во Моск. ун-та, Москва 1971, с. 183.

¹¹ Г.А. Копнина, М.П. Котюрова, *Клише, или Речевой стереотип*, [в:] *Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник*, Электронное издание. Сибирский федеральный университет, Красноярск 2014, с. 213–214, <http://elibrary.ru/download/17893350.pdf>.

¹² В.М. Бурунский, *Клише: языковые...*, с. 8–9.

¹³ Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова, *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*, изд-во «ЧеРо», Москва 1999, http://www.e-reading.club/chapter.php/1015483/183/Rozental_Spravochnik_po_pravopisaniyu%2C_proiznosheniyu%2C_literaturnomu_redaktirovaniyu.html [дата доступа: 28.11.2015].

публицистическом стиле, а в научном и официально-деловом стереотип играет позитивную роль, но нельзя забывать, что использование клише требует мастерства, их неумелое использование может привести к отрицательному коммуникативному результату и в научном тексте.

О погрешностях в использовании клише предупреждает Д.Э. Розенталь:

Клише надо знать (особенно в своей области знаний) и правильно употреблять, то есть только там, где требуется стандартизация высказывания, сохраняя при этом его форму и значение. Ошибки при употреблении клише связаны с влиянием смежных или синонимических клише, например, с нарушением его формы: суда, зарегистрированные в портах (следует: приписанные к портам), иллюзии исчезли (следует: рассеялись), далеко отстал от (следует: намного отстал), снять санкции (следует: отменить санкции), сделать прецедент (следует: создать прецедент) и пр.¹⁴

Фундаментальную работу по исследованию недочетов в научном тексте с точки зрения культуры речи выполнил коллектив Пермской школы функциональной стилистики. Нормативный аспект культуры речи позволил выявить типичные погрешности, вызванные неумелым использованием клише: нарушение лексической сочетаемости, контаминация, тавтология, плеоназм и др.¹⁵ Для изучения стереотипа ценным инструментом становится лингвистический термин «плотность текста», который М.П. Котюрова вводит по аналогии с физическим понятием для обозначения текстовой категории. Этот термин получил достаточно широкое распространение:

Информационная плотность научного текста – это содержательная новизна (для читателя), которая присуща не только теме, авторской концепции, системе авторских оценок предмета изучения, но и выражению старого (известного читателю) знания¹⁶.

Обратим внимание на проявление стереотипа как «общего места», «пустой фразы» (вспомним, что клише от фр. cliché – ‘общее место’), наличие которых в научном тексте приводит к необходимости разграничения стереотипа как положительного и отрицательного явления в рамках стандартизованного жанра научного стиля, где он считается позитивным, конструктивно значимым, потому что выполняет определенные функции:

Речевые клише представляют собой отдельный класс устойчивых, грамматически неоднородных, регулярно воспроизводимых блочных, т.е. представляющих собой готовые составные блоки, стандартных фразеологических единиц в типовых речевых ситуациях, отражающих стереотипы мышления коммуникантов, позволяющих говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, а также

¹⁴ Там же.

¹⁵ М.П. Котюрова, Е.А. Баженова, *Культура научной речи: текст и его редактирование*, Изд-во «Флинта; Наука», Пермь 2008.

¹⁶ Л.С. Гиренко, *Плотность научного текста: комплексный подход к ее изучению*, дис. ... канд. филол. наук, Пермь 2006, с. 9.

способствующих общепонятности и информативности текстов и обладающие организующей ролью при построении диалогического пространства¹⁷.

Передача информации является основной целью научного произведения, причем этот источник информации отличает соответствие особому требованию – лаконичности. Явление избыточности признано отрицательной чертой любой речи, и учёный должен избегать многословия, поскольку адресат ставит перед ним четкую задачу – передать максимум информации на отрезке сообщения минимальной протяженности. Для стандартизованных жанров научной литературы (диссертации, автореферата, патента и др.) это требование становится нормой, строго ограничивающей объем текста.

Специалисты разных отраслей знания – социологии, теории коммуникации, психолингвистики – солидарны в определении основных критериев информативности текстовых отрезков. В качестве таковых называют новизну и определенность передаваемого знания, обязательно отмечая при этом, что оба критерия предполагают аспект читательского восприятия. Фактор адресата предусматривает учет пресуппозиции при определении информативности высказывания и негативной оценки стереотипного текста.

Адресат научного текста определенного жанра отличается относительной однородностью, т.е. обладает информацией, необходимой для восприятия текста конкретной направленности и данного уровня сложности. Ему известны методология проведения научного исследования в конкретной области, поскольку научный текст, если он не относится к пограничному жанру научно-популярной литературы, адресован узкому кругу специалистов. Кроме того, подготовленному читателю знакомы и жанровые нормы, управляющие созданием данного текста, а следовательно, особенности его композиционного строения и оформления.

В большей степени предсказуемо для читателя произведение стандартизованного жанра, например автореферат диссертации. Перед автором этого текста стоит непростая задача – создать плотный текст, насыщенный полезной информацией, новым для адресата знанием с помощью стандартных речевых формул.

Естественно предположить, что текст лишает плотности преобладание клише, несущих известную читателю информацию о научном исследовании вообще, над речевыми конструкциями, передающими новое знание. Одной из причин, приводящих к такому дисбалансу, является речевая избыточность в использовании клише – плеоназм (*Предметом исследования в диссертации является порядок слов; материалом данной реферируемой диссертации явились... и др.*) или тавтология:

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении способов графической передачи англоязычной частично ассимилированной лексики в русском языке...

Научная новизна исследования заключается в создании классификации англоязычной частично ассимилированной лексики ...

¹⁷ В.В. Стрибижев, *Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Белгород 2005, с. 7.

Практическая ценность работы заключается в том, что она может быть использована в качестве образца для изучения англоязычной и другой иноязычной лексики при проникновении в различные языки мира.

Именно такие однотипно построенные фразы на коротком участке текста создают впечатление заштампованности, между тем стереотипность отнюдь не предполагает отсутствие вариативности. Клише подвергаются определенным трансформациям, что опровергает положение о неварьируемости и неразложимости клише¹⁸, так что стереотипность, однообразие текстов жанра автореферата – иллюзия. Стереотипность предполагает наличие вариантов, при создании научного текста всегда есть выбор, и зрелость автора-ученого проявляется в овладении широким набором клише, обеспечивающих разнообразие выражения типовых значений.

Для предотвращения речевой избыточности в жанре автореферата диссертации намечается положительная тенденция к использованию заголовков (Структура диссертации, Задачи исследования, Методы исследования и др.) вместо клише, передающих известную адресату метанаучную информацию: *структура диссертации определяется целью и задачами исследования; выбор методов исследования в работе определяется характером изучаемого материала; для достижения данной цели были поставлены и решены следующие конкретные задачи; методы исследования определены поставленными задачами и природой изучаемого объекта и др.*

Стандартизованный жанр автореферата содержит целые рубрики, содержание которых занимает метанаучная информация: *Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения; Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, излагаются цели и основные задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обозначается методика исследования, характеризуются принципы отбора анализируемого материала; В заключении излагаются результаты исследования...*

Наличие данных рубрик диктует жанровая норма, которая предписывает не только обозначить основные части диссертационной работы, но и обосновать логику ее построения. Если в автореферате приводится целый клишированный абзац о структуре диссертации вообще, а потом дается описание конкретной работы, происходит дублирование информации, наблюдается речевая избыточность; если данные клише не вводят новое знание, наблюдается обратный эффект – речевая недостаточность, в результате которой целый абзац воспринимается как «общее место», штамп.

При оптимальном построении автореферата обе задачи совмещаются – описание структуры работы и логики изложения материала происходит одновременно:

Первая глава «Статус речевых клише в современной лингвистике» посвящена рассмотрению теоретического круга общелингвистических проблем, определяющих статус и специфику речевых клише. В первой части главы, опираясь на теоретические положения фразеологической науки, мы выделяем основные критерии клиширо-

¹⁸ В.М. Бурунский, *Клише: языковые...*, с. 5.

ванности... Выделенные нами признаки позволяют нам установить фразеологический характер речевых клише и исследовать их признаки в сопоставлении с другими фразеологическими единицами... Данные выводы заставляют обратиться к изучению метакоммуникативной функции языка, прагматических правил успешной коммуникации и теории дейксиса, которые рассматриваются во второй главе: «Клише в метакоммуникативной функции» [2. с. 7].

Такой способ построения автореферата более трудоемкий, поскольку требует не сокращения текста диссертации, а рефлексии над ним, в результате чего получается не контаминация из сокращенных наиболее значимых фрагментов диссертации, а своеобразный рассказ о тексте, то есть текст, проявляющий категории целостности и связности. В научной речи наиболее распространенные клише приспособлены именно для этой функции связи:

эти единицы организуют отдельные предложения в связный текст, представляющий собой конструкт, в котором все элементы соединены специальными «скрепами», по выражению М.В. Ломоносова, «подобно гвоздям или клею». Связность пронизывает все компоненты и стороны научного текста, поэтому представление о ней необходимо для овладения культурой письменной речи. Для связи самостоятельных предложений и абзацев сформировались различные языковые единицы, которые ярко, выпукло эксплицируют мыслительный процесс¹⁹.

К речевым стереотипам, помогающим объяснить структуру работы, ход исследования и логику изложения материала, можно отнести следующие: *В начале теоретического исследования мы встали перед необходимостью определения... В диссертации рассмотрен ряд проблем, одной из которых является...; Особый интерес для анализа представляет..., рассмотрению которого в диссертационном исследовании уделяется большое внимание; Проведенный теоретический анализ проблемы позволил определить направленность опытно-экспериментальной работы; Это определило ход дальнейшего исследования; Анализ существующего опыт... и наши выводы, полученные в ходе исследования, позволили определить...; В диссертации приводятся фактические данные, полученные в результате проведения... и др.*

В результате использования подобных клише получается связный текст, насыщенный новой информацией, проявляющий категорию плотности:

В первой главе... рассмотрены варианты когнитивно-дискурсивного анализа, получившие признание многих исследователей в последнее десятилетие. Это позволило сформулировать принципы когнитивно-дискурсивного анализа в отношении аутентичного материала... Представленный в первой главе анализ ряда концепций, касающихся современных исследований дискурса, показал, что... Анализ современной социальной среды... продемонстрировал, что... Далее был решен вопрос о смешении (контаминации) дискурсов. В первой главе выделены также основные примеры ведения дискуссии... В целях выяснения природы прагматических клише нами были сопоставлены термины... В целом в первой главе представлена и описана среда

¹⁹ Г.А. Копнина, М.П. Котюрова, *Клише, или Речевой стереотип...*

существования и функционирования прагматических клише – устный полемический аргументированный контаминированный институциональный дискурс. Во второй главе... в центре внимания оказываются сами прагматические клише [1, с. 9].

При изучении связности текста автореферата диссертации, этого «текста о тексте», важной жанровой характеристикой является хронотоп его композиционных единиц. Автореферат описывает выполненное научное исследование и отраженное в тексте диссертации, поэтому так важно обращать внимание на соотношенность глагольных видовременных форм, модальность и персональность синтаксических конструкций. В следующем фрагменте клише, описывающие диссертацию, не согласуются с конструкциями в форме настоящего времени и/или первого лица, вырванными из контекста диссертации, где они служили для передачи хода исследования: *В заключении подводятся основные итоги исследования. Исследование показало, что... Выявив..., мы доказали... Проанализировав..., мы определяем... Знаковый характер клише свидетельствует о том, что... На основании изучения... установлено, что... Мы выяснили, что... На основе данного исследования построена классификация... С помощью анализа... было выявлено... В качестве перспектив дальнейшего исследования... можно определить... Как видим, в результате несовпадения хронотопов автореферата диссертации и диссертации нарушается связность текста, и клише лишаются своей позитивной функции.*

В случае такой «нестыковки» метанаучных клише автореферата и фрагментов диссертации, включаемых в автореферат, целесообразнее использовать вместо клише упомянутые выше заголовки (Заключение, Основное содержание первой главы, Выводы и пр.), в противном случае нарушается тема-рема-ическая связность и целостность текста, и клише, наоборот, затрудняют его восприятие:

В первой главе... обосновывается выбор подхода к структурной схеме простого предложения, излагается история вопроса о безличном предложении, рассматриваются основные положения теории коммуникативных регистров, разработанной Г.А. Золотовой и ее школой.

1.1. В отечественной лингвистике проблема структурных схем простого предложения связана с именем Н.Ю. Шведовой. В 60-е–70-е годы истекшего столетия в печати появилась целая серия работ этого крупного ученого... и т.д.

Итак, клише маркируют композиционные элементы научного текста, способствуют узнаванию старого знания, передаваемого в традиционной форме, и тем самым облегчают восприятие научного текста, однако при неумелом использовании они становятся бессодержательными, дисфункциональными, перестают выполнять роль навигаторов в поиске полезной информации. Применительно к сфере науки понятие стереотипа в негативном значении целесообразно определить именно с точки зрения информативности и разграничить, таким образом, термины *клише* и *штамп/шаблон* в научном тексте: «Языковым штампом становится клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную, или текстовую,

информационную нагрузку, стало бессмысленным, незначимым для получателя информации, иными словами, стало дисфункциональным»²⁰.

Соглашаясь с этими положениями, представляется правомерным развести феномены шаблона (штампа) в художественном и научном стилях: в первом случае мы имеем дело с устойчивым выражением, лишенным образности и экспрессивности, во втором – лишенным содержания, информативности. Таким образом, критерий информативности текстового фрагмента позволяет квалифицировать стереотип как позитивное или негативное явление в тексте стандартизованного жанра.

Литература

- Алексеева Л.М., Аннушкин В.И., Баженова Е.А. и др., *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, изд-во «Флинта», «Наука», Москва 2003.
- Бурунский В. М., *Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и английского языков)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Курск 2009.
- Гиренко Л.С., *Плотность научного текста: комплексный подход к ее изучению*, дис. ... канд. филол. наук, Пермь 2006.
- Дридзе Т.М., *Язык и социальная психология: учеб. пособие*, изд-во «Высш. школа», Москва 1980.
- Копнина Г.А., Котюрова М.П., *Клише, или Речевой стереотип*, [в:] *Эффективное речевое общение (Базовые компетенции)*. Словарь-справочник, Электронное издание. Сибирский федеральный университет, Красноярск 2014, с. 213–214, <http://elibrary.ru/download/17893350.pdf>.
- Костомаров В.Г., *Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики*, изд-во Моск. ун-та, Москва 1971.
- Котюрова М.П., *Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах*, [в:] *Текст: стереотип и творчество*, изд-во «Перм. гос. ун-т», Пермь 1998.
- Котюрова М.П., *Речевой стандарт*, [в:] *Эффективное речевое общение (Базовые компетенции)*. Словарь-справочник, Электронное издание. Сибирский федеральный университет, Красноярск 2014, с. 543–544, <http://elibrary.ru/download/30092294.pdf>.
- Котюрова М.П., Баженова Е.А., *Культура научной речи: текст и его редактирование*, изд-во «Флинта», Наука», Пермь 2008.
- Кутькова А.В., *Речевые стереотипы как средство поддержания контакта (на материале пиренейского варианта португальского языка)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва 2006.
- Лариохина Н.М., Толорая Т.П., *Вопросы синтаксиса научного стиля речи*, изд-во «Русский язык», Москва 1979.
- Макеев И.К., *Коммуникативные и когнитивные характеристики прагматических клише (на материале полемического дискурса)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Тамбов 2004.

²⁰ Т.М. Дридзе, *Язык и социальная психология: учеб. пособие*, изд-во «Высш. школа», Москва 1980, с. 139.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, изд-во «ИТИ Технологии», Москва 2003.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П., *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*, изд-во «ЧеРо», Москва 1999, http://www.e-reading.club/chapter.php/1015483/183/Rozental_-_Spravochnik_po_pravopisaniyu%2C_proiznosheniyu%2C_literaturnomu_redaktirovaniyu.html [дата доступа: 28.11.2015].

Стрибижев В.В., *Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Белгород 2005.

Список цитируемых источников²¹

1. Загоруйко И.Н., *Языковые клише в блогосфере интернет-дискурса: функционально-прагматический аспект*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Ижевск 2013.
2. Стрибижев В.В., *Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Белгород 2005.

Клише и шаблон в тексте стандартизованного жанра

Резюме

В статье освещается проблема проявления стереотипа в текстах разных функциональных стилей. Проблема рассматривается на примере научных текстов, подчиняющихся строгой книжной письменной норме и процессу стереотипизации. В качестве материала исследования выбран стандартизованный жанр автореферата диссертации. Внимание фокусируется на понятиях стандартизации, стереотипизации. Производится попытка разграничить понятия стереотипа, стандарта, штампа, шаблона, клише. Выявляются положительные функции клише и негативные проявления шаблона в научном тексте.

Ключевые слова: стереотип, шаблон, клише, стандарт, стандартизация, стереотипизация, жанр, научный текст.

Cliché and Stamp in the Text of Standardization Genre

Abstract

This article is devoted to the problem of stereotypes in the texts of different styles of language. The author defines factors of standardization and stereotyping of scientific text, so the problem is considered on the example of standardized genre – thesis of dissertation. Attention is focused on the definition of standardization and stereotyping. In the article this question is examined as a factor of lexical compatibility of terms. The author also tries to differentiate between the terms “stereotype”, “standard”, “stamp”, “pattern” and “cliché”, based on scientific style texts material. Also have been enumerated positive functions of cliché and negative examples of stamp in scientific text.

Key words: stereotype, stamp, pattern, cliché, standard, standardization, stereotyping, genre, scientific text.

²¹ Примеры речевых неудач взяты из опубликованных авторефератов диссертаций с соблюдением анонимности их этических соображений.

[48]

Надежда Ведякова

Надежда Ведякова
Кандидат филологических наук
Челябинский государственный университет

N.A. Vedyakova, Candidate of Philological Sciences
Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Chelyabinsk State University
e-mail: vedyakova@mail.ru
+7 9193030111

Лина Гукова, Людмила Фомина

Референция и поэтика личных местоимений в дискурсе А.С. Пушкина

Вопрос об эстетическом потенциале грамматических средств в художественном дискурсе и проблема их семантических преобразований в данном функциональном поле являются конститутивными для поэтической речи. На склоне тридцатых годов прошлого столетия Р. Якобсон, будучи редактором чешского перевода сочинений А.С. Пушкина, отметил и показал в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» «значимость морфологической и синтаксической ткани», которая «сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики»¹.

А ещё раньше, в 1922 году, Б.А. Ларин, исследуя семантическую многорядность лирики, говорил о «комбинаторных приращениях» смысла, которые «образуются из взаимодейственной совокупности слов... и в пределах одной фразы, и из сочетания периодов – в пределах одной главы; далее, есть оттенки, возникающие только из законченного литературного целого»². Ключевым положением здесь для нас является актуализация роли синтагматики в её широком понимании, роли сочетаемости и взаимодействия языковых средств одного или нескольких грамматических разрядов в широком контексте.

В центре внимания нашей работы – эстетический потенциал личных местоимений в дискурсе А.С. Пушкина, выявляемый через особенности референции анализируемых единиц и формирующуюся в языковой картине мира поэта систему художественных семантических оппозиций.

Приняв за исходное положение наличие у местоимений дейктической, заместительной и референциальной функций, присоединяемся к мнению Е.В. Падучевой о ведущей роли последней, выступающей в качестве общей по

¹ Р. Якобсон, *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*, [в:] Р. Якобсон. *Семиотика*, Изд-во «Радуга», Москва 1983, с. 462.

² Б.А. Ларин, *О разновидностях языка художественной речи (Семантические этюды)*, [в:] Б.А. Ларин. *Эстетика слова в языке писателя. Избранные статьи*, Изд-во «Художественная литература» Ленинградское отделение, Ленинград 1974, с. 36.

отношению к двум первым – как частным³. Личные местоимения, которые используются в художественной речи в 7 раз чаще, чем в официально-деловых бумагах, и в 3,5 раза чаще, чем в научной литературе, входят в художественный текст, реализуя в нем не только свойственную им частеречную специфику, но и прирастая за счёт сочетаемости выразительными семантическими и стилистическими нюансами.

Центральным элементом личного дейксиса и центром речевой ситуации является местоимение *я*, в каждом речевом акте имеющее свою собственную референцию, соответствующую каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности⁴. Это многообразие референции в поэтической речи реализуется прежде всего в аутореференции, когда говорящий и поэт идентичны, когда автор высказывает свои мысли, взгляды, чувства, надежды, пожелания. В нашем материале ярким примером этой позиции может служить провидческое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в котором А.С. Пушкин в поэтической форме подводит итог своему творческому пути и которое звучит как духовное завещание: *Нет, весь я не умру – душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит – И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит...* (I, с. 586)⁵. Более того, как пишет Н.В. Измайлов, «последняя строфа стихотворения [...], говорящая о равнодушии поэта к клевете, о презрении к обидам, отказе от спора с глупцом, – эта строфа являлась не только декларацией общего характера, но и ответом на выступления враждебной критики»⁶.

В стихотворении «К Овидию» в период ссылки в Бессарабию А.С. Пушкин четко выражает свою гражданскую позицию: *Суровый славянин, я слез не проливал* (I, с. 255), а в рукописи остались более откровенные заключительные строки: *не унизил век изменой беззаконной Ни гордой совести, ни лиры непреклонной*⁷. В пространстве аутореференции находятся те стихи, в основе которых лежат реальные жизненные факты, а референт – сам великий поэт России.

Художественный текст с его доминирующей эстетической функцией – это виртуальный мир, в котором живут и действуют, как в реальности, персонажи, созданные воображением творца; и они в коммуникации также обозначают себя с помощью прономинатива *я*. Таким образом, формируются два типа аутореференции – прямая и косвенная, отражающие соотносительность *я* с самим поэтом и с созданными им персонажами. Татьяна Ларина, Онегин

³ См.: Е.В. Падучева, *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*, 2-е изд., Изд-во «Эдиториал УРСС», Москва 2001, с. 11.

⁴ Э. Бенвенист, *Природа местоимений*, [в:] Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*, Изд-во «Прогресс», Москва 1974, с. 286.

⁵ Все примеры даём по: А.С. Пушкин, *Сочинения. В 3-х томах*, т. 1–3, Изд-во «Художественная литература», Москва 1985–1987.

⁶ Н.В. Измайлов, *Очерки творчества Пушкина*, Изд-во «Наука», Ленинград 1976, с. 248.

⁷ Б.С. Мейлах, «...сквозь магический кристалл...»: *Пути в мир Пушкина*, Изд-во «Высшая школа», Москва 1990, с. 26.

и Ленский, Борис Годунов и Самозванец, Моцарт и Сальери, Руслан и Людмила и другие герои поэм, сказок, драм и повестей высказываются от 1-го лица: *Я старший был пятью годами И вынести больше брата мог. В цепях, за душными стенами Я уцелел – он изнемог* (Братья-разбойники, II, с. 44); *Одно имела я в предмете: Твою любовь. Я для нее Сгубила счастье мое, Но ни о чем я не жалею...* (Полтава, II, с. 102).

Отметим также высокую степень автобиографизма в творчестве Пушкина, у которого «познание окружающего мира и постижение самого себя сливались»⁸ и который многие события, факты, впечатления и переживания личной жизни пропускал «сквозь магический кристалл» своего восприятия и понимания, создавая обобщенные образы художественного мира.

Близко к аутореференции, но не тождественно ей «я» рассказчика, когда поэт вкладывает свои впечатления, размышления в уста автора-повествователя, alter ego самого писателя. Таких отступлений от сюжета, комментариев, жизненных впечатлений и наблюдений много в «Евгении Онегине»: *Я думал уж о форме плана И как героя назову; Покамест моего романа Я кончил первую главу...* (ЕО, II, с. 208), или *Но следствия нежданной встречи Сегодня, милые друзья, Пересказать не в силах я; Мне должно после долгой речи И погулять и отдохнуть: Докончу после как-нибудь* (ЕО, II с. 242).

Исследуя особенности адресации романа, Н.Д. Арутюнова подчеркивает: «Жизнь автора (Пушкина) как бы не отделена от существования его персонажей, включенных в его жизнь и жизнь читателей. Реальные миры постоянно пересекаются с вымыслом: читатель предстает как друг персонажей, обитающих в вымышленных мирах, а автор – как друг своих вымышленных героев. В лирических отступлениях от изложения сюжета Пушкин выступает уже не как автор данного сочинения, а как человек с определенным характером и склонностями. Таким образом, адресация поэмы двунаправлена, она обращена к читателю и к кругу, в котором вращался Пушкин как человек»⁹.

Мы также не склонны отождествлять А.С. Пушкина и автора романа, каким он предстает перед читателем, несмотря на большой аллюзивный материал, придающий жизненную правду его творению. Свои взгляды, а часто и гражданскую позицию А.С. Пушкин поручает высказать «я»-поэту как обобщенному художественному образу (все стихотворение «Пророк» пронизано мыслью о боговдохновенности поэтического труда, миссионерского и подвижнического) или изобразить картину душевного состояния поэта в минуты творческого подъема: *И забываю мир – и в сладкой тишине Я сладко усыплен моим воображеньем...* (Осень, I, 522). В силу постоянного присутствия в поэтической картине мира «персонифицированного образа автора» (Б.С. Мейлах), нередко трудно отграничить прямую аутореференцию от художественно-обобщенной.

Нарративная функция своеобразно представлена и в любовной лирике поэта, отмеченной обилием «я-предложений», создающих эффект взволнованности, искренности, задушевности, в которых референтом

⁸ Там же, с. 27.

⁹ Н.Д. Арутюнова, *Из наблюдений над адресацией дискурса*, [в:] *Логический анализ языка. Адресация дискурса*, отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Изд-во «Индрик», Москва 2012, с. 8.

выступает влюбленный, выражающий свои чувства: *Я думал, сердце позабыло Способность легкую страдать, Я говорил: тому, что было, уж не бывать!* (I, с. 574); *Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты* (I, с. 351). В исследовании, посвященном специфике «Я-предложений», Ю.С. Степанов подчеркивает: «...в наиболее типичном предложении с «я» – утверждении о чем-либо, что происходит с «я», – утверждаемое относится как раз не к внешнему миру, а к внутреннему состоянию «я»¹⁰.

В «Я»-предложениях в качестве предиката выступают определенные семантические группы глаголов – глаголы мысли, речи, физических и интеллектуальных действий, эмоциональных состояний, создающих вместе с «я» речевую экспрессию. С точки зрения прагматики, предложения с субъектом и объектом – местоимением я позволяют добиться вовлеченности и непосредственного общения героя с читателями, развить с ними личностные, доверительные отношения.

В «Словаре языка А.С. Пушкина» отдельно отмечено употребление я «для обозначения самого себя как личности ... при противопоставлении ее окружающей среде»¹¹. Это эго-центричное «я» индивидуалиста, его мировоззренческая позиция: *С в я щ е н н и к: Старался ль ты закон господний соблюдать И, кроме Вышнего, не чтить другого бога? С т и х о т в о р е ц: Ах, с этой стороны я грешен очень много; Мне богом было – я, любви предметом – я, В я заключался и братья и друзья, Лишь я был мой и царь и демон обладатель* (Исповедь бедного стихотворца). По сути, референтом этого субстантивированного местоимения становится весь круг жизненных взглядов и предпочтений подобной личности.

Таким образом, мы видим разную синтагматику местоимения я и получаемые в результате разные ипостаси этой единицы, и грамматическую, и функционально-семантическую. И при этом, каким бы ни был референт местоимения я, содержащий его художественный контекст всегда индивидуализирован и личностно окрашен.

Если я является центральной фигурой речевого акта, в котором говорящий обозначает себя, то по отношению к нему определяется адресат речи – ты/вы. В диалоге всегда осуществляется корреляция этих прономинативов. Например, в поэме «Цыганы»: *З е м ф и р а «Скажи, мой друг: ты не жалеешь О том, что бросил навсегда?» А л е к о «Что ж бросил я?» З е м ф и р а «Ты разумеешь: Людей отчизны, города». А л е к о «О чем жалеть? Когда б ты знала, Когда бы ты воображала неволю душных городов!»* (Цыганы; II, с. 64). Здесь видим открытый диалог двух вымышленных персонажей, представленных в роли реальных собеседников. Между тем Пушкин нередко обращается к воображаемому собеседнику, который и выступает референтом высказывания: *Где ты, ваятель безымянный Богини вечной красоты? И ты, харитою венчанный, Ты, вдохновенный Рафаэль?* (Кто знает край, где небо блещет; I, с. 419).

¹⁰ Ю.С. Степанов, *Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика)*, Изд-во «Наука», Москва 1981, с. 166.

¹¹ *Словарь языка А.С. Пушкина: В 4-х т.*, «Госиздат. иностр. и нац. словарей», Москва 1956–1961, IV, с. 1023.

Или к предполагаемому читателю, с которым автор хочет быть в контакте и потому адресуется к нему как к активному участнику диалога: *Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель* (ЕО, II, с. 335). Это, наконец, может быть и обобщённый образ поэта, в семантическое пространство которого вписываются размышления автора – например, о назначении поэта, как это представлено в стихотворении «Соловей и роза»: *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, Поэт над розою восточный соловей. Но роза милая не чувствует, не внемлет, И под влюбленный гимн колеблется и дремлет. Не так ли ты поешь для холодной красоты? Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?* (I, с. 395).

Диалогичность – яркая черта всей поэзии Пушкина. И в ней представлены как разные адресаты, так и разные типы диалога. Гений А.С. Пушкина проявляется в том, что его подлинными и мыслимыми собеседниками чрезвычайно многообразны: это и «великий муж» Наполеон (*Зачем ты послан был и кто тебя послал? Чего, добра или зла ты верный был свершитель?* I, 307), и «парнасские жрецы» Овидий, Вольтер, Лафонтен; и друзья-поэты: Вяземский, Языков, ослепший И.И. Козлов и др.: *Языков, кто тебе внушил Твое посланье удалое? Как ты шалишь. И как ты мил...!* I, 381); *Певец, когда перед тобой Во мгле сомкнулся мир земной, Мгновенно твой проснулся гений* (I, с. 342); декабристы В.Л. Давыдов, В. Кюхельбекер, друзья по Лицею, «Арзамасу», Кишиневу и Одессе, родственники: сестра Ольга, брат Лев (*О, как тебя застану, любезная сестра* (I, с. 29). *Брат милый, Отроком расстался ты со мной.* I, с. 209); галерея бездарных поэтов и откровенных врагов – всех невозможно перечислить и тем более процитировать обращения к ним. Референты-адресаты стихотворений конкретизируются синтагматически – либо с помощью обращений, либо названы в заглавиях: «Вяземскому», «К Чаадаеву», «Денису Давыдову», «И.В. Сленину», «Н.Д. Киселеву», «К Баратынскому», «Послание к Галичу» и, разумеется, многие дамы – «Анне Николаевне Вульф», «К.А. Тимашевой», «Кн. Н. Ушаковой», «Бакуниной», «Е. Н. Полторацкой» и др.

Всем известна общерусская этикетная адресатная оппозиция *ты / Вы*. Мы бы не сказали ничего интересного, если бы привели примеры вежливо-холодного *Вы* и тёплого *ты*. Таких примеров – великое множество. Прагматика и поэтика этой оппозиции в дискурсе Пушкина неоднократно актуализируется скольльзящим её использованием при адресации к одному и тому же лицу. Так, к дяде Василию Львовичу А.С. Пушкин в одном и том же письме от 28 декабря 1816 г. обращается, выражая сердечность отношений, на *ты* (*Тебе, мой дядя, в новый год Веселья прежнего желанье*), и на *Вы* (*Вы дядя мой и на Парнасе*) – выражая глубочайшее профессиональное почтение. Татьяна Ларина в самой интимной части своего письма Онегину, повествуящей о девичьих снах и грезах, о томлениях влюбленной души, так же как героиня стихотворения «Ты и вы», переходит с традиционного светского *вы* на задушевное *ты*. *Поверьте, моего стыда вы не узнали б никогда, когда б надежду я имела хоть редко, хоть в неделю раз в деревне нашей видеть вас...* А затем: *Вся жизнь моя была залогом Свиданья верного с тобой; Я знаю, ты мне послан богом, До гроба ты хранитель мой...* Онегин же обращается к Татьяне только на *вы* ... – холодно-наставительное и предсказуемое *вы*.

Способом соскальзывания с одного типа общения на другой и варьирования местоимений *ты/вы* формируется оппозиция не только слов, но и состояний, о которых эмоционально написала М.И. Цветаева: «Он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушел, она осталась, он стоял, она сидела, потом встала, потому что *он стоял*».

«Сердечное *ты*» и вежливое *вы* в обращении к дамам у Пушкина варьируется в зависимости от степени близости, интимности отношений, от тональности стихотворения. И при этом референтное содержание местоимения *ты* чаще всего объективируется синтагматически: прежде всего, помощью обращений: *Свет-Наташа! где ты ныне? Что никто тебя не зрит?* (I, 62). Для этой цели употребляется и сказуемое. При этом референция репрезентируется не только словами в их прямом значении, сюда вводятся слова в переносном значении, в которых актуализируется коннотативный компонент и создаётся художественная семантическая оппозиция: *Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! Пожалуй, будь себе татарин – И тут не вижу я стыда; Будь жид – и это не беда; Беда, что ты Видок Фиглярин* (Эпиграмма на Ф. Булгарина; I, с. 470; – сторонника реакционной политики в России и агента Третьего отделения, осведомителя, который назван именем французского сыщика с сомнительной репутацией). Референт может быть репрезентирован также с помощью определительной придаточной части сложного предложения – и в этом случае референция сопровождается пространной выразительной характеристикой: *О ты, чей глас приятный и небрежный Смирал порой страстей порыв мятежный И веселил порой унылый ум, О верная, задумчивая лира ...* (I, с. 263).

Стилистически эффективным оказывается **совмещение** всех указанных способов в сочетании с анафорическим повтором: *О ты, который сочетал С душою пылкой, откровенной (Хотя и русский генерал) Любезность, разум просвещенный; О ты, который, с каждым днем Вставая на военную муку, Усталым усачам верхом Преподаешь царей науку; Но не беславишь сгоряча Свою воинственную руку Презренной палкой палача, Орлов, ты прав* (Орлову; I, с. 199).

Объектом адресации могут выступать не только лица, но также конкретные предметы и абстрактные понятия, например: *Последняя туча рассеянной бури, Одна ты несешься по ясной лазури...* (Туча; I, с. 566). *Рифма*, звучная подруга *Вдохновенного досуга, Вдохновенного труда, Ты умолкла, онемела. Ах, ужель ты улетела!* (Рифма, звучная подруга; I, с. 429).

Местоимения *ты, вы*, а также обращения, объективирующие их, в эмоционально окрашенных и стилизованных под народную речь текстах часто сопровождаются междометиями *о, ах*, приложениями *батюшка, свет, государь*: *О ты, чьей памятью кровавой Мир долго, долго будет полн, ... Почий среди пустынных волн...* (Наполеон; I, с. 251); *О вы, которых трепетали Европы сильны племена* (Воспоминания в Царском Селе; I, с. 55); *Ах ты, свет моя медведиха* (Сказка о медведихе; I, с. 605). *Ох батюшка ты мой Петр Андреевич! ... Виноваты, государь ты наш* (Капитанская дочка).

Всё разнообразие функций местоимения *ты* в художественном дискурсе представить трудно. Но всё же нельзя обойти вниманием еще одну,

метаязыковую функцию, или метаязыковую рефлексию, определяемую как «1) операция метаязыкового сознания по интерпретации какого-либо факта языка или речи, 2) словесно оформленное отражение подобной операции»¹². *Пустое вы сердечным ты Она, обмолвясь, заменила И все счастливые мечты В душе влюбленной возбудила. Пред ней задумчиво стою, Свести очей с нее нет силы. И говорю ей: как вы милы! И мыслю: как тебя люблю!* (Ты и вы; 1, с. 421). В этом шедевре любовной лирики сформирована антитеза двух субстантивированных, прагматически насыщенных средств обращения путём подчеркнутого сопровождения эпитетами *пустое – сердечное*.

Художественно-прагматический эффект местоимений *ты / вы* у Пушкина часто градуируется – благодаря стилистическому (контактному) двойному или тройному повтору в дискурсе: *Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, Чистейшей прелести чистейший образец* (Мадонна; I, с. 475). А в стихотворении «На холмах Грузии ...» поэт использует тройной повтор: *печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой...* Т.И. Сильман характеризует этот приём как «сильное поэтическое средство» и продолжает: «Мы не только с невероятной быстротой погрузились во внутренний мир лирического героя, но ещё как бы до предела проникли в этот мир – так что вокруг буквально ничего уже не осталось, кроме «одной тебя»¹³.

Лирическое стихотворение, как правило, монологический жанр, но, как отмечал М. Бахтин, «обновление монологических жанров происходит за счет диалога». И при этом, добавляем мы, часто конструируется моно-диалог, в котором автор презентует разные грани своей творческой индивидуальности. Так, в оппозиции «*пустое Вы / сердечное ты*» *Вы* представляет слабую позицию, а в стихотворении «Я вас любил» эта грамматическая единица оказывается в эстетически сильной позиции: троичность удвоена во имя семантики возвышенности (*Вы* употреблено 6 раз: *я* – 4 раза): *Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит: я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно, то робостью, то нежностью томим; Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим.* Здесь *вы* – не просто вежливая конструкция, а знак мысли о том, что любовь даётся человеку свыше. Это дар и стихия, которая захватывает всё существо. В этом моно-диалоге и обращение к адресату, и рассказ о себе; семантическая оппозиция безгранично высокой, жертвенной любви к той, которая возвышенной тревогой и волнениям предпочла энтропию, – то есть оппозиция страсти и бесстрастия.

В сатирическом стихотворении, направленном против Александра I, в антитезу включены и местоимения *ты / я*, которые сочетаются с серией антонимичных прилагательных в предикативной позиции: *Ты богат, я очень беден; Ты прозаик, я поэт; Ты румян, как маков цвет, Я, как смерть, и тощ и бледен* (Ты и я; I, с. 222).

¹² М.Р. Шумарина, *Метаязыковая рефлексия в фольклоре и литературном тексте*: Авторф. дисс. ... докт. филол. наук, Москва 2011, с. 3.

¹³ Т.И. Сильман, *Заметки о лирике*, Изд-во «Советский писатель», Ленинград 1977, с. 90–91.

Благодаря синтагматике и пресуппозиции (аллюзии) в характеристике постаревшего Г.Р. Державина возникает внутрисловная антитеза, своеобразная энантиосемия местоимения *ты*, созданная с помощью сопровождающих его контекстуальных антонимов: *Что сделалось с тобой, Державин? И ты судьбой Невтону равен, Ты бог – ты червь, ты свет – ты ночь* (Тень Фонвизина; I, с. 109). Построение этой стилистической фигуры (как, впрочем, и представленных выше) отражает излюбленную, повторяющуюся дважды в разных его сочинениях (1827 г. и 1836 г.) мысль А.С. Пушкина о том, что «...разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов»¹⁴.

Таким образом, местоимения *я, ты, вы*, связанные парадигматическими отношениями, семантически и функционально, отличаются референтным многообразием, включаются в серию диалогов (открытый, воображаемый, моно-диалог), в серию лингвостилистических фигур (антитезу, повтор, градацию) и отражают культурное сознание А.С. Пушкина, в котором существует единовременный соразмерный ряд, репрезентирующий неисчерпаемость «взаимодейственной совокупности слов» и мощный эстетический потенциал грамматических средств в языковой картине мира русского гения.

Литература

- Арутюнова Н.Д., *Из наблюдений над адресацией дискурса*, [в:] *Логический анализ языка. Адресация дискурса*, отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Изд-во «Индрик», Москва 2012, с. 5–13.
- Бенвенист Э., *Природа местоимений*, [в:] Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Изд-во «Прогресс», Москва 1974, с. 285–291.
- Измайлов Н.В., *Очерки творчества Пушкина*, Изд-во «Наука», Ленинград 1976.
- Ларин Б.А., *О разновидностях языка художественной речи (Семантические этюды)*, [в:] Б.А. Ларин, *Эстетика слова в языке писателя. Избранные статьи*, Изд-во «Художественная литература. Ленинградское отделение», Ленинград 1974, с. 27–53.
- Мейлах Б.С., «...сквозь магический кристалл...»: *Пути в мир Пушкина*, Изд-во «Высшая школа», Москва 1990.
- Падучева Е.В., *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*, 2-е изд., Изд-во «Эдиториал УРСС», Москва 2001.
- Пушкин А.С., *Об обязанностях человека: Сочинение Сильвио Пеллико*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Изд-во «Наука, Ленинградское отд-ние», Ленинград 1977–1979, т. 7: *Критика и публицистика*, 1978, с. 322–324.
- Пушкин А.С., *Сочинения. В 3-х томах*, т. 1–3, Изд-во «Художественная литература», Москва 1985–1987.
- Сильман Т.И., *Заметки о лирике*, Изд-во «Советский писатель», Ленинград 1977.
- Словарь языка А.С. Пушкина в 4-х т.*, «Госиздат. иностр. и нац. словарей», Москва 1956–1961.

¹⁴ А.С. Пушкин, *Об обязанностях человека: Сочинение Сильвио Пеллико*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Изд-во «Наука, Ленингр. отд-ние», Ленинград 1977–1979, т. 7: *Критика и публицистика*, 1978, с. 322–324.

Степанов Ю.С., *Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика)*, Изд-во «Наука», Москва 1981.

Шумарина М.Р., *Метаязыковая рефлексия в фольклоре и литературном тексте: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук*, Москва 2011.

Якобсон Р., *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*, [в:] Р. Якобсон, *Семиотика*, Изд-во «Радуга», Москва 1983, с. 462–482.

Референция и поэтика личных местоимений в дискурсе А.С. Пушкина

Резюме

В статье рассматривается вопрос о референции и эстетическом потенциале личных местоимений *я, ты, вы* в дискурсе А.С. Пушкина. Выявлены разновидности аутореференции и обобщённой референции местоимения *я*; показано многообразие референтов-адресатов местоимений *ты, вы*, синтагматика слов этого грамматического класса, система семантических оппозиций и ряд стилистических фигур, которые образуются с их участием благодаря «взаимодейственной совокупности слов». Представленный синтагматический арсенал отражает культурное сознание А.С. Пушкина, в котором существует единовременный соразмерный ряд, репрезентирующий мощный эстетический потенциал грамматических средств в языковой картине мира русского гения.

Ключевые слова: местоимение, референция, синтагматика, сочетаемость, семантическая оппозиция, стилистическая фигура, эстетический потенциал.

Reference and Poetics of Personal Pronouns in Pushkin's Discourse

Abstract

The article is devoted to the reference of personal pronouns *я, ты, вы* and the ways of realization of their aesthetic functions in Pushkin's discourse. The theoretical base of the research is grounded on the works of B.A. Larin, R.O. Jacobson, E.V. Paducheva, N.D. Arutyunova, T.I. Silman and others. The ground of the characteristic of speech parts' specific is the idea that pronouns have deictic, anaphoric and referential functions, among which the last one is the leading one and it acts as common related to the first two functions as partial. The concept point to reveal the aesthetical potential of personal pronouns is the interaction of the semantics and syntagmatics of the grammatical class of the words researched. There are types of references for the pronoun *Я* (direct and indirect, common-poetic, egocentric); ways to organize dialogues with different referents-addressees for the pronouns *ты, вы* (open, imaginary, mono-dialogue); system of the semantic oppositions *ты – я, я – вы, вы – ты*, which poetics is actualized by the row of stylistic figures: repetitions, gradation, antithesis. Being paradigmatically, syntagmatically and functionally connected, the analyzed pronouns reflect Pushkin's cultural consciousness and his linguistic map of the world.

Key words: pronoun, reference, syntagmatics, compatibility, semantic opposition, stylistic figure, aesthetic potential.

Лина Гукова
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

L.N. Gukova, PhD
Associate professor of the Russian Language Institute
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: gukowa@inbox.ru
+380487763407
+380982377116

Людмила Фомина
кандидат филологических наук
доцент кафедры прикладной лингвистики
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

L.F. Fomina, PhD
Associate professor of the Russian Language Institute
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: onomastic@yandex.ru
+38048494241
+380679239001

Mikołaj Mazur

Życie i nauczanie Serafina z Sarowa w kontekście rosyjskiej filozofii religijnej

Serafin z Sarowa (1759–1833) pozostaje jedną z najważniejszych postaci w dziejach prawosławia rosyjskiego¹. Ten mnich, asceta, starzec, święty Cerkwi prawosławnej zapisał się w historii chrześcijaństwa wschodniego jako wybitny przewodnik duchowy². Jego nauczanie, zebrane przez Mikołaja Motowiłowa w formie zapisków, jest przykładem syntetycznego ujęcia dziedzictwa wschodniej patrystyki w połączeniu z osobistym doświadczeniem³. Jednak na spuściznę Serafina z Sarowa można również spojrzeć z punktu widzenia rozwoju myśli filozoficznej. Życie i pouczenia starca sarowskiego wpisują się bowiem w dzieje rosyjskiej filozofii religijnej. Aby omówić przesłanie Serafina w kontekście filozoficznym, należy przede wszystkim określić, co stanowi przedmiot refleksji rosyjskiej filozofii religijnej oraz jakie są jej fundamenty⁴.

Badacz myśli rosyjskiej Wilhelm Goerdts wskazuje, że poszukiwanie prawdy może zostać uznane za cel uprawiania filozofii⁵. Takie podejście do zadań filozofii wiąże się z przekonaniem chrześcijaństwa, że Jezus Chrystus jest prawdą, co wynika ze słów, wypowiedzianych przez Chrystusa: „Ja jestem drogą i prawdą, i życiem” (J 14,6)⁶. Chrześcijańska filozofia religijna stanowi próbę odkrycia Boga w świecie i dla świata oraz odnalezienia drogi do Stwórcy i zjednoczenia z Nim. Dowodzi tego opinia Goerdtsa, który omawiając postać filozofa ukraińskiego Grzegorza Skoworody, nadmienia:

¹ W tekstach w języku polskim spotyka się dwie formy imienia starca z Sarowa: Serafin lub Serafim. W niniejszym artykule stosuje się wersję „Serafin” jako bliższą brzmieniu języka polskiego.

² Ukazało się sporo publikacji poświęconych życiu Serafina z Sarowa. Zwięzła, a zarazem rzetelna biografia starca – zob. E. Smykowska, *Prawosławni święci. Mały słownik*, wyd. Verbinum, Warszawa 2008, s. 245–246. Patrz także – И. Кологривов, *Очерки по Истории Русской Святости*, Изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель 1961, s. 385–407.

³ Notatki Mikołaja Motowiłowa z rozmowy z Serafinem zostały wydane w formie książki: Św. Serafin z Sarowa, *Ogień Ducha Świętego*, tłum. H. Paprocki, wyd. Esprit, Kraków 2008.

⁴ Zagadnienie rosyjskiej filozofii religijnej, jej specyfiki oraz przejawów zostało omówione w książce: W. Krzemień, *Filozofia w cieniu prawosławia. Rosyjscy myśliciele religijni przełomu XIX i XX wieku*, Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa 1979.

⁵ W. Goerdts, *Historia filozofii rosyjskiej*, tłum. J. Antkowiak, wyd. WAM, Kraków 2012, s. 39.

⁶ Fragmenty Biblii przytoczono za: *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu w przekładzie z języków oryginalnych* (= Biblia Tysiąclecia, wyd. III), Poznań–Warszawa 1980.

Godne uwagi jest, że podczas gdy Łomonosow przywołuje pisma »świętych ojców« dla uprawomocnienia nowoczesnej nauki o przyrodzie, Skoworoda do nich właśnie sięga dla usprawiedliwienia swojej krytyki nauki i uzasadnienia własnej koncepcji prawdziwej nauki, będącej „nauką o Chrystusie”, „chrześcijańską filozofią”, samopoznaniem i poznaniem Boga, prowadzącą w praktyce do stania się sobą i stania się Bogiem, do przebóstwienia⁷.

Skoworoda reprezentował myśl chrześcijaństwa wschodniego, która w niektórych aspektach zdecydowanie różni się od filozofii chrześcijańskiego Zachodu. Z tego powodu myśliciele wschodniosłowiańscy, w tym rosyjscy, wnieśli nieco inne spojrzenie do wspólnego dziedzictwa filozofii chrześcijańskiej Wschodu i Zachodu.

Należy pamiętać, że filozofia rosyjska kształtowała się pod wpływem spotkania filozofii zachodniej, która zaczęła coraz silniej oddziaływać na myśl rosyjską od drugiej połowy XVII wieku, a od reform Piotra Wielkiego stała się nieodłącznym elementem rosyjskiego życia intelektualnego, łącznie z rodzimą duchowością, wyrosłą na gruncie prawosławia i wzorów bizantyjskich. Wilhelm Goerd, pisząc o rozwoju filozofii w Rosji aż po czasy obecne, nadmienia:

Horyzonty znaczeń (zachodniej) Europy i Rosji przecinają się wzajemnie od stuleci w dziejowej dynamice. W tym tkwi znakomity powód (stwierdzenia) możliwości filozoficznego porozumienia⁸.

Badacz niemiecki zwraca uwagę na więź między filozofią rosyjską a zachodnioeuropejską, pamiętając zarazem o wszelkich odrębnościach. W wypadku filozofii religijnej trzeba podkreślić, że duchowość rosyjska, a w konsekwencji rosyjska myśl religijna, formowała się w oparciu o dziedzictwo Bizancjum oraz o nauczanie Kościoła prawosławnego, stąd wynika jej inność względem świata Zachodu.

Jedną z najistotniejszych różnic pomiędzy teologią prawosławną a katolicką jest brak rozróżnienia na naturę i łaskę w nauce Kościoła wschodniego, a które jest charakterystyczne dla teologii łacińskiej. Dodatkowo Cerkiew prawosławna naucza o niestworzonym charakterze łaski w opozycji do zachodniej koncepcji łaski stworzonej i uświęcającej człowieka⁹. Rozważając zagadnienie systemu etycznego Cerkwi prawosławnej, Henryk Paprocki zauważa:

Jedynie błędny podział na „naturę” i „łaskę” spowodował, że stosunki Bóg – człowiek stały się czysto zewnętrzne. Brak we wschodniej teologii opozycji między łaską i naturą sprawił, że w Bizancjum nigdy nie było tendencji do budowania systemów etycznych,

⁷ W. Goerd, *Historia filozofii...*, s. 1187.

⁸ Tamże, s. 29. Szczegółowa analiza genezy oraz rozwoju filozofii rosyjskiej, periodyzacja i charakterystyka różnych tendencji w łonie tejże filozofii – tamże, s. 23–167.

⁹ Jednym z najistotniejszych sporów w historii prawosławia była kontrowersja pomiędzy Grzegorzem Palamasem a Barlaamem z Kalabrii. Podczas gdy pierwszy bronił koncepcji łaski niestworzonej jako Bożej energii, to Barlaam stał na stanowisku, że łaska jest stworzona, popierając przy tym pogląd teologów zachodnich. Ostatecznie przekonanie Palamasa zostało uznane za ortodoksyjne przez Kościół prawosławny – zob. J. Meyendorff, *Teologia bizantyjska. Historia i doktryna*, tłum. J. Prokopiuk, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2007, s. 62–64.

a Kościół nie podawał autorytatywnych i szczegółowych przepisów chrześcijańskiego życia¹⁰.

Jednakże nieobecność podziału na naturę i łaskę wpłynęła nie tylko na odrębność w kwestii systemu etycznego między Wschodem a Zachodem, ale także na tendencję do całościowego, syntetycznego ujmowania człowieka i świata, która przejawia się w poglądach rosyjskich myślicieli religijnych. Mikołaj Łoski stwierdza:

W filozofii rosyjskiej dążenie do całościowego poznania i silne poczucie rzeczywistości są ściśle powiązane z wiarą w wartość doświadczenia tak zmysłowego, jak bardziej subtelnego, dającego możliwość głębszego wniknięcia w budowę bytu. Filozofowie rosyjscy dowierają intuicji intelektualnej, doświadczeniu moralnemu i estetycznemu, ujawniającym nam najwyższe wartości, ale przede wszystkim dowierają mistycznemu doświadczeniu religijnemu, które ustanawia związek człowieka z Bogiem i Jego królestwem¹¹.

Drugim elementem doktrynalnym, tworzącym fundament rosyjskiej myśli religijnej, jest dogmat trynitarny oraz chalcedoński. Obydwa zostały ustanowione na pierwszych soborach powszechnych Kościoła jeszcze niepodzielonego i są uznawane zarówno przez Kościół prawosławny, jak i katolicki oraz większość wspólnot protestanckich. Niemniej jednak to właśnie myśliciele prawosławni szczególnie często traktują ideę Boga Trójjedynego (jedności w wielości) oraz Osobę Bogoc człowieka Jezusa Chrystusa (zjednoczenie, ale nie zmieszanie natury boskiej i ludzkiej) jako praobraz wszelkiej działalności filozoficznej¹². Podejście do człowieka jako jedności ciała i duszy, a powołanego do zjednoczenia z Bogiem w Jego energiach; nacisk na post zarówno cielesny, jak i duchowy; przekonanie o potrzebie synergii działań Boga i człowieka w procesie zbawienia¹³; pojmowanie liturgii jako nierozdzielnej całości bez szczegółowego wyróżniania momentów ważniejszych i mniej istotnych – wszystko to są przejawy doktryny, a zarazem duchowości prawosławnej, która inspirowała poszczególnych filozofów religijnych.

Mikołaj Łoski przywołuje ideę całościowości, propagowaną przez Iwana Kiriejewskiego¹⁴. Idea ta polegała na harmonijnym współdziałaniu wszystkich mocy człowieka w celu osiągnięcia prawdy o Bogu. Łoski zauważa:

Kiriejewski wierzył, że dzięki zjednoczeniu w jedną harmonijną całość wszystkich mocy duchowych (rozumu, uczuć, zmysłu estetycznego, miłości, sumienia i bezinteresownego

¹⁰ H. Paprocki, *Obietnica Ojca. Doświadczenie Ducha Świętego w Kościele prawosławnym*, wyd. Homini, Bydgoszcz 2001, s. 131.

¹¹ M. Łoski, *Historia filozofii rosyjskiej*, tłum. H. Paprocki, wyd. Antyk, Kęty 2000, s. 456.

¹² Współczesny teolog rosyjski Aleksy Osipow wzmiankuje, że Kościół jest Bogoczłowieczy, co stanowi nawiązanie do dogmatu chalcedońskiego – A. Osipow, *Druga rozumu w poszukiwaniu prawdy*, tłum. H. Paprocki, wyd. Warszawska Metropolia Prawosławna, Warszawa 2011, s. 108–109.

¹³ Z powodu silnego akcentowania zaangażowania człowieka w dzieło zbawienia we współdziałaniu z łaską Bożą prawosławie bywało posądzane przez teologów zachodnich o błąd semipelagianizmu. Poza tym spór Augustyna z pelagianami nie wpłynął znacząco na rozwój teologii na Wschodzie – zob. J. Pelikan, *Doktryna chrześcijańska a kultura nowożytna (od 1700)*, tłum. M. Król, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010, s. 43.

¹⁴ M. Łoski, *Historia filozofii...*, s. 18–19.

dążenia do prawdy) człowiek zdobywa zdolność mistycznej intuicji i kontemplacji, które czynią dla niego dostępną metaracjonalną prawdę o Bogu i Jego stosunku do świata. Wiara takiego człowieka nie jest wiarą w zewnętrzny autorytet, w literę napisanego Objawienia, a wiarą w „żywą i całościową kontemplację rozumową”¹⁵.

Iwan Kiriejewski był jednym z tych filozofów rosyjskich, którzy w swoich przekonaniach odwoływali się do doktryny prawosławia. Aleksy Chomiakow głosił ideę soborowości¹⁶. Bezpośrednie odniesienie do dogmatu chalcedońskiego widać w koncepcji Konstantego Aksakowa, który twierdził, że relacje państwo – wspólnota powinny opierać się na wzorze zjednoczonych, ale niezmiśzanych dwóch natur Jezusa Chrystusa¹⁷. Z całą pewnością na nauczanie Włodzimierza Sołowjowa o wszechjedności wpłynęła doktryna prawosławia¹⁸. Dodatkowo Wilhelm Goerd t zauważa, że nauka o Chrystusie jako Bogoczłowieku stanowiła fundament wykładni Sołowjowa na temat historii wszechświata, którą traktował jako proces tworzenia się odpowiednich warunków umożliwiających Wcielenie Syna Bożego¹⁹.

Rosyjscy myśliciele religijni wieku XX kontynuowali, a zarazem rozwijali tradycje swoich poprzedników. Zarówno u Sergiusza Bułgakowa, jak i u Pawła Florenskiego czy Mikołaja Bierdiajewa można odnaleźć naukę o wspólnotowości, wszechjedności czy współistotności²⁰. Z kolei syn Mikołaja Łoskiego – Włodzimierz Łoski – przyrównał wzajemne relacje zachodzące między Osobami Trójcy Świętej do stosunku pomiędzy naturą ludzką a poszczególną osobą. Głosił on bowiem, że wszyscy ludzie są powołani do współuczestniczenia w Bożych energiach. Dzięki zjednoczeniu z energiami natura ludzka osiągnęłaby stan przebóstwienia, ale łaska Ducha Świętego spoczywałaby odrębnie na każdej osobie. W ten sposób rodzaj ludzki zachowałby jedność przebóstwionej natury i wielość osób, czego prawzór stanowi Trójca²¹.

¹⁵ Tamże, s. 19.

¹⁶ Tamże, s. 35.

¹⁷ W. Goerd t, *Historia filozofii...*, s. 280–282. Zarówno Iwan Kiriejewski, jak i Aleksy Chomiakow oraz Konstanty Aksakow byli słowianofilami i konserwatywnymi utopistami. Zagadnienie słowianofilów jako konserwatywnych utopistów jest szczegółowo omówione w książce: A. Walicki, *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002.

¹⁸ Zob. M. Łoski, *Historia filozofii...*, s. 108. Z kolei Mikołaj Gogol mówił o historii jako procesie bogoludzkim – G. Przebinda, *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej (1832–1922)*, wyd. Polska Akademia Umiejętności, Kraków 1998, s. 125.

¹⁹ W. Goerd t, *Historia filozofii...*, s. 390–391.

²⁰ Zob. M. Łoski, *Historia filozofii...*, s. 201, 239, 266–271. Oczywiście pomiędzy poszczególnymi myślicielami rosyjskimi istniało sporo różnic w poglądach; niektórzy byli nawet uważani za heretyków przez część duchownych prawosławnych, jak chociażby Sergiusz Bułgakow. Większość rosyjskich filozofów religijnych nawiązywała do tradycji prawosławia i stamtąd czerpała inspirację do działalności filozoficznej. Ortodoksja stanowiła bazę dla poszukiwań własnej drogi filozoficznej.

²¹ W. Łoski, *Teologia mistyczna Kościoła wschodniego*, tłum. I. Brzeska, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2007, s. 228–229. Szczegółowe studium poglądów niektórych filozofów rosyjskich wieku XIX oraz XX w kontekście sporu o transcendencję – zob. G. Przebinda, *Od Czaadajewa do...*, Kraków 1998.

Za swego rodzaju ukoronowanie rosyjskiej filozofii religijnej można uznać koncepcję rozumności. Zgodnie z nią Bóg jest samym rozumem, dlatego rozum oraz rozumność są właściwe każdemu człowiekowi, posiadającemu na nowo obraz i podobieństwo Boże, czyli takiemu, który dostąpił przeobstwienia²². Rozumność prowadzi do metapoznania.

Z ideą rozumności jest związane podejście do przeobstwienia jako celu każdego człowieka. Mikołaj Łoski nadmienia:

Kult człowieczeństwa Chrystusa jest obcy tradycji wschodniej, a raczej Jego przeobstwione człowieczeństwo jest kontemplowane w tym samym blasku, w jakim widzieli je apostołowie na Górze Tabor²³.

Właśnie rozumność, powrót do jedności z Bogiem oraz całym światem, a także blask przeobstwienia pojawiają się w przesłaniu Serafina z Sarowa. Wilhelm Goerd, pisząc o filozofii religijnej, zauważa:

Pod określeniem »filozofia religijna« rozumiana jest najpierw nauka filozoficzna, która z pozycji prawosławia zajmuje się również najnowszymi osiągnięciami filozofii i wykładana jest w sposób mniej lub bardziej szkolny – „scholastyczny” – przez profesorów filozofii [...]. Wszelako rozumie się przez nią także teologiczno-filozoficzną działalność hierarchów i kapłanów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej prowadzoną poza obrębem Akademii Duchownych, mającą charakter duszpasterski i wypływającą z chrześcijańskiej duchowości w zamiarze szerszego oddziaływania²⁴.

Reprezentantem tego drugiego nurtu filozofii religijnej – nurtu duszpasterskiego, bliskiego codzienności, a dalekiego od świata akademickiego – był właśnie starzec z Sarowa. Pomimo iż Serafin nie ukończył żadnej wyższej uczelni, to dzięki swojemu nauczaniu wpisuje się w nurt rosyjskiej filozofii religijnej. Wilhelm Goerd podkreśla, że w procesie kształtowania się nowożytnej myśli rosyjskiej kluczowa była świadomość obiektu poddawanego refleksji oraz samoświadomość siebie jako podmiotu biorącego udział w poznawaniu, badaniu, rozmyślaniu. Badacz niemiecki twierdzi:

Naszą tezą było, że założenie rosyjskiej filozofii dokonuje się w złożonym procesie „zbiegania się” świadomości przedmiotu, samoświadomości i świadomości narodowej, stanowiącego założycielski syndrom²⁵.

Serafin z Sarowa bez wątpienia miał świadomość Boga jako Bytu ponad wszelkim bytem i jako przyczyny całego stworzenia, a także pozostawał świadomy siebie jako podmiotu poznającego niepoznawalne. To wkomponowywało się w prawosławne podejście do rozumienia istoty Boga – teologii apofatycznej, której wyrazem praktycznym jest hezychazm. Starzec sarowski był obok Paisjusza Wielickowskiego jednym z tych duchownych, którzy wskrzesili tradycję hezychazmu. Odegrał on

²² W. Goerd, *Historia filozofii...*, s. 297.

²³ M. Łoski, *Historia filozofii...*, s. 451.

²⁴ W. Goerd, *Historia filozofii...*, Kraków 2012, s. 302.

²⁵ Tamże, s. 160.

ogromną rolę w przywróceniu hezychazmu jako syntezy praktyk ascetycznych z doktryną Kościoła prawosławnego na ziemiach rosyjskich. Henryk Paprocki uważa Serafina za odnowiciela tradycji greckiego hezychazmu w Rosji²⁶.

Serafin zaprezentował swoje poglądy filozoficzne podczas rozmowy z Mikołajem Motowiłowem, który sporządził notatki. Dowodzą one głębokich przemyśleń starca. Jednakże w przypadku Serafina należy spojrzeć najpierw na jego życie, które można odczytać w świetle filozofii religijnej.

Informacje o życiu Serafina jako świętego prawosławnego pochodzą przede wszystkim z bogatego materiału hagiograficznego, który nie może być traktowany jako obiektywne źródło wiedzy o działalności starca. Hagiografia nie unika bowiem pewnego przerysowania w opisywaniu postaci świętego, tym niemniej zawiera ona prawdę o Serafinie jako ascecie, nauczycielu duchowym, mnichu. Żywoty zostały spisane na podstawie wspomnień, opinii oraz wrażeń ludzi, którzy mieli styczność ze starcem, dlatego można je uznać za swego rodzaju świadectwo duchowości Serafina, co w przypadku filozofii religijnej jest istotne.

Jak wspomniano wyżej, starzec sarowski zasłynął jako hezychasta. Wstąpił do klasztoru z gorącym pragnieniem dostąpienia zbawienia. Praktykował ascezę, odmawiał Modlitwę Jezusową, pościł, spędzał wiele godzin na modlitwie w odosobnieniu, a w późniejszym okresie życia także nauczał, obejmując swoim kierownictwem duchowym wiele osób, reprezentujących różne warstwy społeczne²⁷.

Rosyjscy myśliciele religijni niejednokrotnie odwoływali się do koncepcji wszechjedności, wspólnotowości. Żywot Serafina ukazuje nam człowieka, który dąży do reintegracji duszy i ciała, rozłączonych na skutek grzechu. Starzec sarowski prowadził ascezę i czuwał po to, aby uzdrowić ciało z namiętności i zjednoczyć je z duszą²⁸. Podobnie miłość do natury, przejawiająca się w przyjacielskim obcowaniu z przyrodą, jakie było udziałem prarodzców w ogrodzie Eden przed upadkiem, nie tylko odzwierciedla nauczanie Cerkwi prawosławnej o przeobstwieńiu całego stworzenia, ale stanowi także przykład praktycznego ujęcia kwestii współistotności człowieka oraz otaczającego świata. Człowiek został bowiem powołany do przywrócenia przyrodzie jedności ze Stwórcą, a Serafin jawi się jako mnich, który stara się realizować to zadanie. Zarazem życie Serafina, który z pewnością dążył do zjednoczenia z Bogiem, można traktować nie tylko jako wzór do naśladowania dla każdego mnicha-ascety, ale i jako przejaw rosyjskiej filozofii religijnej, mającej fundament w duchowości chrześcijaństwa wschodniego.

Zdecydowanie najważniejszym źródłem wiedzy o poglądach starca z Sarowa są wspomniane już zapiski, wykonane przez Mikołaja Motowiłowa podczas jego rozmowy z Serafinem. Motowiłow przybył do celi starca, gdyż nurtowało go pytanie o cel życia chrześcijanina. W toku rozmowy pomiędzy nim a starcem wywiązała się głęboka dyskusja.

²⁶ H. Paprocki, *Obietnica Ojca...*, s. 85.

²⁷ Opisy z życia Serafina z Sarowa przytoczono za: E. Smykowska, *Prawosławni...*, s. 245–246; И. Кологринов, *Очерки по Истории...*, c. 385–407.

²⁸ Wyczerpujące omówienie zagadnienia walki z namiętnościami i zdobywania cnót w świetle praktyki ascetycznej Kościoła prawosławnego – patrz J.-C. Larchet, *Terapia chorób duchowych. Wstęp do tradycji ascetycznej Kościoła prawosławnego*, tłum. N. Aleksiejuk, wyd. Bratczyk, Hajnówka 2013.

Udzielając odpowiedzi na pytanie Motowiłowa, Serafin stwierdził, że każdy wyznawca Chrystusa jest zobowiązany zdobywać Ducha Świętego, czyli gromadzić łaskę. Powinno to stanowić cel dla każdego chrześcijanina. Starzec wyjaśnił:

Zdobywanie jest tym samym, co osiągnięcie [...]. Pan przecież rozumie, co to znaczy zdobywać pieniądze. Tak samo jest ze zdobywaniem Ducha Bożego. Pan wie, co to znaczy w potocznym sensie »zdobywać«, prawda? Celem życia zwykłych świeckich ludzi jest zdobywanie, czyli gromadzenie pieniędzy [...]. Zdobywanie Ducha Świętego jest także kapitałem, ale kapitałem łaski i wieczności, i kapitał ten, podobnie jak i kapitał pieniężny, przemijający i niszczytelny, zdobywany jest tymi samymi środkami, bardzo podobnymi do siebie. Słowo Boże, Pan nasz, Bóg Człowiek Jezus Chrystus, porównuje nasze życie do targowiska i nazywa dzieło naszego życia ziemskiego dokonywaniem zakupów [...]. Ziemskie towary to dobre uczynki spełniane w imię Chrystusa, dające nam łaskę Najświętszego Ducha²⁹.

A zatem Serafin z Sarowa przyrównał zdobywanie łaski Ducha Świętego do gromadzenia dóbr materialnych. Następnie starzec objaśnił sens przypowieści ewangelicznej o pannach roztropnych i nierozsądnych (Mt 25, 1–13). Stwierdził on, powołując się na opinię Antoniego Wielkiego, że panny roztropne symbolizują wiernych, którzy w porę zebrali łaskę Ducha Bożego. Panny nierozsądne reprezentują z kolei tych, którzy nie zgromadzili darów³⁰.

Serafin wyjaśnił swojemu rozmówcy, że wszystko, co człowiek czyni, powinno być nakierowane na osiągnięcie łaski Bożej:

Prawdziwy natomiast cel życia chrześcijańskiego polega na zdobywaniu Świętego Ducha Bożego. Post zaś, czuwanie, modlitwa, miłosierdzie i wszelki dobry uczynek spełniony w imię Chrystusa, są jedynie środkami do zdobycia Świętego Ducha Bożego³¹.

Starzec zwrócił uwagę, że tylko czyn dokonany w imię Chrystusa przynosi pożytek, zatem każde dobro uczynione bez intencji zgromadzenia darów Ducha Świętego nie daje żadnej korzyści. Pogląd Serafina wyraźnie wpisuje się w koncepcję synergii Boga i człowieka w dziele zbawienia, która jest charakterystyczna dla duchowości wschodniej oraz wyrosłej na tym gruncie rosyjskiej myśli religijnej. Serafin w innym miejscu rozmowy podkreśla: „Stwórca daje nam środki do zrealizowania dobrych uczynków. Natomiast człowiekowi pozostaje ich realizacja, bądź też nie”³².

Porównanie osiągania łaski do magazynowania dóbr doczesnych, a także zdecydowane podkreślenie potrzeby pracy z uzyskaną łaską, dowodzi, że starzec sarowski rzeczywiście odrodził praktykę hezychazmu i ascezy. Widział on bowiem konieczność reintegracji człowieka z Bogiem, przy czym osoba ludzka musiała się w pełni otworzyć na dary Boże, przyjmując je i z nimi współpracując, aby osiągnąć cel.

Serafin dostrzegał zarazem niebezpieczeństwo dezintegracji człowieka, polegającej na oddzieleniu się rozumu od serca. Koresponduje to z ideą rozumności, pojawiającą się w poglądach filozofów rosyjskich. Omawiając losy wybrańców Bożych opisywanych w Starym Testamencie, starzec skonstruował: „Ludzie widzieli Boga

²⁹ Św. Serafin z Sarowa, *Ogień Ducha...*, s. 55–56.

³⁰ Tamże, s. 56–59.

³¹ Tamże, s. 52.

³² Tamże, s. 54.

i łaskę Jego Ducha Świętego nie w snach, marzeniach i rozstrojonej wyobraźni, ale prawdziwie, na jawie³³. Po czym stwierdził, że obecnie człowiek utracił dar oglądania Boga, a dar ten był udziałem świętych mężów i kobiet w Starym oraz Nowym Testamencie. Serafin przyczyny upatrywał w samym człowieku: „A wszystko dlatego, że nie szukamy łaski Bożej i nie pozwalamy jej, z hardości naszego rozumu, zamieszkać w naszej duszy”³⁴.

Dowodem na pełną integrację człowieka, jego ciała, duszy oraz ducha, jest zatem zdolność oglądania Boga. Aby jednak osiągnąć ten stan, należy wyciszyć rozum oraz poskromić namiętności, gdyż, jak głosi Serafin, powołując się na słowa Listu do Filipian: „Pokój przewyższa wszelkie rozumienie”³⁵. Rozum ludzki nie jest autonomiczny. Musi zostać napełniony łaską Bożą, żeby odzyskał swoje pierwotne piękno jako daru Boga. Starzec przestrzega przed racjonalizmem, a jednocześnie wyraża poglądy bliskie koncepcji rozumności jako pełnej harmonii, którą człowiek jest w stanie osiągnąć tylko dzięki udziałowi w energiach Bożych.

Gromadzenie darów Ducha Świętego otwiera drogę do przeobóstwienia – podstawowej idei soteriologii prawosławnej. Z tego powodu Serafin uznał zdobywanie łaski za cel życia chrześcijańskiego. Przesłanie starca z Sarowa jest więc w swoim charakterze pneumatologiczne. W czasie rozmowy z Motowiłowem Serafin wspominał o Duchu Bożym, który niejednokrotnie objawiał się na kartach historii biblijnej, m.in. Mojżeszowi bądź apostołom na Górze Tabor w momencie przemienienia Chrystusa. Duch Święty, twierdził Serafin, zawsze ukazywał się w świetle³⁶. To światło jest właśnie niestworzoną łaską – energiami Bożymi, zaś uczestnictwo w nich jest tożsame z przeobóstwieniem, czyli zbawieniem. Starzec odwołał się do kwestii fundamentalnej w doktrynie prawosławnej: Bóg jest transcendentny, ontologicznie różny od stworzenia, a zarazem dostępny w swoich energiach. Stwórca nie jest ograniczony w energiach, ale obecny w każdym promieniu światła, które apostołowie widzieli w czasie przemienienia na Górze Tabor. Bóg jest jednocześnie transcendentny i immanentny³⁷. Serafin zaznaczył, że Bóg, choć znajduje się ponad wszelkim bytem, to zarazem mieszka w swoim stworzeniu dzięki łasce Ducha Świętego. Starzec stwierdził: „Tak przecież powinno być w istocie, łaska Boża ma mieszkać wewnątrz nas, gdyż Pan Jezus powiedział: »Królestwo Boże w was jest« (Łk 17, 21). Pod królestwem zaś Bożym Jezus Chrystus zrozumiał łaskę Ducha Świętego”³⁸.

Serafin poprosił rozmówcę o sporządzenie zapisków ze spotkania, aby jego pouczenia zostały zachowane dla potomności³⁹. Faktycznie, notatki Motowiłowa udo-

³³ Tamże, s. 68.

³⁴ Tamże, s. 69.

³⁵ Tamże, s. 87.

³⁶ Tamże, s. 82–83.

³⁷ John Meyendorff zwraca uwagę, że dla teologii prawosławnej charakterystyczne są antynomie. Nauczanie o Bogu transcendentnym i immanentnym zarazem, dalekim a bliskim, wpisuje się w charakter teologii wschodniochrześcijańskiej – J. Meyendorff, *Teologia...*, s. 212–215.

³⁸ Św. Serafin z Sarowa, *Ogień Ducha...*, s. 90. Nauka Serafina o Królestwie Bożym mieszkającym w człowieku jest bliska poglądom Grzegorza Skoworody – myśliciela ukraińskiego, który reprezentował filozofię opartą o duchowość prawosławną. Zob. W. Goerd, *Historia filozofii...*, s. 182–193.

³⁹ Św. Serafin z Sarowa, *Ogień Ducha...*, s. 91–92.

kumentowały podejście starca z Sarowa do zagadnień zasadniczych w doktrynie Kościoła prawosławnego. Ale są one również świadectwem filozofii religijnej, która wpisuje się w dzieje myśli rosyjskiej. Henryk Paprocki traktuje Serafina jako kontynuatora tradycji Ojców Kościoła⁴⁰, doceniając jednocześnie dorobek starca z Sarowa w dziedzinie pneumatologii⁴¹. Serafina można zatem uznać za przedstawiciela neopatrystyki. Mikołaj Łoski określa Jerzego Florowskiego oraz Włodzimierza Łoskiego jako reprezentantów nurtu powrotu do korzeni doktryny prawosławnej⁴². Z pewnością starzec z Sarowa również może zostać zaliczony w poczet odnowicieli patrystyki, rozumianej nie tylko jako teoretyczna wykładnia spuścizny Ojców Kościoła, ale przede wszystkim jako praktyczne ujęcie doktryny Kościoła, której zwieńczenie stanowi hezychazm.

Postać Serafina z Sarowa, jego życie oraz dorobek to przykład jednej z dróg rozwoju rosyjskiej filozofii religijnej, tak bogatej w różne koncepcje, które łączy jednak wspólna baza – tradycja prawosławia, stanowiąca materiał dla wielorakich interpretacji. Serafin reprezentował klasyczne podejście do kwestii doktrynalnych, ponieważ czerpał z dziedzictwa Ojców Kościoła i wspierał je własnym doświadczeniem duchowym. Inny szlak obrali myśliciele, którzy zdecydowali się na głębszą interpretację i odważniejsze przemyślenia, jak chociażby wspomniany Sergiusz Bułgakow. Niemniej jednak wszyscy reprezentanci rosyjskiej myśli religijnej, w tym Serafin z Sarowa, pozostawili ciekawą spuściznę, którą warto i należy badać, gdyż stanowi ona dorobek duchowy całej ludzkości.

Literatura

- Goerdts W., *Historia filozofii rosyjskiej*, tłum. J. Antkowiak, wyd. WAM, Kraków 2012.
- Krzemień W., *Filozofia w cieniu prawosławia. Rosyjscy myśliciele religijni przelomu XIX i XX wieku*, Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa 1979.
- Larchet J.-C., *Terapia chorób duchowych. Wstęp do tradycji ascetycznej Kościoła prawosławnego*, tłum. N. Aleksiejuk, wyd. Braczyk, Hajnówka 2013.
- Łoski M., *Historia filozofii rosyjskiej*, tłum. H. Paprocki, wyd. Antyk, Kęty 2000.
- Łoski W., *Teologia mistyczna Kościoła wschodniego*, tłum. I. Brzeska, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2007.
- Meyendorff J., *Teologia bizantyjska. Historia i doktryna*, tłum. J. Prokopiuk, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2007.
- Osipow A., *Droga rozumu w poszukiwaniu prawdy*, tłum. H. Paprocki, wyd. Warszawska Metropolia Prawosławna, Warszawa 2011.
- Paprocki H., *Obietnica Ojca. Doświadczenie Ducha Świętego w Kościele prawosławnym*, wyd. Homini, Bydgoszcz 2001.
- Pelikan J., *Doktryna chrześcijańska a kultura nowożytna (od 1700)*, tłum. M. Król, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010.
- Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu w przekładzie z języków oryginalnych* (= Biblia Tysiąclecia, wyd. III), Poznań–Warszawa 1980.
- Przebinda G., *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej (1832–1922)*, wyd. Polska Akademia Umiejętności, Kraków 1998.

⁴⁰ H. Paprocki, *Obietnica Ojca. Doświadczenie...*, Bydgoszcz 2001, s. 51.

⁴¹ Tamże, s. 18.

⁴² M. Łoski, *Historia filozofii...*, s. 439–451.

Smykowska E., *Prawosławni święci. Mały słownik*, wyd. Verbinum, Warszawa 2008.

Św. Serafin z Sarowa, *Ogień Ducha Świętego*, tłum. H. Paprocki, wyd. Esprit, Kraków 2008.

Walicki A., *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002.

Кологривов И., *Очерки по Истории Русской Святости*, Изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель 1961.

Жизнь и поучения Серафима Саровского в контексте русской религиозной философии

Резюме

В данной статье анализируется личность Серафима Саровского в качестве представителя русской религиозной философии. В первую очередь автор характеризует русскую религиозную философию. Затем он знакомит читателя с идеями некоторых русских мыслителей. В дальнейшем описывается жизнь Серафима Саровского с точки зрения осуществления в ней философских основ. Затем автор толкует поучения Серафима Саровского, которые он дал Николаю Мотовилкову во время беседы. Эти поучения, сохранившиеся в форме записок, излагаются как пример православной философии. Автор считает Серафима Саровского одним из тех, кто обновил традицию патристики в русском православии XIX века.

Ключевые слова: св. Серафим Саровский, история идеи, духовность, история русской мысли, богословие, исихазм, обожение, православие

Life and Preaching of Seraphim of Sarov in the Context of Russian Religious Philosophy

Abstract

The aim of the article is to present Seraphim of Sarov as a representative of Russian religious philosophy. First of all, the author characterizes the Russian religious philosophy. Afterwards, he recalls the heritage of individual Russian thinkers. In the following part, the author presents the life of Seraphim of Sarov which can constitute an example of implementation of the philosophical assumptions into practice. Thereafter, Seraphim Sarov's admonitions that he gave to Nicholas Motovilov during a conversation are discussed. These admonitions, preserved in the form of notes, are examples of a philosophical reflection in a spirit of Eastern Christianity and fit in the history of the Russian religious philosophy. The author finds Seraphim of Sarov one of the healers of the patristic tradition in the 19th century Russian Orthodox Church.

Key words: saint Seraphim of Sarov, history of idea, spirituality, history of Russian thought, theology, hesychasm, made divine, Eastern Orthodox Church

Mikołaj Mazuś

dr nauk humanistycznych

Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Mikołaj Mazuś, PhD

Pedagogical University of Cracow

Institute of Modern Languages (Russian Philology)

e-mail_bazyleus9@tlen.pl

+48126626748

Мария Александрова, Леонид Большухин

Двойничество в контексте «пушкинского мифа» Гоголя

Гоголь был лгун.
Ю.М. Лотман

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным...
Из анекдотов, приписываемых Даниилу Хармсу

В истории осмысления сложнейшей проблемы «Пушкин и Гоголь» отчетливо обозначился новый этап. Мифологизирующий характер гоголевских высказываний о роли Пушкина в его судьбе отмечен давно, но (как сформулировано С.Г. Бочаровым) «важнее фактической точности» была для исследователей другая сторона мемуарных и квазимемуарных свидетельств: «потребность в пушкинском фоне, на котором творчество Гоголя сознавало себя»; «установление связи, большого соотношения, определяющего путь русской литературы» как «исторический смысл этой „творимой легенды“»¹. В последнее время назрела необходимость исследовать сам механизм гоголевского мифотворчества, уточнить представления о его содержании и целях.

Общепризнано, что активная стадия гоголевского самоопределения по отношению к Пушкину приходится на вторую половину 1830-х – первую половину 1840-х годов². «Пушкинская мысль» Гоголя в *Мертвых душах* и *Выбранных местах из переписки с друзьями* кажется выраженной вполне определенно: оппозиция двух типов писателя в VII главе поэмы – иносказание прозрачное, а в поздней публицистике художник, «мешая исповедь с проповедью»³, сознательно стремится к «прямоговорению». Ситуация представляется нам более сложной. Попытка соединить слово исповедальное и слово проповедническое предпринята Гоголем еще в главе о Плюшкине; именно здесь, как будет показано далее, подспудно накапливаются его претензии к Пушкину. Полемический подтекст VI главы усиливает двусмысленность

¹ С.Г. Бочаров, *О стиле Гоголя*, [в:] *Типология стилевого развития нового времени*, Москва 1976, с. 414–415.

² И.П. Золотусский, *Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями»*, [в:] *Последняя книга Гоголя: Сб. статей и материалов*, Изд-во «Русский путь», Москва 2010, с. 319–320.

³ См. там же, с. 318.

похвал, расточаемых «великому всемирному писателю» в главе VII: поклонение Пушкину как литературному «богу» («Всё, рукоплеща, несется [...] за торжественной его колесницей. [...] Нет равного ему в силе – он бог!»⁴) отзывается „сотворением кумира”, и этот языческий кумир – неизбежное препятствие на жертвенном пути художника-пророка, облеченного свыше «чудной властью».

Невозможность открыто выговорить такие смыслы подтверждена известными самооправданиями Гоголя в *Четырех письмах к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*: «Все места, где ни заикнулся я неопределенно о писателе, были отнесены на мой счет; я краснел даже от изъяснений их в мою пользу» (VIII, 288). Гоголь был обречен изъясняться «лукаво» всякий раз, когда речь заходила о самых важных и, следовательно, самых болезненных коллизиях его творческой судьбы, которую он сам дерзновенно освятил именем Пушкина. Двойничество – традиционный литературный прием, позволяющий эстетически разрешать подобного рода проблемы, и Гоголь использует этот спасительный ход не только в поэме, но и в публицистике.

Характеризуя интонационно-стилевой диапазон повествующего голоса в I томе *Мертвых душ*, Е.А. Смирнова полагает, что «говорить здесь следует не просто о разных интонациях, а о разных голосах *конкретных русских авторов*» – заочных собеседников Гоголя⁵. Взгляд на гоголевскую поэму как «сниженный и окарикатуренный вариант *Евгения Онегина*» позволяет представить «за этой карикатурой черты пушкинских персонажей» – тот самый идеал, который должно угадывать (согласно авторскому наставлению в *Выбранных местах...*) под личиной любого «урода»: «Ведь Гоголь видел в героях *Онегина* перевоплощение личности самого поэта, а эту личность он считал тем идеалом, которого русский человек в процессе своего развития сможет достичь лишь через двести лет»⁶. Это осторожное, научно корректное допущение наглядно контрастирует с подходом, который стал популярным в последнее десятилетие: *Мертвые души* читаются сегодня как «текст с ключом». Когда образы гоголевской поэмы стали попросту расшифровать, отыскивая прототипы Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича и Плюшкина среди современных Гоголю писателей, результатом явилась картина крайне упрощенная, зачастую не отвечающая никаким критериям научной интерпретации. «Криптографы»⁷ всецело доверились поздним автокомментариям Гоголя

⁴ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Изд-во АН СССР, Москва, 1937–1952, т. VI, с. 133. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием тома римской цифрой, страницы – арабской. Курсив в цитатах везде принадлежит авторам статьи.

⁵ Е.А. Смирнова, *Поэма Гоголя «Мертвые души»*, Изд-во «Наука», Ленинград 1987, с. 78.

⁶ Там же, с. 123.

⁷ Ф.Н. Двинятин, *О литературном подтексте в характерологии первого тома «Мертвых душ» Гоголя*, [в:] *Канадский колледж: Сборник статей*, Изд-во Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2000, с. 153–161; И.А. Виноградов, *Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Проблемы интерпретации и текстологии*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук, Москва 2003; А.А. Кораблев, *Криптография «Мертвых душ»*, «Радуга» (Киев) 2009, № 8, с. 103–131, № 9, с. 131–147, № 10, с. 115–140.

в *Четырех письмах к разным лицам по поводу "Мертвых душ"*: «Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей... Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей...» (VIII, 294). Была проигнорирована как установка Гоголя на творческую мифологизацию реальности (например: «*Пушкин*, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка» (VIII, 294)), так и характерные для *Выбранных мест...* литературные и околотекстовые мистификации⁸. Главное же заключается в том, что поэтика Гоголя сопротивляется любому прямолинейному прочтению. Версия о Плюшкине как своеобразной пародии на Пушкина предстала столь неубедительной, что фактически дискредитировала реально существующую проблему.

В системе соответствий между *Евгением Онегиным* и *Мертвыми душами*, описанной Е.А. Смирновой, не нашла места переключки двух лирических отступлений на тему прощания с молодостью: у Гоголя это зачин VI главы, у Пушкина финал VI главы (совпадение нумерации можно рассматривать как случайность, имеющую вторичный символический характер). Чрезвычайно важно, что уже в начале главы о Плюшкине – в «сильной позиции» – актуализирован диалог Гоголя с Пушкиным. Узнаванию претекста способствует характерная разработка элегической топики, переключающая мысль о человеческой бренности в сферу проблем личности творческой, противостоящей энтропии в силу своего призвания. Сравним: «*Прежде*, давно, в лета моей юности... мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту... *Теперь равнодушно* подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на её пошлую наружность; моему *охлаждённому* взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы *живое движение в лице, смех и немолчные речи*, то скользит теперь мимо, и *безучастное молчание хранят мои недвижные уста*. О моя юность! о моя свежесть!» (VI, 110–111); «Так, полдень мой настал, и нужно // Мне в том сознаться, вижу я. // Но так и быть: простимся дружно, // О юность лёгкая моя! // Благодарю за наслажденья, // За грусть, за милые мученья, // За шум, за бури, за пиры, // За все, за все твои дары; // Благодарю тебя. Тобою, // Среди тревог и в тишине, // Я наслаждался... и вполне; // Довольно! С ясною душою // Пускаюсь ныне в *новый путь* // От жизни прошлой отдохнуть. [...] *А ты, младое вдохновенье, // Волнуй моё воображенье, // Дремоту сердца оживляй, // В мой угол чаще прилетай, // Не дай остыть душе поэта, // Ожесточиться, очерстветь, // И наконец окаменеть // В мертвящем упоенье света, // В сем омуте, где с вами я // Купаюсь, милые друзья!*»⁹

На фоне сходной структурно-тематической организации двух монологов особенно очевидно, что перед нами глубоко различные, мощно

⁸ История одной из связанных с Пушкиным мистификаций в контексте литературной стратегии автора *Выбранных мест из переписки с друзьями* подробно освещена в статье: А.А. Кибальник, *Почему Гоголь «открыл тайну» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один?»*, [в:] *Восьмые Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и его литературное окружение*, Изд-во АНО «Фестпартнер», Москва 2009, с. 120–135.

⁹ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Изд-во АН СССР, Москва 1956–1958, т. V, с. 138–139.

противостоящие друг другу художественно-философские идеи. Пушкинская концепция предполагает естественное пластическое изменение человека с возрастом, готовность и к зрелости и старости; вечно «младым» остается только вдохновение. Но в *Отрывках из „Путешествия Онегина“* меняется также предмет и характер вдохновения: «Смирились вы, моей весны // Высокопарные мечтанья, // И в поэтический бокал // Воды я много подмешал. // Иные нужны мне картины... // Мой идеал теперь – хозяйка, // Мои желанья – покой...»¹⁰. Напротив, для Гоголя идеал сопряжен исключительно с молодостью; юность – не столько возраст, сколько незабываемый центр личности, который необходимо сохранить вопреки всему. Акцент сделан на творческой отзывчивости – даре, изменяющем художнику вместе с утратой юности: источник впечатлений (в отличие от пушкинского) неизменен, но с некоторых пор он предстает «взору охлажденному», увиденное в жизненных странствиях оставляет уста «недвижными».

Непосредственным продолжением этой мысли служит образ старческого одеревенения в кульминационном лирическом монологе VI главы:

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! Мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: «Здесь погребен человек!», но ничего не прочитаешь в холодных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости (VI, 127).

В пафосе неприятия старости – вызов всей пушкинской концепции человеческой жизни. Старость предстает у Гоголя олицетворенной в Плюшкине, а это единственный персонаж первого тома, с которым у автора, по замечанию В.Н. Топорова, есть «личное соучастие»¹¹; показательно, что черта лирического автопортрета – прежнее «живое движение в лице» и его нынешняя утрата – так явно откликается в мотиве застывающего неподвижно, бесчувственного лица Плюшкина. Хотя в *Выбранных местах...* Гоголь настаивал, что все его персонажи созданы «из души» («Герои мои еще не отделились вполне от меня самого» (VIII, 295)), Плюшкин в ряду таких авторских «реинкарнаций» занимает особое место. По справедливому замечанию В.Н. Топорова, Плюшкина нельзя считать воплощением скупости, в отличие от других персонажей, чьи имена стали нарицательными для обозначения соответствующих «пороков». Несомненно также, что Плюшкин служит отнюдь не только поводом для развертывания темы старости и назидательных обращений к читателю.

Пушкинские подтексты этого образа менее всего поддаются аллегорическому прочтению: Гоголь не оставляет возможности наблюдать

¹⁰ См. там же, с. 203.

¹¹ В.Н. Топоров, *Апология Плюшкина*, [в:] Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*, Издательская группа «Прогресс» – «Культура», Москва 1995, с. 43.

«грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план» (VI, 113). Описание сада в VI главе – важнейший авторский метатекст¹², позволяющий судить об общих принципах смыслообразования в поэме. Проекция отдельных слагаемых этой картины на характеристику Плюшкина не раз отмечались; так, пространственные «зияния» в глубине зеленых чащ и умозрительные «нищенские прорехи» перекликаются, в силу композиционной близости, с элементом другого уровня – комической «прорехою» ниже запачканной мукой спины, а суммирование материального ущерба (всё в хозяйстве «становилось гниль и прореха») перерастает в метафорическое обобщение: «...и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве» (VI, 119). Конкретная деталь «заражается» соседствующими смыслами, частное получает свойства универсального; формируются связи, не поддающиеся логической расшифровке, но делающие наглядным единство эстетического, предметно-материального, этико-философского планов. Этому закону гоголевской поэтики подчиняется и отбрасываемая Плюшкиным «пушкинская тень».

Созвучие фамилий не могло быть случайным в мире Гоголя, где «низкие» персонажи регулярно выступают двойниками великих творцов: достаточно вспомнить сапожников *Шиллера* и *Гофмана* в *Невском проспекте*, а также петербургского приятеля Хлестакова, литератора *Тряпичкина*, который, согласно убедительной трактовке А.Д. Синявского, аллюзирует пушкинский комический псевдоним *Феофилакт Косичкин*¹³; ситуация «с Пушкиным на дружеской ноге» тем самым дублируется. После Ревизора Пушкин не появляется в художественном мире Гоголя открыто, но место для его профанного бытия словно бы подготовлено. В ряду литературно-пародийных имен гоголевских персонажей получает оправдание и один из аргументов «криптографического» прочтения: Ф.Н. Двинягин отметил, что в VI главе Гоголь с особой настойчивостью повторяет имя дочери Плюшкина – *Александра Степановна*, составляя таким образом пушкинский тройной инициал *А.С.П.* Внешний «маркер» связи между Пушкиным и Плюшкиным еще не характеризует существо парадоксального отражения высокого в низком. О природе этой связи в большей степени свидетельствует сама структура образа Плюшкина – или того, «кто обозначен как Плюшкин»¹⁴.

В.Н. Топоров предложил заново всмотреться в эволюцию персонажа: «Строго говоря, в нем не было черт, которые давали бы основание думать, что с возрастом они превратятся в недостатки... при н о р м а л ь н о м (уже не говоря о благополучном) ходе жизни, более того, даже при неудачном, но не столь тотальном, направлении ее Плюшкин сохранил бы положительность своего характера и достойно, не теряя человеческих черт, продолжал бы свою жизнь. Но суть дела как раз и состояла в том, что неудач было много, они шли

¹² См. об этом: Е.Е. Дмитриева, *Сад Плюшкина, Сад Гоголя*, [в:] *Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. статей*, Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», Москва 2001, с. 148–160.

¹³ Абрам Терц (А.Д. Синявский), *Путешествие на Черную речку и другие произведения*, Изд-во «Захаров», Москва 1999, с. 425.

¹⁴ Топоров В.Н., *Апология Плюшкина*, [в:] *Топоров В.Н. Миф. Ритуал...*, с. 43.

по нарастающей, носили тяжелый характер...»¹⁵. Установка на «апологию Плюшкина» не позволяет автору статьи признать, что Гоголь рисует всё же о б ы к н о в е н н о е жизненное попроще с у с т р а ш а ю щ и м финалом. Если неподвижность (свойство других персонажей I тома, исключая Чичикова) трактуется Гоголем однозначно, выступая синонимом мертвенности, то динамическое начало предстает амбивалентным и загадочным. Поэтому «всё может стать с человеком» на самых обычных путях.

Тем не менее «спор» В.Н. Топорова с авторской концепцией Плюшкина оказался продуктивен во многих отношениях. Настаивая, что «за беспорядком, запущенностью и несколько нарочито подчеркиваемой ничтожностью “среды обитания” Плюшкина угадывается образ некогда достойной, органической, разумной жизни, предполагающей и ум, и чувства, и вкус» у хозяина «странного замка», его «житейские волнения, тревоги, радости»¹⁶, В.Н. Топоров невольно – и потому вполне объективно – засвидетельствовал пушкинскую «норму» человеческого существования как полемический ориентир Гоголя. Отсутствие резкой эстетической границы между описанием ветхого дома Плюшкина и картиной сада позволяет апеллировать к традиционной поэтической теме «запустения», представленной в *Евгении Онегине* мечтами героини «всё отдать [...] за полку книг, за дикий сад, // За наше бедное жилище»¹⁷. Поэтому «“низкие” смыслы, реализуемые в описании “вещного” мира, оказываются при новом прочтении не такими уж “низкими”, а за тем хаосом, который бросается в глаза... начинается протупать своего рода “порядок”, заданный, в частности, содержанием старинного бюро: мелко исписанные бумажки, пресс, книга, письмо, сургуч, два пера «сильнее» организуют тему “порядка”, нежели отломанная ручка кресел, рюмка, кусочек тряпки или зубочистка разрушают ее»; «в этом “порядке” можно уже заметить и некие знаки, намекающие на какую-то интимную и серьезную тему (письмо)»¹⁸. Этот «реконструированный» образ напоминает о пушкинском идеале усадебной жизни: «Деревня – мой кабинет». Примечательно, что письменные принадлежности здесь фигурируют вне зависимости от предстоящего персонажу оформления бумаг по купле-продаже мертвых душ¹⁹.

Все это позволяет соотносить Плюшкина с пушкинским «средним» – отнюдь не пошлым – человеком. Подмеченная В.Н. Топоровым «умышленность» авторского отношения к персонажу есть симптом другой «задней мысли»: рисуя бесчеловечную старость Плюшкина, Гоголь опровергает пушкинскую идею доверия к естественному ходу времени. Несомненно, гоголевское отношение распространяется и на пушкинскую концепцию художника, разделяющего с обыкновенными людьми их повседневную жизнь. Полемика Гоголя

¹⁵ Там же, с. 69.

¹⁶ См. там же, с. 59.

¹⁷ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, т. V, с. 189.

¹⁸ В.Н. Топоров, *Апология Плюшкина*, [в:] *Топоров В.Н. Миф. Ритуал...*, с. 60.

¹⁹ В трёх других эпизодах состоявшихся сделок все внимание сосредоточено на результате – переходящем в руки Чичикова списке крестьян, причем вместо Манилова пишет жена, выводя на бумаге и «каемочку», Коробочка диктует, Собакевич поворачивается к Чичикову спиной, чтобы незаметно вписать в реестр «бабу».

с Пушкиным мотивирована поиском собственной жизненной позиции: по мере создания поэмы все более очевидной становилась невозможность примирить «обыкновенный удел» и творческую миссию. Развертывание образа Плюшкина подспудно определяется брожением этой мысли, которая затем выводится «на поверхность» текста уже в более конкретном, тематически локальном виде.

Переход к монологу в начале VII главы подготовлен пушкинской аллюзией в конце главы VI (возвращение Чичикова от Плюшкина в город): «Изредка доходили до слуха его какие-то [...] восклицания... Словом, те слова, которые вдруг обдадут, как варом, какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями...» (VI, 131). Хотя воспаривший «в небеса» юноша «к Шиллеру заехал в гости», Шиллер здесь – только знак экзальтации; сами же грезы навеяны пушкинской Испанией, *Каменным гостем*: нельзя не узнать Лауру, поющую под гитару для восторженных поклонников ее артистического дара.

В.Н. Топоровым отмечена переключка лирических монологов VI и VII глав: «“Счастлив путник... Счастлив семьянин... но горе холостяку... Счастлив писатель, который мимо характеров скучных... приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека”. Этот фрагмент, подхватывая сходные, но более латентно присутствующие мысли отступления, с которого начинается глава шестая (“Прежде, давно, в лета моей юности...”) *выявляет* их еще рельефнее»²⁰. Вся система образов и мотивов, формирующих пушкинский подтекст VI главы, теперь кристаллизуется в образе «счастливого писателя» – по-прежнему неназванного, но узнаваемого Пушкина.

Примечательно, что подразумеваемый антипод Гоголя предстает разным: если в VI главе реализуется прогноз «обыкновенного удела», то в VII главе «счастливцев» парит над обыденностью. Демонстрируются именно те качества, которые необходимы для самоопределения автора *Мертвых душ* на контрастном фоне; Пушкин оказывается, в известном отношении, предметом творческой манипуляции.

К пушкинской метафоре омута («в сем омуте, где с вами я...»), присутствующей в ассоциативном контексте полемической VI главы, восходит и целый ряд гоголевских образов, представляющих в VII главе отношения художника с жизнью. «Счастливый писатель» «из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения» (VI, 133); его оппонент готов «разом и вдруг *окунуться в жизнь* [контекстуальный синоним *омута*] со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками...» (VI, 135).

Гоголь дает видимое противопоставление «счастливого писателя» и поэта-обличителя, одиноко проходящего свое поприще, обвиненного в низости «лицемерно-бесчувственным современным судом» (VI, 134). На глубинном смысловом уровне антитеза может быть прочитана иначе. «Счастливый писатель» посреди «семейства» собственных героев и благодарных читателей – плоть от плоти тех людей, которые добровольно ищут забвения от насущного в «прекрасном»; он истинный «бог» – но лишь среди тех, кто слишком слаб

²⁰ В.Н. Топоров, *Апология Плюшкина*, [в:] В.Н. Топоров, *Миф. Ритуал...*, с. 49.

для приятия некой последней истины. Безбоязненно окунуться в жизненный омут способен лишь тот, кто сверхчеловечен. В этом ключе сверхчеловеческого (пророческого) предназначения понимается и добровольная аскеза, бессемейность, заведомая непригодность для обычного существования. Потаенная логика Гоголя дает повод для следующего заключения. С читателем Пушкина «всё может случиться»: после высоких художественных наслаждений «вновь по-будничному пошла щеголять перед ним жизнь», и будничное непременно одолеет духовное. Читателям Гоголя предстоит иное перерождение, когда «грозная вьюга вдохновения подымется из облеченной в святой ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...» (VI, 135).

Первый том *Мертвых душ* – текст «подвижный», обладающий принципиальной смысловой незавершенностью, открытостью. Отсюда потребность Гоголя вновь и вновь возвращаться к заветным идеям, ищущим адекватного выражения в слове. Проблему гоголевской автоинтерпретации не исчерпывают *Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”*, где миф о Пушкине как наставнике и вдохновителе предъявлен своей «лицевой» стороной. Многие высказывания в составе *Выбранных мест из переписки с друзьями*, как прямо отнесенные к *Мертвым душам*, так и решающие, по видимости, другие задачи, продолжают начатый на страницах поэмы мировоззренческий спор с Пушкиным. Гоголь зачастую воспроизводит сравнения и метафоры, уже послужившие ему ранее в «прикровенных» антипушкинских эпизодах; но теперь слово освобождается от художественной многозначности, и адресат полемики подчас обнаруживает себя вполне наглядно. С другой стороны, в *Выбранных местах...*, как показывает В.М. Маркович, особое значение получают мотивные связи, «образуемые повторами, вариациями, а также взаимотражениями структурно-смысловых единиц»; формируемые таким образом «мотивные смыслы выделены в гоголевском тексте своей специфической природой. [...] Автор их не формулирует и за их возникновение как бы не отвечает. Поэтому они формируются *более свободно*, чем смыслы декларируемые. [...] Можно предположить, что скрытое действие мотивного смыслообразования давало автору [...] какую-то важную для него возможность. По-видимому, это была возможность *окольно* выразить то, что он не решился или не сумел бы изложить *прямо*»²¹. Вопрос о Пушкине закономерно оказывается в сфере этого «окольного» изъяснения гоголевской позиции.

О преемственности с VI главой свидетельствует неожиданное, на первый взгляд, упоминание Плюшкина в наставительном письме к Языкову (*Предметы для лирического поэта в нынешнее время*), где воспроизведен знаковый комплекс образов:

Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку. *Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу: уже далеко он от берега, уже несет и несет его ничтожная верхушка света, несут обеды, ноги плясавиц, ежедневное сонное опьянение; нечувствительно обле-*

²¹ В.М. Маркович, *О некоторых парадоксах книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»*, [в:] *Проза Н.В. Гоголя. Поэтика нарратива: сб. статей*, Изд-во Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2011, с. 208.

кается он плотью и стал уже весь плоть, и уже нет почти в нём души. Завопи воплем и выставь ему *ведьму старость*, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердьё, которая *ни крохи чувства не отдаёт назад и обратно*. О, если бы ты мог сказать ему то, что *должен сказать мой Плюшкин*, если доберусь до третьего тома «Мёртв[ых] душ!» (VIII, 280).

«Новый» Плюшкин способен изречь преображающее мир слово, поскольку, как сказано в частном письме к тому же адресату, спасителен «лиризм, стремящийся вперед не только одних поэтов, но и непоэтов»; такой лиризм возводит их в состояние, «доступное одним поэтам, и делая таким образом и непоэтов поэтами» (XII, 279). Предъявленный в качестве образца Языкову-пушкинианцу, колеблющемуся ступить на путь лирика-пророка, Плюшкин противопоставлен тем самым и Пушкину. Низкий двойник поэта превращается в его антипода, вознесенного на библейский уровень («и последние станут первыми»).

Вина Пушкина перед Языковым обнаруживает себя парадоксально. Обличая Языкова в утрате любви «к потребному и нужному душе» (VIII, 389), Гоголь как будто и не имеет в виду его великого «соблазителя», исполнявшего с любовью дело своей жизни. Однако антипушкинские интенции реализуются чрезвычайно последовательно.

В гоголеведении давно отмечено, что «лирическое воззвание» к человеку, тонущему в пучине житейской, продолжает лирическое отступление VI главы, вызванное недолгим «оживанием» Плюшкина: «...явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки – явление было последнее. Глухо всё, и еще страшнее и пустынее становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии» (VI, 126). Но в позднем тексте налицо и отчетливая, полемически усиленная переключка с пушкинской метафорой «мертвящего» погружения в обыденную жизнь света – омут, «где с вами я купаюсь, милые друзья». Гоголевское перечисление житейских соблазнов – «ноги плясавиц», гибельные «обеда» – это еще и предметы творчества Пушкина: соблазнительная «ножка Терпсихоры», пиршества, юмористически возведенные автором *Евгения Онегина* к гомеровскому образцу («И кстати я замечу в скобках, // Что речь веду в моих строфах // Я столь же часто о пирах, // О разных кушаньях и пробках, // Как ты, божественный Омир, // Ты, тридцати веков кумир!»²²). Пушкин в гоголевском понимании – поэт не лирический, а потому не знающий избирательности в своей творческой отзывчивости; двойственное освещение «соблазнов» повседневности в пушкинском мире не могло не мыслиться Гоголем как опасное для «прекрасного, но дремлющего человека».

Развитие языковской темы (*В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность*) вызывает настоящий отпор Пушкину: «Не по стопам Пушкина надлежало Языкову обрабатывать и округлять стих свой; не для элегий и антологических стихотворений, но для дифирамба и гимна родился он,

²² А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, т. V, с. 115–116.

это слышали все. И уже скорее от Державина, чем от Пушкина, должен он засветить светильник свой» (VIII, 390). Используя далее знакомый по *Мертвым душам* контраст двух творческих типов, Гоголь уже вполне определенно устанавливает иерархию между ними: «Уделы поэтов *не равны*. Одному определено быть верным зеркалом и отголоском жизни – на то и дан ему многосторонний описательный талант. Другому повелено быть передовою, возбуждающею силой общества во всех его благородных и высших движениях – на то и дан ему лирический талант» (VIII, 390). «Описательный талант» (общее место литературной репутации Пушкина) дискредитирован на фоне прежних инвектив против «нечувствительного» подчинения человека «плоти».

Языков выступает как посредник в гоголевских прениях с Пушкиным, своего рода «подставное лицо» или двойник автора *Выбранных мест*. Дважды выстраивается поучительная версия биографии «другого», абсолютно совпадающая с моделью автобиографии Гоголя: в виде прямого обращения к Языкову, который стихотворением *Землетрясение* дал повод «открыть тайну музыки» (*Предметы для лирического поэта в нынешнее время*), и в форме рассуждения с позиции всеведения (*В чем же, наконец, существо русской поэзии...*). Акцентировано яркое начало творческого пути, раннее осознание своей поэтической силы. Самоощущение Гоголя, выраженное им в XI главе *Мертвых душ* («...всё обратило на меня полные ожидания очи»), прокомментированное во 2-м из *Четырех писем к разным лицам...*, переносится на будущего пророка: «Всех глаза устремились на Языкова» (VIII, 388). Болезнь поэта толкуется как испытание и средство «к ускоренью дела» (VIII, 389), упадок духа – как следствие неверно истолкованного самим художником высшего промысла. Биографические построения расходятся лишь в одном; «искушение Пушкиным» целиком приписано двойнику, как если бы никогда самим Гоголем (автором статьи *Борис Годунов. Поэма Пушкина*) не было высказано мечтание «прочитать в другом [в Пушкине] повторение всего себя» (VIII, 151). И, разумеется, утаено «преодоление Пушкина» через пародийные образы *Ревизора* и *Мертвых душ*.

Тем не менее симптомы этого «многоступенчатого» двойничества проступают в тексте. Если в VI главе поэмы Плюшкин отбрасывал «пушкинскую тень», то в *Выбранных местах...* можно наблюдать обратный эффект. Гоголь пишет о «расточительности» Пушкина, который откликнулся на всё в мире: «Что ж было предметом его поэзии? Всё стало ее предметом и ничто в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов» (VIII, 380). Фиксируется «отдельность» каждого творческого жеста Пушкина: «Как ему говорить было о чем-нибудь, потребном современному обществу в его современную минуту, когда хотелось откликнуться *на всё*, что ни есть в мире, и когда *всякий предмет равно звал его?*» (VIII, 383). Именно эта «расточительность» оборачивается ущербом: «Влияние Пушкина, как поэта, на общество было *ничтожно*», а влияние на поэтов – несомненно, но: «Сила возбудительного влияния Пушкина даже повредила многим», в особенности Языкову (VIII, 385, 386). Парадоксальное единство «накопления-расточения» заставляет вспомнить о *куче* Плюшкина, функция которой в VI главе не сводилась к представлению распавшейся, дефрагментированной материальной жизни: бесполезное «богатство» возникло в результате упорных, сознательных, едва ли не

самоотверженных усилий персонажа заново собрать вокруг себя мир; *куча* – новая целостность, лишенная разумного оправдания. На этом фоне по-особому двусмысленно звучат похвалы бесчисленности творческих «предметов» Пушкина; ведь вопрос о цели деятельности в мире Гоголя адресуется всем – великим и малым. Продолжим сопоставление: «Все сочинения его – *полный арсенал* орудий поэта. Ступай туда, выбирай себе всяк по руке любое и выходи с ним на битву; но сам поэт на битву с ним не вышел» (VIII, 382).

Высокий стиль рассуждения о Пушкине исключает употребление общезыковой метафоры *кучи* со специфическими для Гоголя коннотациями: множество, изобилие, пропадающее без пользы; эти смыслы вытеснены в подтекст²³. Соответственно, нельзя, казалось бы, провести прямую параллель между «мудрой скупостью» Плюшкина, служившей некогда основанием его гармонически уравновешенного бытия, и такими характеристиками Пушкина: «Никто из наших поэтов не был еще *так скуп* на слова и выраженья, как Пушкин, *так не смотрел осторожно* за самим собой, чтобы *не сказать неумеренного и лишнего*» (VIII, 380). Но качество равновесия, меры – во всех его проявлениях – несовместимо с гоголевским упованием на спасение человечества ценой сверхъестественного духовного усилия.

Потаенный трагизм «пушкинского мифа» Гоголя обусловлен грандиозностью представшего ему выбора: «Пушкин и Божественное предначертание несут при Гоголе одинаковые функции. Они на положении “или – или” в борьбе за “душу Гоголя”»²⁴. Пушкин присутствует в сознании Гоголя как явление, которое необходимо преодолеть или, согласно категоричной формуле С.М. Эйзенштейна, «уничтожить»: «...“боготворимый” уничтожается, и пустое место его замещается “кем-то незримым” – самим Господом Богом»²⁵. В мире Гоголя любой значимый образ в конечном счете обретает своего двойника, и процесс «дробления» сакрального целого знает лишь один предел, за который создатель этих двойников преступить не смеет. Внутренний императив позднего Гоголя обязал его принести в жертву того, кто изначально (в статье о «Борисе Годунове») был провозглашен «идеальным другом» («Возьмите, возьмите от меня все... и ниспослите мне это понимающее меня существо!» (VIII, 151–152)), с кем только и желал бы он вести диалог на равных; в одиночестве была утрачена одна из важнейших предпосылок творчества.

²³ Ср. также финал статьи: «*Еще ни в ком* [т.е. и не в Пушкине] не отразилась вполне та *многосторонняя поэтическая полнота* ума нашего, которая заключена в наших многоочитых пословицах, умевших сделать такие великие выводы из бедного, ничтожного своего времени, где в таких тесных пределах и в такой *мутной луже* [вариация на тему *омута*] изворачивался русский человек, и которые говорят только о том, какие огромные выводы может сделать нынешний русский человек из нынешнего широкого времени, в которое нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, *сброшены в одну беспорядочную кучу*». И далее: «Всё это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь» (VIII, 408).

²⁴ С.М. Эйзенштейн, «*Борис Годунов*» и «*Ревизор*», [в:] *Гоголь в русской критике: Антология*, Изд-во «Фортуна ЭЛ», Москва 2008, с. 474.

²⁵ Там же, с. 477.

Литература

- Абрам Терц (Синявский А.Д.), *Путешествие на Черную речку и другие произведения*, Изд-во «Захаров», Москва 1999.
- Бочаров С.Г., *О стиле Гоголя*, [в:] *Типология стилевого развития нового времени*, Москва 1976, с. 409–446.
- Виноградов И.А., *Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Проблемы интерпретации и текстологии*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук, Москва 2003.
- Гоголь Н.В., *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Изд-во АН СССР, Москва 1937–1952.
- Двинятин Ф.Н., *О литературном подтексте в характерологии первого тома «Мертвых душ» Гоголя*, [в:] *Канадский колледж: Сборник статей*, Изд-во Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2000, с. 153–161.
- Дмитриева Е.Е., *Сад Плюшкина, Сад Гоголя*, [в:] *Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. статей*, Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», Москва 2001, с. 148–160.
- Золотусский И.П., *Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями»*, [в:] *Последняя книга Гоголя: Сб. статей и материалов*, Изд-во «Русский путь», Москва 2010, с. 317–328.
- Кибальник С.А., *Почему Гоголь «открыл тайну» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один?»*, [в:] *Восьмые Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и его литературное окружение*, Изд-во АНО «Фестпартнер», Москва 2009, с. 120–135.
- Кораблев А.А., *Криптография «Мертвых душ»*, «Радуга» (Киев) 2009, № 8, с. 103–131, № 9, с. 131–147, №10, с. 115–140.
- Маркович В.М., *О некоторых парадоксах книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»*, [в:] *Проза Н.В. Гоголя. Поэтика нарратива: сб. статей*, Изд-во Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2011, с. 207–219.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, т. V, Изд-во АН СССР, Москва 1956–1958.
- Смирнова Е.А., *Поэма Гоголя «Мертвые души»*, Изд-во «Наука», Ленинград 1987.
- Топоров В.Н., *Апология Плюшкина*, [в:] *Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*, Издательская группа «Прогресс» – «Культура», Москва 1995, с. 7–112.
- Эйзенштейн С.М., *«Борис Годунов» и «Ревизор»*, [в:] *Гоголь в русской критике: Антология*, Изд-во «Фортуна ЭЛ», Москва 2008, с. 455–483.

Двойничество в контексте «пушкинского мифа» Гоголя

Резюме

В статье рассматривается механизм создания Гоголем мифа о Пушкине в поэме *Мертвые души* и книге *Выбранные места из переписки с друзьями*. В шестой главе обнаружены многочисленные реминисценции пушкинских произведений. Деконструкция шестой главы выявляет наличие полемического биографического подтекста. Темой полемики становится вопрос о целях и задачах творчества. В шестой главе происходит дискредитация пушкинской концепции отношений между искусством и жизнью. Анализ книги *Выбранные места из переписки с друзьями* выявляет дальнейшую логику развития пушкинского мифа.

Ключевые слова: Гоголь, Пушкин, Языков, миф, интерпретация, реминисценция, подтекст, концепция творчества, двойник.

The Doubles in the Context of Pushkin's Myth in Works of Gogol

Abstract

The article discusses the mechanism of Gogol's creation of Pushkin's myth in the poem *The Dead Souls* and in the book *The selected passages from correspondence with friends*. A lot of reminiscence have been discovered in Chapter 6. The deconstruction of Chapter 6 reveals the presence of the polemical autobiographical overtones. The problem of goals and objectives of creative activity is in the center of the dispute. The discredit of Pushkin's conception of the relationships between life and literature occurs in Chapter 6. The analysis of the book *The selected passages from correspondence with friends* reveals the subsequent logic of the development of Pushkin's myth.

Key words: Gogol, Pushkin, Yazykov, myth, interpretation, reminiscence, subtext, the conception of creation, double.

Мария Александрова
Кандидат филологических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.И. Добролюбова

Maria A. Alexandrova, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Linguistic University
e-mail: nam-s-toboi@mail.ru
+79625132972

Леонид Большухин
Старший преподаватель
Национальный университет «Высшая школа экономики». Нижегородский кампус

Leonid U. Bolshuhin, Lector
National Research University "Higher School of Economic"
Nizhny Novgorod State Linguistic University
e-mail: lbolshukhin@mail.ru
+79030602398

Ирина Мурадян

Антропонимное пространство трилогии

А.Н. Толстого *Хождение по мукам*

Художественный текст – это моделирование реального мира, создание второй виртуальной действительности. Таким же моделируемым является и антропонимное пространство, которое нужно рассматривать в художественном дискурсе. Исследуя ономастический мир художественного произведения, современная наука устанавливает элементы индивидуальной ономастической системы как функционально производной и фрагментарной по отношению к ономастической системе общенародного национального языка. Антропонимная лексика способна внести в текст историческую, этнографическую, коннотативную и другую информацию. Она также влияет на художественную картину мира. Антропонимы художественного текста должны быть завершёнными, обладать виртуальными денотатами, быть многофункциональными с учётом коммуникативного акта.

Опираясь на особенности понимания специфики литературной антропонимии, представленные в работах Ю.А. Карпенко, В.М. Калинин, Т.М. Николаевой, О.И. Фоянковой и других учёных, мы провели анализ антропонимов в тексте трилогии А.Н. Толстого *Хождение по мукам*.

Трилогия А.Н. Толстого незаслуженно мало представлена в русском литературоведении. На это повлияли изменения, которые сам Толстой внёс в текст в угоду идеологическим установкам советского времени. Однако сложность и многослойность этого большого эпического произведения заслуживает более серьёзного изучения. Это сегодня делают историки литературы, например, Г.Н. Воронцова в своей монографии¹.

Исследовательских работ по антропонимному материалу произведений А.Н. Толстого немного. Есть статьи В.Д. Васильевой об антропонимной лексике в романе *Пётр Первый*² и И.В. Мурадян, Т.Ф. Шумариной – в трилогии *Хождение по мукам*³.

¹ См. Г.Н. Воронцова, *Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921). Творческая история и проблемы текстологии*, Изд-во ИМЛИ РАН, Москва 2014, 344 с.

² См. В.Д. Васильева, *Состав и структура антропонимической лексики в романе А.Н. Толстого «Пётр Первый»*, [в:] «Вопросы стилистики», Саратов 1982, вып. 18, с. 135–143.

³ См. И.В. Мурадян, Т.Ф. Шумарина, *Столкновение разных способов номинации персонажей в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»*, «Вестник Донецкого университета», Донецк 2011, № 1, с. 186–191.

Цель данной статьи предполагает выявление особенностей антропонимного пространства трилогии А.Н. Толстого *Хождение по мукам*.

Именования в антропонимном пространстве текста находятся в системных отношениях друг с другом. В работе использованы оппозиции «главные – второстепенные персонажи»; социальные различия в номинациях интеллигенции и крестьян; столкновение старых и новых именований в оппозиции «белые – красные» и др. Трилогия *Хождение по мукам* концептуально посвящена столкновению судеб главных героев с противоречивыми и сложными событиями революции и гражданской войны в России. А.Н. Толстой выводит своих героев из привычной для них среды на необъятные просторы страны, сталкивает с представителями различных слоёв населения, по-разному относящимися к происходящим событиям. На страницах романа показаны разные социальные группы России того времени, противостоящие друг другу. Поэтому отношения между разными антропонимами в ономастическом пространстве художественного текста можно представить в виде системы оппозиций.

Значительное место в воплощении замысла отводится системе номинаций персонажей. Она составляет своеобразную структуру текста, которая «обрастает плотью», становится каркасом произведения. Сам А.Н. Толстой отмечал: «*Хождение по мукам* — это хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлётам — ощущение целой огромной эпохи». В письме к сыну он пишет: «Кажется, нашёл стиль и форму для этого очень трудного романа. А стиль – это тот самый реактив, в котором давно сгнившие предметы, клочки одежды, обрывки событий, пыль времени, ржавое железо, мысли, ... фразы, поцелуи, матерщина, пятна крови и прочее – вскипают и под некое непонятное, как бы колдовское, но по существу бессмысленное бормотание самого автора превращаются в животрепетное создание, обладающее всеми признаками живого, убеждающего своим присутствием существа, хотя и бесплотного»⁴.

Содержание трилогии *Хождение по мукам* огромно, значимо. В произведении рассказано о важнейших, переломных событиях в жизни России. Текст романа густо «населён», он поражает разнообразием и яркостью типов людей, мастерством лепки характеров. Автор наряду с многоплановым изображением исторической действительности, грандиозных военных битв рисует становление и развитие человеческой личности.

Обращают на себя внимание индивидуально-авторские особенности работы А.Н. Толстого с антропонимами. Писатель даёт именования практически всем персонажам, даже тем, кто встречается на страницах произведения только однажды (рабочие литейного завода, крестьяне, солдаты и др.). Поэтому антропонимное пространство произведения насыщено именами. В нём номинации главных героев составляют ядро, а именования второстепенных – периферию.

Основное место занимают номинации главных героев романа. Все эти номинации имеют трёхчленную формулу именования. В официальных ситуациях общения главные персонажи названы двучленной формулой «имя +

⁴ А.Н. Толстой, *Письма* [в:] А.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в 15 т.*, т. 13, Изд-во «Гослитиздат», Москва 1952, с. 594.

отчество»: Дарья Дмитриевна, Вадим Петрович, Иван Ильич и др. В неофициальных ситуациях общения и в авторской структуре речи главные героини названы гипокористическими именами Катя и Даша. Трёхчленной формулой именования, а в контактной коммуникации формулой «имя + отчество» названы и второстепенные персонажи, принадлежащие к тому же социальному слою, напр.: Дмитрий Степанович Булавин, Никанор Юрьевич Куличек.

Вариативность антропонимных номинаций в семьях Булавиных и Смоковниковых даёт ценный материал для изучения функционирования именованных во внутрисемейном общении в начале XX века. Мы отметили формулу «имя + отчество» в обращении отца к дочери и более частотное, чем сегодня, употребление этой формулы в общении мужа и жены.

Главные герои в структуре авторской речи именуется по фамилии (Рощин, Телегин) или по имени и отчеству (Вадим Петрович, Иван Ильич). Знаменательно, что в тексте романа *Восемнадцатый год* А.Н. Толстой даёт объяснение своего понимания такого героя, как Телегин, подчёркивая типичность этого образа: «Иван Ильич знал, что честно выполнит положенный ему труд и, – когда голова поседеет, – оглянется на пройденное и увидит, что прошёл долгую-долгую дорогу, не сворачивая в опасные закоулки, как тысячи таких же Иванов Ильичей»⁵. Это авторское обоснование выбора для этого персонажа частотного русского имени Иван. Употребление этого имени во множественном числе реализует его символическое значение и сему «русский» для обозначения любого русского человека.

В оппозиции к имени Иван находится имя другого героя – Вадим. Это имя в начале XX века относится к редким, как свидетельствуют статистические данные В.Д. Бондалетова⁶. А.Н. Толстой выбрал такое имя для этого героя, чтобы показать сложность внутреннего мира и исканий Вадима Петровича Рощина, и этим противопоставил его Телегину. На разницу между этими персонажами указывают и их фамилии. Обе фамилии реальны, они имеются в современном русском ономастиконе. Но для А.Н. Толстого важна ассоциативная семантика, которую активизируют эти фамилии. Фамилия Телегин произведена от слова телега – «простая крестьянская повозка» (В. Даль); это подчёркивает близость Телегина к простой русской жизни. Фамилия Рощин, произведённая от слова роща, воспринимается как более возвышенная. Фамилия сестёр Булавиных тоже входит в группу реальных фамилий. Произведена она от слова булава (вид тяжёлого оружия русских эпохи средневековья) и подчёркивает русский характер этих персонажей.

Номинации крестьян противопоставлены тем, что они, как правило, одночленные или двучленные. В авторской структуре речи даны имя и фамилия, например: Алексей Красильников, а друг друга эти персонажи называют только личным именем, как в официальных, так и в неофициальных ситуациях общения, например: Семён, Матрёна. Толстой показывает социальную

⁵ А.Н. Толстой, *Хождение по мукам: Трилогия*, Изд-во «Воениздат», Москва 1982, с. 206.

⁶ См. В.Д. Бондалетов, *Русская ономастика*, Изд-во «Просвещение», Москва 1983, с. 141.

градацию, при которой формула «имя + отчество» в крестьянской среде не использовалась, а достаточно было простой номинации одним именем.

Столкновение старых и новых способов именования представлено в оппозиции «белые – красные». В стане «белых» сохраняются традиционные номинации военных, характерные для царской армии. Это формула «звание + фамилия» в официальных ситуациях общения и «имя + отчество» – в неофициальных. Благодаря обращению по имени и отчеству неофициальное общение между «белыми» генералами в тексте романа оказывается личностным и дружеским, например, Деникин называет Корнилова Лавр Георгиевич.

В Красной Армии А.Н. Толстой показывает становление новых номинаций «товарищ + звание» и «товарищ + фамилия», например: товарищ ротный, товарищ Гымза. Использование формулы «товарищ + фамилия» сохраняется и в неофициальной обстановке общения, что не способствует установлению доверительных отношений.

Трилогия *Хожделение по мукам* – это историческое произведение. А.Н. Толстой погружает своих вымышленных героев в реальные исторические события, сталкивает с известными историческими деятелями. Поэтому в романах Толстого присутствуют реальные номинации. Но историческое лицо, попадая в художественный текст, становится персонажем произведения, потому что отражает концепцию автора, а именование этого лица – литературным антропонимом.

Действующими персонажами в романе являются Керенский, Гучков, Савинков, генерал Деникин, генерал Корнилов, батька Махно, Ленин, Сталин, Скоропадский и другие. Все эти антропонимы существовали в реальной жизни, прототипы данных персонажей – исторические лица. Рассмотрим способы их номинаций в антропонимном пространстве романа.

Охват событий и разных социальных слоёв населения, участвовавших в гражданской войне, у А.Н. Толстого очень широк. Отображая исторические события гражданской войны, автор вводит в произведение донских казаков, с характерной для них номинацией командира – «атаман»: атаман Каледин, атаман Краснов. Толстой отображает в тексте и прозвища донских казаков: помощник атамана «донской соловей» Митрофан Богаевский. На Украине использовалось также именование батька, например: батька Махно. Уважительное отношение махновцев к своему атаману А.Н. Толстой показал в том, что в контактном общении они называют его по имени и отчеству: Нестор Иванович. – Всё бы ничего, не будь у атаманов батьки, – рассказывал старший кондуктор басовитым говорком, – а батько у них нашёлся, атаман надо всеми атаманами – Махно. Популярный человек⁷. В структуре авторской речи присутствуют номинации: батька Махно, Махно, Нестор Иванович.

Столкновение номинаций происходит и в области семантики фамилий. Общеизвестна тенденция противопоставлять в онимном пространстве художественного текста именование главных персонажей второстепенным. Как правило, последние всегда более яркие и характеристичны. В романах Толстого противопоставлены ещё и разные социальные слои. Несмотря на простоту,

⁷ А.Н. Толстой, *Хожделение по мукам: Трилогия*, Изд-во «Воениздат», Москва 1982, с. 382.

фамилии главных героев имеют сложный и многослойный набор сем и отличаются положительной семантикой и благозвучием, например: Роцин, Булавины. Именования солдат и крестьян также представлены, в основном, обычными русскими фамилиями: Зубцов, Лаптев, Соломин, Красильниковы, Захаркин и др. Однако имеются среди них именования с отрицательной коннотацией, например, товарищ Пьявка. Негативное восприятие подобного именования заложено в семантике фамилии и, конечно, ассоциируется со словом пиявка. Пример другой «низкой» по значению фамилии – это номинация Зинка Канавина. Причём, в самом тексте Толстой обосновывает, что подобное именование, очевидно, придумано самой женщиной, чтобы подчеркнуть происхождение «из рабочих»: «По документам она была откуда-то из Омска, дочь железнодорожного рабочего, чему, конечно, никто не верил, не верили и в то, что ей восемнадцать лет, ни в её фамилию – Канавина, ни в имя – Зинаида»⁸. Действительно, данная фамилия актуализирует семы «грязное», «нечистое», «относящееся к отбросам общества». Имя этой «героини» употреблено Толстым и в структуре авторской речи, и в речи персонажей в уничижительной пейоративной форме Зинка. Самым ярким примером сниженной по семантике фамилии является фамилия красного командира полка Дмитрия Жлобы. Толстой использовал грубое, бранное слово для обозначения человека из социальных низов общества. Не менее значимой оказывается фамилия злого солдата Чертогонова. В фамилии командира отряда Хведина Толстой представил интересное фонетическое явление, характерное для русских народных говоров, – замену звука [ф] на сочетание [хв], что придало этой фамилии диалектное звучание.

Таким образом, в романах трилогии *Хождение по мукам* осуществляется представление оппозиции «белые офицеры – красные командиры и солдаты». Причём в этом случае напрашивается вывод о том, что как бы Толстой не идеализировал «красных», по тем номинациям, которые он им дал в тексте, видно, что он хорошо осознавал, что многие из них – это люди с социального дна общества.

А.Н. Толстой показал в своём романе политические силы и организации, по-разному видевшие государственное устройство России. Были и такие, которые совсем отрицали государство и все традиционные организации, в том числе и именования.

Наиболее противопоставленными традиционным оказываются номинации анархистов. Среди них можно встретить псевдонимы: Мамонт Дальский, Яков Алый, а также прозвища: Барон, Француз.

Ряду персонажей Толстой заменяет реальные фамилии на вымышленные. Автобиографической является встреча журналиста Антошки Арнольдова с генералом Солнцевым (вымышленная фамилия). Сам Толстой как корреспондент «Русских ведомостей» встречался с генералом Свечиным в начале Первой мировой войны⁹. Толстой заменяет реальную фамилию. В этом случае автор использует сложный ассоциативный ряд, чтобы выдуманная фамилия

⁸ Там же, с. 212.

⁹ См. А.В. Алпатов, *Комментарий*, [в:] А.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 6, Изд-во «Художественная литература», Москва 1984, с. 387.

напоминала реальную по семе «источник света» и начальному звуку, например, замена фамилии генерала Свечина на фамилию Солнцев¹⁰.

В тексте трилогии *Хождение по мукам* представлен ряд реальных имён, которые наделяют произведение атмосферой описываемой эпохи, а также ряд прецедентных имён, которые представляют собой слепок культуры того времени. Например, на философских вечерах в Петербурге присутствуют профессор-богослов Антоновский, философ Борский, историк Вельяминов (антропоним, очевидно, навеян фамилией реального лица, историка В.В. Вельяминова-Зернова); писатель Сакунин (возможно, изменённая фамилия литературоведа П.Н. Сакулина). Как видим, Толстой, подбирая данные номинации, стремился сохранить звучание реальных фамилий, отбросив вторую фамилию у историка и лишь слегка изменив один звук в фамилии писателя. Замена одного звука в известной фамилии – это художественный приём, применявшийся ещё в 19 веке Л.Н. Толстым в *Войне и мире* (Волконский – Болконский и др.).

Центральным и самым сложным в представлении литературного Петербурга в тексте А.Н. Толстого, бесспорно, является именование поэта Алексея Алексеевича Бессонова. Т.М. Николаева отмечает, что «антропонимы в тексте могут служить некими ключами, намекающими на прецедентный текст или на прецедентную ситуацию»¹¹.

Перед нами ключ, подводящий читателя к прецедентному не только для Петербурга, но и для всей русской поэзии начала XX века имени Александра Александровича Блока. Первым и самым главным фактом является полное совпадение инициалов Бессонова и Блока. Второй пункт – это повторяющееся имя и отчество. Оба эти факта явно говорят о том, что А.Н. Толстой хотел, чтобы читатель декодировал это прецедентное имя. Но изобразил ли Толстой в своём произведении Блока?

Сравнение Бессонова с Блоком проводится давно. Наверное, первым высказал такую догадку главный редактор журнала «Новый мир» В.П. Полонский. Известный исследователь творчества А.Н. Толстого литературовед А.В. Алпатов писал в духе своего времени: «В образе А.А. Бессонова... сконцентрированы черты мрачного индивидуализма, внутренней опустошённости, скепсиса – всего того, что характерно было для настроений декадентской среды предреволюционной поры»¹². Алпатов свидетельствовал, что Толстой решительно возражал против того, что Бессонов – это Блок, подчёркивая, что он «отнюдь не хотел писать Блока», что он стремился показать всего лишь собирательный тип жреца декадентского искусства, одного из эпигонов Блока. Но исследователи как бы не замечали это предельно ясное высказывание А.Н. Толстого. В 1980 году появляется статья В.И. Баранова с характерным названием «Загадка одного прототипа: Бессонов – Блок». Автор

¹⁰ См. И.В. Мурадян, *Когнитивный потенциал номинаций персонажей, представляющих Петербург, в романе А.Н. Толстого «Сёстры»*, «Мова», Одесса 2012, № 17, с. 59.

¹¹ См. Т.М. Николаева, *О «Единстве ономастики» и/или о новой ветви «Антропонимики»*, «Вопросы языкознания», 2009, № 3, с. 14.

¹² См. А.В. Алпатов. *Комментарий*, [в:] А.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 6, с. 388.

подробно пишет о сходстве именования, ищет похожие образы в творчестве А.А. Блока и Бессонова, отмечает, что писатель должен отчётливо «видеть» своего героя. Нельзя согласиться с В.И. Барановым в том, что Блок – это прототип Бессонова. А.Н. Толстой сам ответил на этот вопрос, однако он, безусловно, хотел, чтобы именование Блока каким-то образом «присутствовало» в изображении Петербурга, потому что целую эпоху начала 20 века трудно представить без А.А. Блока. Думается, поэтому Толстой закодировал имя Блока в именовании Бессонова.

Именования в ономастическом пространстве художественного текста находятся в системных отношениях сопоставленности и противопоставленности друг с другом. Антропонимное пространство трилогии А.Н. Толстого *Хождение по мукам* представлено целым рядом антропонимных оппозиций: «главные – второстепенные персонажи»; социальные различия в номинациях интеллигенции и крестьян; столкновение старых и новых именований в оппозиции «белые – красные», отражающих большой охват разной и противоречивой действительности периода революции и гражданской войны в России.

Для создания колорита эпохи А.Н. Толстой использует много номинаций исторических лиц, которые в тексте романов становятся литературными антропонимами: Керенский, Гучков, Савинков, Ленин и др.

Индивидуальной, характерной для А.Н. Толстого особенностью антропонимного пространства *Хождения по мукам* является наличие большого количества именований практически всех персонажей, даже тех, которые упомянуты один раз.

Литература

- Алпатов А.В., *Комментарий*, [в:] А.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 6, Изд-во «Художественная литература», Москва 1984, с. 387–398.
- Бондалетов В.Д., *Русская ономастика*, Изд-во «Просвещение», Москва 1983.
- Васильева В.Д., *Состав и структура антропонимической лексики в романе А.Н. Толстого «Пётр Первый»*, «Вопросы стилистики», Саратов 1982, Вып. 18, с. 135–143.
- Воронцова Г.Н., *Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921). Творческая история и проблемы текстологии*, изд-во ИМЛИ РАН, Москва 2014.
- Мурадян И.В., Шумарина Т.Ф., *Столкновение разных способов номинации персонажей в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»*, «Вестник Донецкого университета», Донецк 2011, № 1, с. 186–191.
- Мурадян И.В., Шумарина Т.Ф., *Когнитивный потенциал номинаций персонажей, представляющих Петербург, в романе А.Н. Толстого «Сестры»*, «Мова», Одесса 2012, №17, с. 58–61.
- Николаева Т.М., *О «Единстве ономастики» и/или о новой ветви «Антропонимики»*, «Вопросы языкознания» 2009, № 3, с. 3–15.
- Толстой А.Н., *Письма*, [в:] А.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в 15 т.*, т. 13, Изд-во «Гослитиздат», Москва 1952.
- Толстой А.Н., *Хождение по мукам: Трилогия*, Изд-во «Воениздат», Москва 1982.

Антропонимное пространство трилогии**А.Н. Толстого *Хождение по мукам***

Резюме

В статье рассматриваются разные способы антропонимной номинации, характерные для идиостиля А.Н. Толстого. Отмечено, что антропонимное пространство *Хождения по мукам* имеет большое количество именовании. Автор показывает, как в тексте трилогии сталкиваются традиционные способы именования персонажей с новыми. Для антропонимного пространства этого произведения характерно наличие ряда оппозиций. Это именовании главных и второстепенных персонажей, различия в номинациях интеллигенции и крестьян, военных из белого движения и «красных», отражающие большой охват разной и противоречивой действительности России периода революции и гражданской войны.

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, антропонимное пространство, оппозиции, способы номинации персонажей, трилогия А.Н. Толстого *Хождение по мукам*.

The Nominations of Heroes at the Trilogy**by A.N. Tolstoy *The Road to Calvary***

Abstract

The article is devoted to use of the personal name at the trilogy by Tolstoy. Material of research is the hero nominations at the text of novel. The author marks collision between tradition and new of ways of nomination heroes at different communicative situations. The author gives much attention to variations of Russian personal names and the status characteristics and emotional relationships of heroes.

Key words: onomastics, personal name, antroponym space, oppositions, methods of nomination of personages, the trilogy by A.N. Tolstoy *The Road to Calvary*.

Ирина Мурадян

Кандидат филологических наук

Доцент кафедры русского языка

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Irena Muradyan

Ph.D. of Philological Sciences

Associate Professor of the Russian Language Department

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: muradayn@ukr.net

+380955148345

Нина Раковская

Парадокс как фигура мышления в статьях Л.И. Шестова о А.С. Пушкине

На протяжении двух десятилетий в литературоведении активно изучается наследие религиозно-философской критической мысли конца XIX – начала XX столетия. Но если уже можно говорить об определенных достижениях в осмыслении наследия Н. Бердяева, В. Розанова, В. Соловьева, то о Л. Шестове – литературном критике написано крайне мало. По всей вероятности, это связано с тем, что до сих пор не опубликованы тексты мыслителя и трудно поддаются обобщению его суждения, чрезвычайно противоречивые, а подчас и крайне парадоксальные.

В Киеве увидели свет его первые труды, в которых проявился интерес Л. Шестова к миру культуры (*Апофеоз беспочвенности, Шекспир и его критик Брандес*), в Париже – *Киркегард и экзистенциальная философия* – своеобразная лебединая песня литературного критика, ставшего «солнцем верующего экзистенциализма»¹.

Можно принять или отвергнуть основную тему Льва Шестова – монотеому, по определению В. Зеньковского, заключающуюся в том, что человек свободен выбирать и избирать значимые ценности, идеи и образы для своего духовного пути, но, безусловно, следует признать необычайную оригинальность, в своём роде единственность, как в основном замысле его концепции литературы, так и в оригинальном ее решении в интерпретационной практике.

Целостность мироощущения Л. Шестова проявляется в его завершённых работах и в ряде незавершённых фрагментов либо набросков. «Вечными спутниками» (формула Д. Мережковского) для Л. Шестова были Св. Писание Ветхого и Нового заветов, античная литература и русская словесность.

Предпочтение литературе как предмету философского размышления мотивируется взглядом Л. Шестова на ее место в культуре. Художественная литература, с его точки зрения, более адекватно выражает экзистенциалы человеческого бытия, чем традиционная философия. В этом смысле именно она является продолжением Священного Писания².

¹ В. Ильин, *Эссе о русской культуре*, Санкт-Петербург 1997, с. 419.

² См. Н. Бердяев, *Вера и знание. Трагедия и обыденность*, http://www.vehi.net/Berdyayev/filos_svob/02.html [дата доступа: 28.09.2014].

Шестовская метакритика отрицает не только концепцию французского позитивиста И. Тэна об обусловленности литературы окружающей средой и декадентскую идею о решающей роли случая в индивидуальной жизни человека, но и характерное для его времени соединение представлений о закономерности и случайности как главных законах в жизни и истории. Естественно, отвергается предшествующая И. Тэну гегелевская идея о связи человека с всеобщим, а также мысль Г. Брандеса о неизбежности влияния «культурной современности» на писателя. Творчество писателя связано, с точки зрения критика, исключительно с его личным опытом. Более того, автор *Апофеоза беспочвенности* противостоял традиции умозрительного мышления и настаивал на значимости Божественного Откровения. Он был убежден, что философствование основывается на рациональном умозаключении и стремится к абсолютным и всеобщим правилам; откровение же связано с личной жизнью писателя и открывает пути к Богу. В этом смысле полемика с рационализмом соответствует позиции немецкого учёного В. Виндельбандта (статья *Божественное*) и «философии жизни» А. Бергсона о природной необходимости нарушения норматива и радио³. Райнель Грюбель в связи с этим замечает, что литературная критика Л. Шестова принадлежит, вместе с психоанализом, к ряду противонаук начала XX ст. и пытается найти свое собственное место в этой эпистеме.

Значимость литературы для Л. Шестова заключается прежде всего в осмыслении экзистенциальной темы писателя. Критик полагал, что именно такую персональную, решающую в жизни человека проблему можно обозначить понятием «экзистенциал» (термин «экзистенциал» ввел австрийский психоаналитик В. Франкль). Парадоксальностью или даже абсурдностью экзистенциалов и занимался Л. Шестов. А. Камю писал о Л. Шестове: «На всем протяжении своего изумительного монотонного труда, обращаясь к одним и тем же истинам, он без конца доказывает, что даже самая замкнутая система, самый универсальный рационализм всегда спотыкается об иррациональность человеческого мышления»⁴.

Более того, Л. Шестов анализирует и осмысливает художественные тексты со своей собственной точки зрения и одновременно включает их в систему экзистенции. В связи с этим в статьях критика эпистемологические и богословские трактаты, тексты об истории культуры и об эстетике часто перемещаются в поле художественной литературы, тем самым расширяя возможности ее влияния на читателя⁵. С этим же связан его интерес к драме творческой индивидуальности и установке автора на конструирование биографии персонажей. Тексты читаются как «свидетельства жизнью», а жизни рассматриваются как художественные тексты. Так, с точки зрения критика, экзистенциалом В. Шекспира является не его метафорическое «отравление» (как писал Г. Брандес), а трагический опыт художника, который выражался, с одной стороны, в осознании распада связи времен «the time is out of joint» и,

³ А. Бергсон, *Введение в метафизику. Смех*, [в:] *Творческая эволюция. Материя и память*, Москва 2001.

⁴ А. Камю, *Миф о Сизифе. Эссе об Абсурде*, [в:] *Сумерки богов*, Москва 1990, с. 239.

⁵ См. Л. Шестов, *Афины и Иерусалим*, Москва 2007.

с другой, в убеждении, что он (художник) рождён для того, чтобы восстановить связь времён, вернуть их целостность.

Вместе с тем Л. Шестов разделял точку зрения Ф. Шеллинга о том, что познание мира художником проявляется и в самом процессе творчества, в его мистическом характере. В таком ракурсе заявлен метафизический подход критика к литературе. Мир явлений, который предстоит сознанию художника, хаотичен, и самопознание возникает в слове в результате столкновений темного хаотического мира внутреннего духа и столь же темного мира явлений; в итоге – «знание в концепции критика есть результат слияния «Я» и хаоса, а творчество – мистическое познание Абсолюта, познание сверхреального сквозь непосредственно чувственное»⁶. Именно поэтому критику оказывается важным осмысление проблемы случайного и закономерного в творчестве писателя.

Так, например, в цикле А.С. Пушкина *Повести И.П. Белкина*, с точки зрения критика, в сюжетное пространство часто вмешивается судьба, явно покровительствующая счастливым, например Минскому, ветреному Бурмину, и «самым возмутительным образом» обделяющая невезучих, т.е. Вырина, Сильвио и Владимира. Тяжелую участь персонажей-неудачников А.С. Пушкин, с точки зрения критика, смягчает, вводя парадокс-оппозицию «счастья / несчастья», что подтверждается подзаголовком одного из подтекстов в *Повестях Белкина* – «Нет худа без добра». В таком случае читателю важно понять, что невезение оказывается, в конечном счете, спасением. Ю. Тынянов впоследствии заметит: несчастливцы в мире *Повестей Белкина* «столь слепы, что они не могут понять, как им повезло в их мнимом несчастье»⁷. С точки зрения Л. Шестова, очевидно, что пародирование связано с намеренным нарушением А.С. Пушкиным принципа целостности пародированного образа. В тексте А.С. Пушкина оксюморон «слепого» зрителя свидетельствует о несовпадении истинных и мнимых страданий и причин, их вызывающих.

Парадокс судьбы обнаруживается Л. Шестовым в финале *Ликовой дамы*. Крушение надежд Германна заключается в том, что он тайное превратил в чудесное, в фикциональное. Парадокс заключается и в том, что несостоятельность героя обнаруживает не тайна трех карт, а сам игрок.

С. Бройтман замечал, что в некоторых прозаических вещах А.С. Пушкина парадоксальность приобретает метатекстуальные оттенки⁸. Так, в *Ликовой даме* парадокс «неиграющего игрока» вызывает удивление у настоящих игроков. Л. Шестов полагает, что в обществе игроков первая степень удивительного характерна для Сурина, который понтирует крайне осторожно, никогда не горячится, ничем с толку не сбивается, но все же вечно проигрывает. Его твердость удивляет остальных игроков. Еще удивительнее, чем этот парадокс, поведение Германна (вторая степень удивительного): «А каков Германн! Отроду не брал он карты в руки [...], а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру!»⁹. Томский старается пережеголять этот второй парадокс еще

⁶ В. Сагатовский, *Триада бытия*, Санкт-Петербург 2006, с. 58.

⁷ Ю. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977, с. 295.

⁸ См. С.Н. Бройтман, *Тайная поэтика Пушкина*, Тверь 2002.

⁹ А.С. Пушкин, *Собрание сочинений: в 10 т.*, т. 3, Москва 1994–1997, с. 227.

более удивительным парадоксом – упоминанием о своей бабушке, которая не понтирует. Непонтирующую старуху как парадокс игроки объясняют так: «Да что тут удивительного [...], что осьмидесятилетняя старуха не понтирует?»¹⁰. Для того чтобы продемонстрировать пока еще утаенную парадоксальность своей бабушки, Томский рассказывает анекдот, который в свою очередь вызывает у Германна желание овладеть тайной.

Выделим еще один аспект. Для Л. Шестова очевидно, что судьба и характеры определяются экзистенцией с ее тезисом «жить – это умирать». А.С. Пушкин создает крайне прозаическую вариацию этого парадокса в новелле *Гробовщик*, где герой живет за счет смерти своих клиентов. Жизнь за счет смерти – это никак не абсурд, а парадоксальная истина существования гробовщика. Именно поэтому, когда подвыпивший будочник Юрко предлагает гробовщику выпить за здоровье своих клиентов, «соседи хохочут». В смехе немцев, замечает Л. Шестов, по существу, нет для гробовщика ничего обидного. Смех этот – просто спонтанная реакция на внезапное открытие действительно парадоксальных обстоятельств погребального ремесла. Но сам гробовщик смеяться не может, так как он давно превратил неосознанный им парадокс своего ремесла в нелепость. Во-первых, он сам живет в своем новом доме, желтом, как лица мертвецов, будто бы в гробу, принадлежа больше смерти, чем жизни, уставив кухню и гостиную гробами, которые, как показывает известный рисунок А.С. Пушкина, нагромождены устрашающими горами и вытесняют всякую жизнь. Во-вторых, гробовщик мыслит и говорит о мертвых как о живущих в изготовленных им гробах, как в домах. Поэтому бригадир от имени всей честной компании мертвецов, явившихся на новоселье, может объявить, что «только те, которым уже невмочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи [...] остались дома».

Л. Шестов отмечает, что здесь от парадокса до абсурда — лишь один шаг. Стоит только забыть об оговорках, присущих парадоксальной речи, понимая фигуральное в буквальном смысле, и сразу же парадокс превращается в нелепость. Такое превращение демонстрирует А.С. Пушкин. Созданный им персонаж превращает настоящий парадокс своего ремесла в абсурдность (мертвецы приглашены на новоселье).

Интересно, что Л. Шестов, стремясь к афористичности высказывания, часто употребляет тропы, метафоры, известные суждения, ставшие уже аксиомами. Поэтому он замечал, что А.С. Пушкин любит возвращать употребляемым в переносном смысле речевым клише, таким как пословицы, поговорки, обороты речи, метафоры и предсказания, их первоначальный, дословный смысл. Речевые клише проявляются на сюжетном уровне. Таким образом, постоянно рождаются новые парадоксы. Л. Шестов полагал, что *Пиковую даму* можно рассматривать как сюжетное развертывание ее оксюморонного заглавия, как историю о «даме с пикой». Как известно Ю. Лотман отмечал, что заглавие *Пиковой дамы* внутренне противоречиво, оксюморонно, ибо означает одновременно и старую графиню, и игральную карту. Действительно, развитие образа пиковой дамы движется от реального к мистическому, что и позволяет Л. Шестову увидеть в тексте А.С. Пушкина парадоксальность, вытекающую

¹⁰ Там же, с. 228.

из слияния двух сфер, реалистического и фантастического бытия, семиотического и вещественного статуса предметов.

Этот процесс де-семиотизации или овеществления (как отмечает В. Топоров¹¹) касается не только речевых клише, но и других семиотических объектов, таких как пиктографические символы или, например, статуи.

Заметим, уже в XX в. В. Шмидт, опираясь на идеи Л. Шестова, указывал, что А.С. Пушкина привлекала в статуях идея об их двойном характере, об интерференции между знаковостью и вещьностью, между обозначающим и обозначаемым¹². Эта интерференция приводит к противоречиям, когда установка на знаковость сменяется или связывается с установкой на вещьность. В самой обнаженной форме парадоксogenное смещение и совмещение точек зрения Л. Шестов находил в тексте *Царскосельской статуи*:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Здесь очевидна только установка на действие и ситуацию, которые обозначаются и подразумеваются статуей как знаком. Затем точка зрения меняется, совмещая признаки обозначаемого, т.е. льющуюся из урны воду и печально сидящую деву, с материальными признаками обозначающего, т.е. с неиссякаемой струей как элементом скульптурного сооружения и с неизменчивостью знакового материала. Такое смещение и совмещение точек зрения вызывает, по мнению Л. Шестова, характерное для парадокса удивление:

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей, вечно печальна сидит¹³.

Интересна в связи с этим суждением идея Р. Якобсона, указывавшего на чудо взаимодействия между неподвижностью статуи и подвижностью живо-го¹⁴. Чуду идеи движения, преодолевающего застывшую неподвижность материи, противопоставлено другое чудо – неподвижность материи, преодолевающей идею движения.

Л. Шестов указывает на то, что парадоксальность определяет нередко и действие героев и их мотивацию. Парадоксальные акценты носят, например, монологи Сальери. Их сущность заключается в оппозиции «земля / небо»:

Все говорят: нет правды на земле¹⁵.

Прослушав несколько звуков из *Requiem* Моцарта, при этом страдая и восхищаясь одновременно, Сальери восклицает:

¹¹ В. Топоров, *Петербургский текст русской литературы*, Санкт-Петербург 2003.

¹² В. Шмидт, *Проза А.С. Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина»*, пер. с нем., Санкт-Петербург 1996.

¹³ А.С. Пушкин, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 231.

¹⁴ Р. Якобсон, *Работы по поэтике*, Москва 1987.

¹⁵ А.С. Пушкин, *Собрание сочинений: в 10 т.*, т. 3, с. 123–124.

Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

[...] Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь¹⁶.

В статье *Достоевский и Ницше* Л. Шестов укажет, что подобным парадоксальным образом будет у Ф. Достоевского оправдываться Великий инквизитор. Он исправляет Божье творение, жертвуя спасением своей души ради счастья миллионов. В его парадоксальной аргументации амбициозный Бог требует невыполнимого от человека, которого он сам создал слабым¹⁷. Христианское же милосердие к слабым проявляет не Христос, а он, Великий инквизитор, неверующий обвинитель Бога, лишивший людей свободы решения.

Пушкинские парадоксы, указывает Л. Шестов, вдохновили Ф. Достоевского на создание собственных парадоксов. Неслучайно в *Записках из подполья* и автор, и рассказчик-парадоксалист не раз отсылают читателя к пушкинским текстам.

Интерес Л. Шестова к проблеме парадокса акцентирует внимание критика и на феномене цитирования. Л. Шестов полагает, что в творчестве, скажем, А.С. Пушкина мы наблюдаем странную закономерность – чем больше он подражает чужим текстам, тем свободнее «развертывается его оригинальность». Впоследствии «эту оригинальность пушкинского текста» также отмечал П. Дебрецини¹⁸.

Л. Шестов подчеркивал, что пушкинская цитация не сводится ни к преемственности, ни к влиянию предшественников на него, ни к подражанию им. С точки зрения Л. Шестова, есть две основные формы пушкинской интертекстуальности. Первая заключается в том, что А.С. Пушкин уточняет несообразности и бессмыслицы традиционных и условных сюжетов, переосмысливает их, создавая свою новую, совсем неожиданную модель мира.

Другая форма имеет противоположный характер. А.С. Пушкин оставляет в своих лаконичных текстах много пробелов, лакун-недосказанностей. Эти лакуны чаще всего касаются главных психологических побуждений героев. Отсылая читателя к чужим текстам, А.С. Пушкин заставляет его восполнять лакуны чужими мотивами, вследствие чего возникает либо игровое поле, либо парадоксальная ситуация. Скажем, о Татьяне Лариной А.С. Пушкин замечает: «Одна с опасной книгой бродит».

Интересно, что сам Л. Шестов в большинстве случаев заимствует цитаты из первоисточников, добавляя собственный дословный перевод и точные данные об источнике. В таком случае у читателя возникает впечатление, что они играют роль доказательств. Поскольку обычно такие доказательства употребляются в науке, цитаты вместе с устройством шестовского дискурса создают впечатление о существующих научных знаниях в текстах. Однако в то же время идея Л. Шестова (важно «не знание, а вера») свидетельствует о том, что такое знание ложно. Данное противоречие дискурсивной стратегии

¹⁶ Там же, с. 127.

¹⁷ Л. Шестов, *Собрание сочинений: в 6 т.*, т. 2, Санкт-Петербург 1911, с. 64.

¹⁸ П. Дебрецини, *Блудная дочь. Анализ художественной прозы А. Пушкина*, пер. с англ. Г.А. Крылова, А.К. Славинской, Санкт-Петербург 2008.

в сочинениях Л. Шестова, на наш взгляд, является основным и объясняется авторефлексивностью.

Совершенно очевидно, что при решении вопроса о парадоксах в системе Л. Шестова возникает отрицание власти фактического и утверждение воображаемого. Как фактическое может стать не фактическим, так воображаемое располагает возможностью стать действительным. С точки зрения Л. Шестова, именно воображение неслучившегося, а не отображение действительности придает силу пушкинскому творчеству. Возникает тезис «нормального / ненормального» мироощущения автора.

Актуализируя понятие «парадокс», Л. Шестов создает концепцию анти-нормальности. Его борьба с нормативностью – это борьба против трагического окаменения человеческого мышления: «И еще, по-видимому, каждый из нас много раз в течение своей короткой жизни превращается в озаренный сознанием камень...». Парадоксы служат средством освобождения от такого окаменения.

Во введении в свою книгу *Шекспир и его критик Брандес* Л. Шестов, вместо ужаса отчаяния или радости восторга, объявляет «грустное разочарование» основным настроением художника. Творческим человеком мыслитель считает того, кто испытывает глубокое разочарование и потому не в состоянии действовать в практическом мире. Такое разочарование находится в рамках традиционного европейского мотива меланхолии.

Чувство трагичности жизни Л. Шестов связывает с парадоксальной готовностью отказаться от нормальности: «Есть область человеческого духа, которая не видела еще добровольцев: туда люди идут лишь поневоле. Это и есть область трагедии. Человек, побывавший там, начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать. Все, что дорого и близко всем людям, становится для него ненужным и чуждым».

Сфера трагедии для Л. Шестова оказывается пограничной с безумием. Эта идея будет развита критиком в связи с творчеством Ф. Достоевского и философией трагедии Ницше.

Философия трагедии Л. Шестова определяет и философию парадоксального. Как в трагедии, так и в жизни трагического художника возникают перипетии: в жизни Ф. Достоевского это момент прерванной смертной казни, в жизни Пушкина – ненормальность раннего ухода (смерти); в жизни Ницше – заболевание без шанса на выздоровление.

Итак, парадокс в системе Л. Шестова, которую можно определить как своеобразную трагическую философию мышления, на наш взгляд, является неизбежным и определяет одну из основных составляющих его интерпретационной практики.

Литература

Бергсон А., *Введение в метафизику. Смех*, [в:] *Творческая эволюция. Материя и память*, Москва 2001.

Бердяев Н., *Вера и знание. Трагедия и обыденность*, http://www.vehi.net/Berdyaev/filos_svob/02.html.

- Бройтман С.Н., *Тайная поэтика Пушкина*, Тверь 2002.
- Дебрецини П., *Блудная дочь. Анализ художественной прозы А. Пушкина*, пер. с англ. Крылова Г.А., Славинской А.К., Санкт-Петербург 2008.
- Ильин В., *Эссе о русской культуре*. Санкт-Петербург 1997.
- Камю А., *Миф о Сизифе. Эссе об Абсурде*, [в:] *Сумерки богов*, Москва 1990.
- Пушкин А.С., *Собрание сочинений: в 10 т.*, т. 3, Москва 1994–1997.
- Сагатовский В., *Триада бытия*, Санкт-Петербург 2006.
- Топоров В., *Петербургский текст русской литературы*, Санкт-Петербург 2003.
- Тынянов Ю., *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977.
- Шестов Л., *Афины и Иерусалим*, Москва 2007.
- Шмид В., *Проза А.С. Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина»*, пер. с нем., Санкт-Петербург 1996.
- Якобсон Р. *Работы по поэтике*, Москва 1987.

Парадокс как фигура мышления в статьях Л.И. Шестова о А.С. Пушкине

Резюме

В статье актуализируется религиозно-философский и литературоведческий подходы Л. Шестова к русской литературе и, прежде всего, творчеству А.С. Пушкина. Рассматривается метафизический дискурс литературной критики. Отдельное внимание уделено парадоксу как фигуре мышления в рецепции критиком А.С. Пушкина как личности и пушкинского текста. Отмечается парадоксальность Л. Шестова, обусловленная мировидением критика и его авторской моделью мира. Делается акцент на предпочтении литературы как предмету философского размышления Л. Шестова. Прослежены различные проявления точки зрения критика: художественная литература более адекватно выражает экзистенциалы человеческого бытия, чем традиционная философия. Подчеркивается, что философствование критика основывается на рациональном умозаключении и стремится к абсолютным и всеобщим правилам. Откровение Л. Шестова основывается на личной жизни и открывает путь к Богу. Выявлена центральная тема всех работ Л. Шестова – соотношение знания и веры, в частности, парадокс веры, ее предпосылки, импликаты и последствия.

Ключевые слова: критика, парадоксальность, дискурс, экзистенциал, А.И. Шестов, А.С. Пушкин.

Paradox as the Thinking Figure in L. Shestov's Articles About A.S. Pushkin

Abstract

In the article is updated the religious philosophical and literary approaches of L. Shestov to the Russian literature and, first of all, to Pushkin's creativity. The metaphysical discourse of literary criticism is studied. The separate attention is paid to paradox as a thinking figure in reception of the critic A.S. Pushkin as personality and the Pushkin text. Also noted L. Shestov's paradoxical that caused by world seeing of the critic and his author's model of the world. Emphasized the preference of literature as a subject of philosophical reflection of L. Shestov. Various manifestations of the point of view of the critic are tracked: the fiction is more adequately reflects the essence of human life, than traditional philosophy. It's also noted that

aural represents of the critic is based on the rational conclusion and strives for absolute and general rules. L. Shestov's revelation is based on private life and opens a way to God. The central theme of all works of L. Shestov is a ratio of knowledge and belief, in particular, paradox of belief, its prerequisites and implications.

Key words: criticism, a paradoxical, a discourse, existential, L. Shestov, A. Pushkin.

Нина Раковская

Кандидат филологических наук, доцент,

Зав. кафедрой мировой литературы

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Nina Rakovskaya, Ph.D

The chair Holder of World Literature Department

Odessa I.I. Mechnikov National University

+380506514032

Ольга Ушакова

«Русская литература в зарубежной рецепции»: содержание, методология, практика преподавания

Феномен восприятия русской литературы за рубежом – явление многостороннее, динамичное. Его особенности определяются как историческими факторами, так и национальными особенностями той или иной воспринимающей культуры. «Русская литература в зарубежной рецепции» – учебный курс для студентов-филологов, обучающихся в Тюменском государственном университете. Он относится к дисциплинам по выбору и читается в первом семестре для студентов четвертого курса. Основная цель – изучение динамики восприятия русской литературы в зарубежной культуре. В основе курса – стремление сформировать представление о национальной и глобальной значимости русской литературы как части общемирового культурного процесса. Студенты должны понять значение литературы как важного инструмента межкультурного общения, осмыслить место культуры России в мире.

При разработке концепции курса важно было организовать материал в диахроническом разрезе, а также обратиться к различным аспектам восприятия творчества конкретного автора или текста. В частности, мы рассматриваем историю вопроса при изучении таких тем, как «Развитие русско-зарубежных литературных связей в XVII–XIX вв.», «“Русский бум” в западной культуре первых десятилетий XX века», «Восприятие советской литературы и культуры на Западе», «Современная российская литература за рубежом». Ряд тем носит «монографический» характер: «И.С. Тургенев в восприятии зарубежной культуры», «Ф.М. Достоевский в восприятии зарубежной культуры», «Л.Н. Толстой в восприятии зарубежной культуры», «А.П. Чехов в восприятии зарубежной культуры».

Некоторые разделы предполагают обращение к конкретным, «инструментальным» вопросам освоения и восприятия русской литературы и культуры: русские писатели как персонажи зарубежной литературы, формы репрезентации русской литературы в современной зарубежной культуре, стереотипы восприятия «русского» и русской культуры. Такая методологическая неоднородность, разнонаправленность и многовекторность позволяют нам рассмотреть различные семантические поля процесса рецепции, многообразные типы межкультурной коммуникации, задействовать разные механизмы компаративистских исследований.

Критериями отбора материала являются его значимость для изучения поставленной темы, доступность (возможность отыскать тексты и видеоматериалы в университетской библиотеке и интернет-ресурсах) и наличие русского перевода (курс предназначен для студентов, изучающих русскую филологию, следовательно, у них могут быть разные иностранные языки и разная степень владения ими). Названным фактором объясняется некоторый «перекос» в сторону англоязычных источников, а также текстов на французском и немецком языках, которые хорошо представлены в переводах, – это именно те языки, которые позволяют студентам обратиться к оригиналу. Хотя следует отметить, что сами студенты иногда предлагают обсудить проблемы восприятия русской литературы в других языковых и культурных регионах, в том числе с использованием не переведенных на русский язык материалов (например, вопрос о рецепции русской литературы в Южной Корее).

Курс начинается с изучения темы «Развитие русско-зарубежных литературных связей в XVII–XIX вв.». Обращение к истории культурных контактов между Россией и Западом помогает увидеть истоки зарождения интереса к России как к иному, чужому и, во многом, «мифологическому» пространству. Материалом для освоения темы являются прежде всего исторические книги и путевые заметки европейских путешественников о России: *О государстве русском* Дж. Флетчера, *Россия, какой она была в 1711 году* Ч. Уитворта, *Путешествие в Сибирь* Ш. д'Отероша, *Десять лет в изгнании* Ж. де Сталь, *1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород* Э.Г. Эрстрема, *Россия в 1839 году* А. де Кюстина, *Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию* А. Дюма, *Путешествие в Россию* Т. Готье и т.д. Важным материалом для изучения представлений иностранцев о России (Московии) стали такие прозаические художественные тексты, как *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо...* Д. Дефо, *Дон Жуан* Дж.Г. Байрона, *Учитель фехтования* А. Дюма, *Михаил Строгов: курьер царя* Ж. Верна, *Вера, или Нигилисты* О. Уайлда; поэзия, в том числе двадцатый том *Поэзии мест У.* Лонгфелло и т.д.

Так, например, после открытия англичанами Северного морского пути в Россию образ далекой, экзотической страны, появившийся сначала в отчетах об экспедициях и путевых заметках, перекочевал в художественную литературу. «Русский миф» (холод, медведи, деспотия и т.п.) начинает активно формироваться в поэзии У. Уорнера, Дж. Тербервиля, Ф. Сидни, а также в пьесах Т. Нэша, К. Марло, У. Шекспира и др. В *Эпистолах стихотворных из Московии мистера Джорджа Тербервиля, секретаря мистера Томаса Рэндольфа, посла ее величества, к императору в 1568 году, с описанием сказанной страны, ее людей и обычаев* (*Certaine Letters in Verse Written by Master George Turberville, Out of Moscouia. Which went as Secretaire thither with Master Tho. Randolph, her Maisties Embassadour to the Emperour, 1568, to certain friends of his in London, describing the manners of the countrey and people*), опубликованных в 1589 г. Р. Хаклюйтом, дается «пейзаж», который будет воспроизводиться в последующей английской литературе:

И сам я не пойму, зачем сменили мы
Свой дом на сей Полярный край, обитель льдов и тьмы,

Дикарскую страну, где власть Закона спит
И только самовластный Царь прощает и казнит
По прихоти своей, и часто без вины.¹

Стереотипное представление о России как стране холода возникает в сцене переодевания в костюмы москвитов в комедии У. Шекспира *Бесплодные усилия любви* (*Love's Labour's Lost*). Принцесса (акт 5, сцена 2) обращается к «замороженным русским» («Twenty adieus, my frozen Muscovites»²); в русском переводе М. Кузмина этот пассаж передается в категориях погоды:

Принцесса: Желаю всем вам русской я погодки!³

В комедии *Мера за меру* (акт 2, сцена 1) Анджелло сравнивает затянувшуюся дискуссию с длинной русской ночью:

Все это тянется, как ночь в России, когда она всего длиннее там⁴ (“This will last out a night in Russia, When nights are longest there”⁵).

Медведь как свирепый, мощный «русский» зверь (“the rugged Russian bear”⁶) появляется в *Макбете* (*The Tragedy of Macbeth*. Акт 3, сцена 4):

Макбет: Я отважусь на все, что может человек. Явись медведем русским, страшным носорогом, гирканским тигром, чем-нибудь другим, и я не дрогну⁷ (в русском переводе Б. Пастернака эпитет *rugged* исчезает).

Характеристика в *Бесплодных усилиях любви* Розалиной русских (акт 5, сцена 2), которая звучит как *Well-liking wits they have; gross, gross; fat, fat*⁸ (в русском переводе: *покрылся жиром ум со всех боков*⁹), напоминает пассаж из эпистолы Тербервиля:

Русин сложенем толст, у большинства живот
Подобьем грузного мешка свисает на перед.
Лицом они круглы, а цвет лица багров –
Должно быть, это от печей и духоты домов.¹⁰

Такая переключка свидетельствует о том, что мы имеем дело со стереотипными образными модулями, которые стали складываться с самого начала

¹ Г.М. Кружков, *Избранные переводы: В 2 т.*, т. 1, Москва 2009, с. 56–57.

² W. Shakespeare, *The Complete Works*, Oxford University Press 1988, с. 300.

³ У. Шекспир, *Полное собрание сочинений в одном томе*, Москва, 2009, с. 269.

⁴ У. Шекспир, *Указ соч.*, с. 794.

⁵ W. Shakespeare, *The Complete Works*, с. 795.

⁶ Там же, с. 988.

⁷ У. Шекспир, *Указ соч.*, с. 872.

⁸ W. Shakespeare, *The Complete Works*, s. 300.

⁹ У. Шекспир, *Указ соч.*, с. 269.

¹⁰ Г.М. Кружков, *Указ соч.*, с. 56.

осмысления российской действительности в литературе. Схожих примеров из художественных и документальных текстов набирается относительно много, что иногда воспринимается студентами (впрочем, как и некоторыми критиками в работах на эту тему) не только как отражение реальной действительности, но и как проявление русофобии авторов, пишущих о России. Подобное восприятие материала также не ново и имеет длительную традицию. В качестве контекстного литературного фона для обсуждения этой проблемы привлекаются переписка Екатерины Второй с Вольтером и Д. Дидро, ее же *Антидот*, представления европейцев о России, отраженные в *Письмах русского путешественника* Н.М. Карамзина и т.п. Так, Екатерина Вторая в своем *Антидоте* (1770), содержащем детальный критический разбор *Путешествия в Сибирь* Ж. Шаппа д'Отероша (1768) утверждает:

Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как о народе русском [...]. Все, кто писал о России, были иностранцами, которые по незнанию языка и страны говорили скорее о том, что им казалось, нежели о том, что они действительно видели.¹¹

Первый этап освоения дисциплины является вводным, он помогает понять, что, обращаясь к теме России в европейском сознании в период с XVI по XIX вв., мы говорим не столько о русской культуре, сколько о географическом пространстве, поражающем своей инаковостью и другими весьма экзотическими параметрами. Представленный в упомянутых трудах образ России и русского человека, лишенный в своих основных структурных составляющих последующего культурного и литературного «ореола», иногда смущает современного студента, кажется ему тенденциозным и однобоким. Тем не менее, этот историко-культурный экскурс позволяет аудитории увидеть динамику восприятия России в зарубежной культуре, понять, насколько важны литература и искусство для создания в ином культурном пространстве «цивилизованного» образа страны и населяющих ее людей.

Литературные тексты русских писателей, уходящие корнями в общеевропейскую традицию и вызвавшие огромный интерес у западного читателя, становятся прочной платформой для появления общеевропейского интеллектуального и духовного континуума. Перелом в восприятии иностранцами России происходит после появления произведений русских писателей в переводах на основные европейские языки. Поэтому особое внимание уделяется нами значению книги Э.-М. де Вогюэ *Русский роман (Le Roman Russe, 1886)*, важной вехи в признании русской литературы XIX века на Западе в качестве фактора общеевропейской культуры и символа существенной трансформации образа России, кардинальной смены рецептивной парадигмы.

В качестве самостоятельной работы студентам предлагается сделать сообщение и представить письменную работу по одной из предложенных тем. Список тем для докладов дается в начале семестра, их диапазон весьма широк: от темы «Сибирь в романе Д. Дефо *Жизнь и удивительные приключения*

¹¹ Государыня Императрица Екатерина Вторая. *Антидот*, [в:] Э. Каррер д'Анкосс, Императрица и аббат. *Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша*, Москва 2005, с. 229.

Робинзона Крузо...» до «Холодная война и литература» или «Россия и русские в современной британской прозе». Приветствуются и темы, которые предлагают сами студенты. Следует отметить, что эти сообщения, как правило, вызывают живую реакцию, многочисленные вопросы и часто заканчиваются интересной и плодотворной дискуссией. Для обсуждения на занятиях также предлагаются литературные тексты, так или иначе связанные с темой России и русской литературы: *Десять дней, которые потрясли мир* (*Ten Days That Shook the World*) Дж. Рида, *Россия во мгле* (*Russia in the Shadows*) Г. Уэллса, *Рождественские каникулы* (*Christmas Holiday*) С. Моэма, *Праздник, который всегда с тобой* (*A Moveable Feast*) Э. Хемингуэя, *Идеаль* (*Au secours pardon*) Ф. Бегбедера, *В Эрмитаж!* (*To the Hermitage*) М. Брэдбери, *Осень в Петербурге* (*The Master of Petersburg*) Дж.М. Кутзее, *Берег утопии* (*The Coast of Utopia*) Т. Стоппарда и др. В качестве самостоятельной работы также предлагается аналитическое конспектирование статей, раскрывающих поставленные проблемы, например, эссе В. Вульф *Русская точка зрения* (*The Russian Point of View*)¹² или статья современного британского исследователя Д. Эйрза *Крайтерий и коммунизм* (*"The Criterion" and Communism*)¹³; участие в коллоквиумах, например, по теме «Восприятие России на Западе: мифы и реальность» на обсуждение выдвигаются следующие вопросы: политический миф; литературный миф; набор клише и стереотипов; русская национальная концептосфера: взгляд изнутри и извне; понятие «русскость»; Россия в зарубежной художественной литературе (Э. Берджес, М. Брэдбери, Ф. Бегбедер) и др. Большой интерес у студентов вызывает тестирование. Примеры тестов:

Тест № 1. Дж. Джойс высоко ценил таких русских писателей, как (выбрать):

а) А.С. Пушкин; б) М.Ю. Лермонтов; в) Ф.М. Достоевский; г) Л.Н. Толстой.

Тест № 2. Д.Г. Лоуренс перевел на русский язык (выбрать):

а) *Дым* И.С. Тургенева; б) *Анна Каренина* Л.Н. Толстого; в) *Господин из Сан-Франциско* И.А. Бунина.

По мере возможности мы обращаемся к просмотру (коллективному или индивидуальному) экранизаций произведений русской литературы, театральных постановок, записей концертов и видеоклипов (например, исполнение песен Б. Окуджавы польскими артистами, тексты русских поэтов в песнях Э. Демарчик).

Естественно, что такой обширный и разнородный материал приводит к нестандартным, новым поворотам и неожиданным ракурсам в процессе обучения. Так, в этом учебном году изучение первой темы «Развитие русско-зарубежных литературных связей в XVII–XIX вв.» было завершено коллективным просмотром фильма А. Сокурова *Русский ковчег* (*Russian Ark*, 2002) и последующей дискуссией. Таким образом, мы органично перешли от обсуждения путевых заметок *Россия в 1839 году* (*La Russie en 1839*) А. де Кюстина (*Astolphe*

¹² В. Вульф, *Русская точка зрения*, [в:] *Писатели Англии о литературе*, Москва 1981.

¹³ D. Ayers, „*The Criterion and Communism*“, [в:] *Отображение и интерпретация истории в культуре США*, Москва 2009.

de Custine) к фильму, где он является главным героем (Путешественник, маркиз де Кюстин в исполнении С. Дрейдена). Фильм, прежде всего, интересен в контексте изучаемой темы с точки зрения основных культурных стереотипов и «тэгов» („tags“), узнаваемых ключевых культурно-исторических образов в восприятии России. Многие студенты охарактеризовали фильм как краткий, популярный «справочник» для зарубежного зрителя. Этот фильм, как правило, вызывает неоднозначную реакцию у аудитории, и не только из-за своего необычного художественного языка; он воспринимается как «продукт на экспорт», не интересный отечественному зрителю. В ходе нынешней дискуссии, которая неизбежно перешла в спор о стереотипах и национальных мифах, аудитории было предложено представить сюжеты, которые они бы хотели показать иностранцам. Оказалось, что это не слишком простая задача, так как многие стереотипы, как правило, имеют под собой реальную почву (включая «пресловутых» медведей на улицах). Одним из интересных вариантов разрушения стереотипов оказалось предложение показать современную Россию как часть глобального мира, «глобальной деревни» с узнаваемыми атрибутами («гамбургеризация», рок-музыка, интернациональная молодежная мода и хобби и т.п.). Оживление вызвало намерение снять фильм не о холодной русской зиме, а о жарком, знойном сибирском лете.

Другим примером того, как можно отступить от строгой последовательности в освоении материала, может служить изучение темы «И.С. Тургенев в восприятии зарубежной культуры». Традиционно на лекциях рассматривается история переводов Тургенева на европейские языки; Тургенев как путешественник и «гражданин мира», личные контакты Тургенева с зарубежными писателями (П. Мериме, Г. Флобер, Г. де Мопассан, Э. Золя, братья Гонкур, Дж. Элиот, Э. Тrollop, Г. Джеймс и др.)¹⁴. Большой интерес у аудитории обычно вызывают те оценки и аспекты восприятия личности и творчества Тургенева за рубежом, которые расходятся со сложившимися в отечественной культуре стереотипами. Так, например, студенты обычно живо реагируют на сообщение о том, что на Западе творчество Тургенева воспринималось как действенный фактор в процессе отмены крепостного права в России в 1861 г.:

Иван Тургенев был первым в истории писателем, получившим почетную докторскую степень в Оксфорде (1879), Впрочем, награждение Тургенева имело некоторый политический оттенок: в пригласительном письме было указано, что он награждается степенью за «труды [...] по освобождению крестьян»¹⁵.

На этот раз переходным звеном от данного аспекта к другим разделам курса стал вопрос о восприятии творчества Тургенева О. Уайлдом. Отправной пункт – мифологизация русской действительности в пьесе О. Уайлда *Вера, или Нигилисты* (*Vera, or the Nihilists*, 1880), ключевым словом стало «нигилисты». В диалоге *Упадок лжи* (*The Decay of Lying*, 1889) Уайлд, обосновывая принципы своей теории «искусства для искусства», замечает:

¹⁴ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2-х т., т. 2, Москва 1983.

¹⁵ М. Кизилов, *Русские в Оксфорде: краткий обзор истории*, [в:] *Русское присутствие в Британии*, Москва 2009, с. 107.

Нигилист, сей странный страдалец, лишенный веры, рискующий без энтузиазма и умирающий за дело, которое ему безразлично, – чистой воды порождение литературы. Его выдумал Тургенев, а довершил его портрет Достоевский...¹⁶.

В процессе анализа этого экстравагантного заявления Уайлда мы выходим, с одной стороны, к исследованию реального исторического контекста тургеневского творчества, с другой – к Тургеневу как литературному персонажу, герою произведения современной драматургии. Попутно выясняется, что тезис Уайлда, важный для выработки его собственных эстетических взглядов, не отличался оригинальностью, переключаясь с высказываниями современников, например, Г. де Мопассана (очерки *Изобретатель слова «нигилизм»* (*L'inventeur du mot «nihilisme»*), 1880, *Иван Тургенев* (*Ivan Tourgueniev*), 1883):

Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети». И этих новых сектантов, обнаруженных им во взволнованной народной толпе, он называет нигилистами, подобно тому как натуралист дает имя неведомому живому организму, существование которого он открыл¹⁷.

От контекста мемуарно-документального и эстетического был сделан переход еще к одному пространству освоения как личности Тургенева, так и «изобретения» им понятия «нигилисты», современному и художественному. В трилогии английского драматурга Т. Стоппарда *Берег утопии* (*The Coast of Utopia*, 2002) дается авторская версия процесса создания Тургеньевым типа нигилиста:

Тургенев. Совершенно ничего?

Доктор. Ничего.

Тургенев. Вы не верите в принципы? В прогресс? Или в искусство?

Доктор. Нет, я отрицаю абстракции.

Тургенев. Но вы верите в науку.

Доктор. В абстрактную науку – нет. Сообщите мне факт, и я соглашусь с вами. Два и два – четыре. Остальное – конский навоз. Вам не нужна наука, чтобы положить хлеб в рот, когда вы голодны. Отрицание – это то, что сейчас нужно России.

Тургенев. Вы имеете в виду народу, массам?

Доктор. Народ! Он более чем бесполезен. Я не верю в народ. Даже освобождение крестьян ничего не изменит, потому что народ сам себя ограбит, чтобы напиться.

Тургенев. Что же вы в таком случае предлагаете?

Доктор. Ничего.

Тургенев. Буквально ничего?

Доктор. Нас, нигилистов, больше, чем вы думаете. Мы – сила.

Тургенев. Ах да... нигилист. Вы правы, мы не встречались раньше. Просто я всё искал вас, сам того не зная...¹⁸.

¹⁶ О. Уайльд, *Упадок лжи*, [в:] О. Уайльд, *Избранные произведения: В 2-х т.*, т. 2, Москва 1993, с. 235.

¹⁷ Ги де Мопассан, *Иван Тургенев*, [в:] *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников*, т. 2, с. 260.

¹⁸ Т. Стоппард, *Берег Утопии: Драматическая трилогия*, Москва 2006, с. 432–433.

Расширение контекста дискуссии о генезисе и развитии русского нигилизма произошло также за счет обращения к роману южноафриканского писателя, лауреата Нобелевской премии Дж.М. Кутзее *Осень в Петербурге* (*The Master of Petersburg*, 1994), посвященного вымышленной истории из жизни Ф.М. Достоевского. Кутзее устами своего героя также говорит о нигилизме как о специфически русском явлении:

Только не мода. То, что вы зовете нечаевщиной, всегда существовало в России, разве что под другими именами. Нечаевщина – явление такое же русское, как разбой¹⁹.

Логическим завершением обсуждения данной темы послужили идеи И. Берлина о современном нигилизме, ставшем всемирной идеологией, изложенные им в эссе *Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов* (*Fathers and Children: Turgenev and the Liberal Predicament*, 1972):

Этот болезненный конфликт, который стал постоянным затруднением русских либералов на полвека, сейчас распространился на весь мир. Мы должны ясно понимать: сегодня герои мятежа не Базаровы. В каком-то смысле Базаровы выиграли. Победное продвижение количественных методов, вера в организацию человеческой жизни с помощью технологического управления, упование на один лишь расчет утилитарных последствий при выработке политики, которая затрагивает огромные массы людей, – это Базаров, а не Кирсановы²⁰.

Таким образом, рассмотрев различные формы рефлексии вокруг понятия «нигилисты», мы не только обратились к разным сторонам освоения личности и творчества Тургенева за рубежом, но и перешли к анализу современного художественного текста (трилогии Стоппарда), одного из наиболее важных произведений о русской культуре и литературе последних двух десятилетий. *Берег утопии*, в свою очередь, может вывести нас к рецепции деятельности за рубежом русских социал-демократов, в частности, А.И. Герцена; к истории проникновения на Запад идей «нигилизма» и «анархизма»; к проблеме русской эмиграции; к художественному осмыслению «нигилистической» темы в современном западном искусстве (например, к сравнению интерпретации *Бесов* Ф.М. Достоевского в польском кинематографе и театре – *Бесы* А. Вайды и *Бесы* К. Ясинского) и т.п.

Все вышесказанное отражает лишь небольшую часть работы над курсом «Русская литература в зарубежной рецепции», касается лишь некоторых проблем организации материала, его подачи и освоения. В целом же преподавание данной дисциплины – процесс живой, несущий в себе дискуссионное начало, динамичный, предполагающий постоянное обновление части материала, новые ракурсы и концептуальные решения.

¹⁹ Дж.М. Кутзее, *Осень в Петербурге*, Москва–Санкт-Петербург 2009, с. 63.

²⁰ И. Берлин, *История свободы. Россия*, Москва 2014, с. 176.

Литература

Алексеев М.П., *Русско-английские литературные связи конца 18–начала 19 века*, Москва 1982.

Бегбедер Ф., *Идеаль*, Москва 2012.

Берджес Э., *Заводной апельсин*, Москва 2004.

Брэдбери М., *В Эрмитаж!*, Москва 2003.

Дюма А., *Из Парижа в Астрахань*, «Вокруг света» 1991, Июнь.

Королева С.Б., *Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов)*, Нижний Новгород 2012.

Кулешов В.И., *Литературные связи России и Западной Европы*, Москва 1977.

Кутзее Дж.М., *Осень в Петербурге*, Москва 2009.

Кюстин А., *Россия в 1839*, Москва 2007.

Мериме П., *Статьи о русской литературе*, Москва 2003.

Михайлов А.В., *Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей*, Москва 2000.

Мозэм С., *Рождественские каникулы*, Москва 2010.

Писатели Англии о литературе. XIX–XX вв.: Сб. ст., Москва 1981.

Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов), Москва 1991.

Рид Дж., *Десять дней, которые потрясли мир*, Москва 1987.

Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев, Москва 1991.

Стоппард Т., *Берег Утопии: Драматическая трилогия*, Москва 2006.

Уитворт Ч., *О России, какой она была в 1710 году*, Москва–Ленинград 1988.

Ушакова О.М., *Образы России в творчестве Т.С. Элиота*, [в:] *Американские исследования в Сибири*, вып. 8, Томск 2005.

Уэллс Г., *Россия во мгле*, Москва 1958.

Хемингуэй Э., *Праздник, который всегда с тобой*, Москва 2003.

«Русская литература в зарубежной рецепции»: содержание, методология, практика преподавания Резюме

В статье представлен материал, связанный с преподаванием курса «Русская литература в зарубежной рецепции». Автор обращается к содержанию курса, проблемам методики преподавания, рассматривает вопросы, посвященные освоению конкретных тем (мифы о России, Тургенев и русский нигилизм в восприятии западной культуры и т.п.).

Ключевые слова: рецепция, русская литература, стереотипы восприятия, мифы о России, нигилизм.

**“The Reception of Russian Literature Abroad”:
Course Content, Methodology, Teaching Practice**

Abstract

The paper presents the material of the course “The Reception of Russian Literature Abroad”. The author considers the course content, the methodology problems, some issues studied (myths about Russia, reception of Turgenev and Russian nihilism in the West, etc.).

Key words: reception, Russian Literature, stereotypes, myths about Russia, nihilism.

Ольга Ушакова
Доктор филологических наук
Тюменский государственный университет

Olga Ushakova
Department for Foreign Literature
Tyumen State University
e-mail: olmiva@rambler.ru
+79224778409

Светлана Фокина

Миф о Дидоне в подтексте стихотворения И. Бродского *Горение*¹

Лирика Иосифа Бродского, обращенная прямо или имплицитно к Марине Басмановой, зачастую отличается в дискурсе поэта совмещением интимности, исповедальности и иронии, а также поликодовостью символики. Не менее показателен фактор концептуализации поэтического двойника возлюбленной с помощью насыщения интертекстуальными отсылками, как лирического сюжета, так и образов обоих коммуникантов. Один из наиболее ярких и неоднозначных случаев концептуализации И. Бродским поэтического двойника М. Басмановой предстает в стихотворении *Горение* 1981 года.

Обращаясь к прочтению *Горения* Бродского исследователь сталкивается с противоречивой ситуацией изученности данного текста. Бродсковеды признают *Горение* одним из лучших образцов любовной лирики поэта. Среди заслуживающих внимания полноценных работ литературоведов, обращенных к изучению художественной специфики *Горения* следует назвать прежде всего статьи И. Шайтанова и И. Бобяковой.

И. Бобякова утверждает, что разворачивающаяся бродсковская метафора, выступающая призмой мировидения, позволяет в конечном итоге «обозреть с более дальней дистанции всё человечество, заметить его общую историю, судьбу, цикличность всего происходящего в мироздании»².

По мысли И. Шайтанова, *Горение* является текстом, который «одни числят среди лучших созданий Бродского, [...] другие отшатываются как от богохульного, который в любом случае является одним из наиболее “метафизических” у поэта»³. Действительно, отзывы современников были как восторженные, так и негативные.

¹ Доклад, материалы которого вошли в переосмысленном и доработанном виде в текст данной статьи, был представлен на XVII Международной научной конференции «Русистика и современность», проходившей 13–16 октября 2014 года в городе Бордо (Франция).

² И.В. Бобякова, *Мир глазами одной метафоры: «Горение» И. Бродского*, [в:] *Пристальное прочтение Бродского: Сборник статей*, под ред. В.И. Козлова, Ростов-на-Дону 2010, с. 63.

³ И. Шайтанов, *Уравнение с двумя неизвестными: Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский*, [в:] *Компаративистика и / или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики*, Москва 2010, с. 265.

При столь неоднозначных оценках стихотворения, по сути повышающих читательский интерес, включение *Горения* в научный поиск не было в достаточной мере реализовано в работах ведущих бродсковедов: В. Полухиной, Л. Лосева, А. Ранчина, Е. Петрушанской и др. Несмотря на стратегии истолкования *Горения*, предложенные И. Шайтановым и И. Бобяковой, данный текст заслуживает пристального внимания. Явно неисследованными в *Горении* остаются интертекстуальные отсылки и мифологические коннотации, обуславливающие своеобразие концептуализации поэтического двойника Марины Басмановой. Несомненно, что выявление данных аспектов открывает новые грани смыслового потенциала произведения.

Процесс концептуализации И. Бродским поэтического двойника М. Басмановой, как правило, обусловлен тем, какой образ выполняет функцию посредника коммуникации в лирическом послании. Таким посредником может выступать цветок, зеркало, пламя.

Тема огня главная в тексте *Горения*. Именно в пламени воскресает женский образ, отличающийся пассионарностью и отсылающий к биографическому прототипу – возлюбленной И. Бродского Марине (Марианне) Басмановой, которой и посвящено стихотворение.

Согласно утверждению Л. Лосева, «стихи, посвященные “М. Б.», центральны в лирике Бродского», более того, «вложенный в них духовный опыт» стал «тем горнилом, в котором выплавилась [...] поэтическая личность» их автора⁴.

Не менее характерно и замечание Л. Лосева о том, что в восприятии И. Бродского его подруга Марина Басманова представала «воплощением ренессансных дев Кранаха (в частности, он имел в виду эрмитажную *Венеру с яблоками*)»⁵. Показательна установка сознания И. Бродского подыскивать для своей возлюбленной ипостаси в культуре. Такая мифологизация, проявившаяся вначале на уровне восприятия «другого», впоследствии стала важной частью мифа Бродского в целом и непосредственно лирики, обращенной к М. Басмановой.

В *Горении* воспоминания, вызванные созерцанием огня, усложняются включением смысловых пластов личной биографии автора, а также различными интертекстами и мифологемами, возникновение которых определяется символикой огня.

В осмыслении Г. Башляра «огонь представляется носителем одной из наиболее таинственных, трудно определимых, а значит, самых удивительных ценностей»⁶. Огонь, будучи традиционно мужской стихией, в лирическом послании И. Бродского связывается с неиствующим женским началом. Именно огненная стихия воссоединяет коммуникантов, являя перед лирическим героем женский образ.

Коммуникативный процесс разворачивается в стихотворении в нескольких плоскостях. Направление коммуникации определяется в плане углубления в воспоминания, переживания прежней страсти и самопознания лирического героя. Посредником потенциального общения с призраком

⁴ Л. Лосев, *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*, Москва 2008, с. 72–73.

⁵ Там же.

⁶ Г. Башляр, *Психоанализ огня*, пер. с франц. Н. Кислова, Москва 1994, с. 156.

возлюбленной выступает огонь. Именно огненная стихия воссоединяет коммуникантов, являя перед лирическим героем женский образ.

Проглядывающая в пламени «женская голова» предстает растрепанной ветром («...как женская голова / ветренным ясным днем»). Метафорическая невозможность причесанности («Не провести пробор / Гребнем не разделить») соотносится на уровне подтекста с мифологическими и фольклорными представлениями. Таким образом, гребень предстает волшебным предметом, с помощью которого осуществляется не только условное подчинение и возможность любовного приворота, но и символическое разделение расстоянием. Пробор оказывается своего рода эмблемой границы, означающей неизбежность разлуки между коммуникантами. Колдовские потенции, связанные со струящимися женскими волосами, обыгрывают ипостась Лилит, вызывая ассоциации с тем, какой она предстает в первой части *Фауста* И.Г. Гёте во время шабаша в Вальпургинову ночь:

Мефистофель:

[...]

Знать хочешь, кто она? Всмотрись: Лилит.

[...]

Первая жена Адама. Берегись косы ее касаться:

Коса – ее единственный убор.

Кого она коснется, тот с тех пор

Прикован к ней, не может с ней расстаться.⁷

Разгораясь, пламя отождествляется с возлюбленной лирического героя и начинает обретать также иные ипостаси. Одна из них – Мария Магдалина, составляющая пару Христу. Отсылкой становятся строки «Назорею б та страсть, / воистину бы воскрес!». Образ Магдалины интертекстуально связывает стихотворение И. Бродского с циклом М. Цветаевой *Магдалина*, где лирическая героиня представлена иступленной, своего рода персонификацией страсти, в своей любви-преклонении Христу. Как отметил сам И. Бродский в эссе, посвященном осмыслению данного цветаевского цикла, «имя – Мария Магдалина – анаграмматически содержит в себе имя Марина – тем более что для русского слуха “Мария” и “Марина” не слишком дифференцируются»⁸. Интертекстуальные связи также способствуют обыгрыванию в бродсковском лирическом послании мотивов из поэмы М. Цветаевой *Переулочки*. Характерно, что в образе лирической героини цветаевских *Переулочков* доминировали автометаописательные потенции, проявившиеся даже в выборе поэтессой прасовны сюжета – былины *Добрыня и Маринка*. Так совпадение имени Марина адресата бродсковского лирического послания – М. Басмановой и автора цикла *Магдалина* – М. Цветаевой актуализирует появление в подтексте *Горения* образа колдуньи Маринки.

⁷ И.В. Гете, *Фауст*, пер. с нем. Н. Холодковского, комм. Н. Вильмонта, [в:] *Избранные сочинения: в 3 т.*, т. 2, Москва 2004, с. 207.

⁸ И. Бродский, *Примечание к комментарию*, [в:] *Собрание сочинений: 7 т.*, т. 7, общ. ред. Я.А. Гордин, Санкт-Петербург 2001, с. 187.

В тексте И. Бродского демонические коннотации женского образа задают тему одержимости страстями. Обретенная ипостась менады становится воплощением опасности огня («Как менада пляши / С закушенной губой»). Характерно, что огненная стихия традиционно связана с Дионисом. Такая смысловая нагрузка трансформирует тему Магдалины в ключе дионисийства. Кроме того, огонь часто выступает эмблемой страсти и творческого горения.

Но наиболее интересна ипостась Дидоны, обретаемая женским образом, которая связывает мотив любовной разлуки и тему пламени.

Тема огня и сгорания интертекстуально отсылает к мифологеме Дидоны, не пережившей разлуки с Энеем и сжегшей себя на костре. Миф о Дидоне в стихотворении *Горение* наиболее завуалированный. Дидона, прямо не будучи названной, предстает центральной ипостасью женского образа. Умалчивание имени карфагенской царицы активизируют важность ее неявного, мерцающего присутствия и соотнесения лирического героя, синонимичного автору, с Энеем. Ипостась Дидоны, обретаемая женским образом, соотносит мотив любовной разлуки и тему пламени. Дидонов миф и коды, с ним связанные, принципиально важны для прочтения смысловых оттенков лирического послания и метафоры огня.

Подтверждением скрытого в тексте И. Бродского кода Дидоны становится метаописательный характер энеевого мифа для биографии самого поэта. Е. Петрушанская уверена, что «ключом Энея» открываются скрытые смыслы некоторых поздних стихотворений⁹ лирической системы И. Бродского. Перспективным представляется для прочтения авторских коннотаций поэта «пунктирно прочертить линию такой “энеиды”, начиная с “Дидоны и Энея”»¹⁰. При этом в поле бродсковской «энеиды» исследовательница не включает *Горение*, не усматривая в подтексте миф о Дидоне.

Дидона и Эней появляются в лирике поэта начиная с 1969 года (*Дидона и Эней* 1969, *Декабрь во Флоренции* 1976, *Памяти Н.Н.* 1992, *Искья в октябре* 1993). Первоначально для И. Бродского было важно ахматовское истолкование дидоновой темы. Более того, в его ментальном универсуме сама Анна Ахматова становится одним из новых воплощений Дидоны, чему способствовало и ее творчество, в частности цикл *Шиповник цветет*.

В одном из своих интервью И. Бродский рассказал о тех факторах, которые способствовали созданию в 1969 году *Дидоны и Энея*:

Было два обстоятельства. Первое из них – цикл стихотворений Анны Ахматовой о Дидоне и Энее. Она написала их после расставания с любимым. Себя она представила Дидоной, а того человека – таким Энеем [...] Второе, что более или менее навело меня написать это стихотворение, стала опера Генри Пёрселла “*Дидона и Эней*” [...] Здесь идет речь о любви и о том, что есть предательство в любви¹¹.

⁹ Е.М. Петрушанская, *Музыкальный мир Иосифа Бродского*, Санкт-Петербург 2007, с. 138.

¹⁰ Там же.

¹¹ И. Бродский, *Муза в изгнании: интервью Анн-Мари Брам для журнала Mosaic. A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas* 1974 г., [в:] *Иосиф Бродский: Большая книга интервью*, сост. и коммент. В. Полухина, Москва 2000, с. 26–27.

Тема «предательства в любви» открывала для И. Бродского возможность переосмысления прежних неоднозначных отношений с Мариной Басмановой, которой поэт посвятил книгу стихов *Новые стансы к Августе*, а также в 1981 году *Горение*, позже вошедшее в вышеуказанный сборник.

В стихотворении Бродского разговор лирического героя с пляшущими языками огня и проглядывание в их бликах образа прежней возлюбленной, обыгрывает ситуацию встречи Энея с Дидоной, превратившейся в царстве теней в призрак.

В культуре Дидона имеет как минимум три важные ипостаси, центрирующие понимание ее мифологемы. Первая и основная – героиня *Энеиды* Вергилия, не прощающая Энея и остающаяся непримиримой, даже став тенью. Вторая ипостась Дидоны – упоминание Данте ее имени во втором круге ада среди сладострастников. Третья культурная составляющая мифологемы Дидоны реализована в опере Генри Пёрселла.

Энеида Вергилия знает три узловых момента взаимоотношений Энея и Дидоны. Первый – прибытие троянского героя в Карфаген, где он гостеприимно принят царицей и вскоре становится ее возлюбленным:

Принят Дидоной он был и ложа ее удостоен¹².

Кульминация этой ситуации – иступленная страсть, охватившая обоих. Второй виток – покинутая Дидона, не переубедившая Энея отказаться от своего предначертания ради ее любви, не может пережить предательства и совершает самоубийство, восходя на костер. Заключительной стадией становится встреча Энея с Дидоной в царстве теней, где карфагенская царица, вопреки энеевым словам к ней обращенным, не удостаивает прежнего возлюбленного взглядом:

Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет
Речью такую Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы.
Но отвернулась она и глаза потупила в землю...¹³

Вариант Вергилия подразумевает непреодолимость расстояния между бывшими любовниками. При этом встреча Энея и Дидоны в царстве теней способствует энееву самопознанию.

Все три поворота в судьбе Дидоны, описанные Вергилием, своеобразно преломляются в бродсковском *Горении*. Женский образ наделяется иступленной страстью, память о которой хранит лирический герой, невзирая на годы разлуки и взаимной отдаленности. Костер, на котором сожгла себя Дидона, становится связывающим звеном между огнем в камине и ожившем воспоминанием о прежней любви. Не менее значим отказ Дидоны поднять глаза на Энея в царстве теней.

¹² Вергилий Публий Марон, *Энеида*, пер. с лат. С. Ошерова, [в:] *Энеида. Поэзия, мифология*, Москва 2001, с. 68.

¹³ Там же, с. 116.

Как подчеркивает В. Топоров, «у Энея с Дидоной – полное разъединение [...]. Встреча обернулась невстречей, а со стороны Дидоны – отталкиванием и вторым, уже ею предпринятым разрывом»¹⁴. В стихотворении И. Бродского принципиально сопровождающее встречу после разлуки («мы снова наедине») молчание женской ипостаси, проглядывающей в огне:

Я всматриваюсь в огонь.
На языке огня
раздается «не тронь»
и вспыхивает «меня!»¹⁵

Лирическое послание *Горение* дает возможность прочтения кода Дидоны в характерологическом, символическом и эротическом ключе. По замечанию Г. Башляра, «человеческое тело наводит на мысль о точках огня»¹⁶ лентным характером, способствующим смыслопорождающему потенциалу. В эссе *Секс и страх* П. Киньяр замечает: «Быть желанной без конца – значит быть ценностью, которую ничто не может уменьшить. [...] Это сцена Вергилия, в которой Эней находит в аду Дидону...»¹⁷. Призрак Дидоны, утративший всякую телесность, в своей укоризне, отказе примирения и прямого взгляда стремится к доминирующей роли в судьбе Энея, пусть даже посмертной и негативной. Отсутствием прощения Дидона сохраняет свою важность для Энея.

В лирическом послании И. Бродского предельно подчеркивается пассивный, неиствующий характер женской ипостаси, а ее сдерживаемый гнев и отсутствие прямого взгляда оказываются сродни дидонову пылкому негодованию:

может открыться взор,
способный испепелить¹⁸.

В семантическом поле концепта «горение» дым от пламени, задающий как эротические коннотации, так и обыгрывающий тему устремленности к трансцендентальным силам жертвенного огня, оборачивается дымом от погребального костра карфагенской царицы:

Пылай, полыхай, грехи,
захлебывайся собой.
[...]
Тот, кто вверху еси,
да глотает твой дым!¹⁹

¹⁴ В.В. Топоров, *Эней – человек судьбы*, т. 1, Москва 1993, с. 32.

¹⁵ И.А. Бродский, *Горение*, [в:] И.А. Бродский, *Собрание сочинений: 7 т., т. 3.*, сост. Г.Ф. Комаров, Санкт-Петербург 2001, с. 29.

¹⁶ Г. Башляр, *Психоанализ огня...*, с. 120.

¹⁷ П. Киньяр, *Секс и страх*: эссе, пер. с франц. И. Волевич, Санкт-Петербург 2007, с. 62.

¹⁸ И.А. Бродский, *Горение*, с. 29.

¹⁹ Там же, с. 30.

В ментальном универсуме И. Бродского Дидона наделяется статусом персонифицируемой страсти. «Встреча» с призраком прежней возлюбленной, обретающей ипостась Дидоны, воплощающей эротическое начало и жертвенность, неизменно переживаются лирическим героем *Горения* каждую зиму:

Пылай, пылай предо мной,
[...]
пламя еще одной
зимы! Я узнаю²⁰

На античные ассоциации, столь важные для И. Бродского, накладываются не менее значимые, связанные с *Божественной комедией* Данте. С помощью интертекстуальных отсылок расширяется смысл образов и метафор стихотворения. Холод зимы, в котором пребывает лирический герой, оборачивается не только ощущением одиночества, но и холодом дантового *Ада*.

В пятой песне *Ада*, посвященной кругу второму, упомянута Дидона:

[...]
Так предо мной, стеная, несся круг

Теней, гонимых вьюгой необорной;
[...]
Так и они, паря во мгле гнетущей,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветвенно зовущий²¹.

Присутствие Дидоны среди сладострастников свидетельствует о принципиальном продолжении автором *Божественной комедии* вергилиевской линии в истолковании «злосчастной» судьбы царицы Карфагена. Данте по-смертно разъединяет неприкаянную «сладострастницу» Дидону и Энея – прародителя Рима и Италии – соответственно праведника в дантовом мироустройстве, находящегося в Лимбе среди великих язычников. В контексте *Божественной комедии* – несомненно, знакового текста для И. Бродского, пару Дидона / Эней в лирическом послании *Горение* дополняет и оттеняет пара Данте / Беатриче. В. Полухина замечает, у «Бродского есть своя Беатриче, он посвящает ей все стихотворения из книги *Новые стансы к Августе*; более того, некоторые из них напоминают об отношении Данте к Беатриче»²². Как недостижим для Дидоны Эней, так же отдалена от Данте реальная и мифологизированная Беатриче, стремление соединения с которой, связывается с прохождением Ада, Чистилища и достижением Рая. Трагичность участи Дидоны и лирического героя, вспоминающего прошлое, глядя на огонь, в том,

²⁰ Там же, с. 29.

²¹ Данте Алигьери, *Божественная комедия. Новая жизнь. Стихотворения, написанные в изгнании. Пир*, пер. с итал., Москва 1998, с. 41–42.

²² В. Полухина, *Кланяясь великим теням, [в:] Больше самого себя. О Бродском*, Томск 2009, с. 109.

что они неизбежно замкнуты в своей страсти и за это извечно несут наказание. Аллюзии *Божественной комедии* расширяют смысловой потенциал бродсковской концептуализации поэтического двойника М. Басмановой.

Новый смысловой обертон истолкованию темы Дидоны и Энея в художественном сознании И. Бродского задает любовь поэта к опере Генри Пёрселла *Дидона и Эней*. В рецензии *Remember her* 1995 года И. Бродский, представляя рецепцию двух постановок *Dido and Aeneas*, излагает историю своего первоначального знакомства с пёрселловской оперой «на пластинке, присланной ему в подарок из Англии»²³. По словам самого поэта, «получатель подарка слушал пластинку месяц за месяцем, пока не понял, что знает ее наизусть»²⁴.

Согласно оперной трактовке мифа скорбно «прощание Дидоны с Энеем. Троянец готов остаться, но Дидону ничто не может утешить. Она не верит в его любовь и кончает жизнь самоубийством»²⁵. Дидона предстает жертвенной и восходящей на костер, но до конца сохраняющей доброе чувство к Энею. Слова арии Дидоны прочно соотносят ее образ с темой памяти.

Более того, в восприятии поэта именно эта ария становится духовным и смысловым центром всей оперы. Достаточно вспомнить следующее высказывание И. Бродского, «Там есть известная ария, ее поет Дидона, которая звучала столь проникновенно, волнующе, такое в ней было отчаяние. Я вспоминаю об этом, когда Элизабет Шварцкопф поет *Помни меня*. Совершенно невероятное звучание»²⁶.

Принципиально для концептуализации поэтического двойника М. Басмановой, что героиня оперы не наказывает Энея памятью о себе: «Remember me, but ah! Forget my fate» / «Помни меня, но ах! Забудь мою судьбу», а хочет продолжить свою жизнь в воспоминаниях возлюбленного. Для И. Бродского, которому была столь близка опера *Dido and Aeneas*, с мифологемой Дидоны соотносится заклятие стать неизбежным воспоминанием покинувшего ее Энея.

Лирический герой в поэтическом мире И. Бродского в ситуации разлуки исподволь отождествляет женский образ с ипостасью карфагенской царицы, завещавшей помнить о ней. В подтексте *Горения* Дидона, проступающая в призраке возлюбленной, призывает подчиниться страсти вопреки сужденной свыше судьбе.

Огонь, горящий в камине, актуализирует воспоминания о прежней любви и сложности отношений. Пламя, воскрешая зыбкий образ адресата, в то же время разрушает его принципиальную четкость, вопреки заданному посвящению (М. Б.). Устремленность лирического героя к новому переживанию своих чувств оборачивается эфемерным преодолением разъединенности и осознанием болезненности и невозможности воссоединения.

И. Бродскому важны не только воплощения женского образа, возникающего в огне, в различных литературных и мифологических ипостасях, но что эти ипостаси расширяют смысловой горизонт самого лирического героя.

²³ Е.М. Петрушанская, *Музыкальный мир...*, с. 127.

²⁴ Там же.

²⁵ А.А. Гозенпуд, *Дидона и Эней (Dido and Aeneas)*, [в:] *Оперный словарь*, Санкт-Петербург 2005, с. 126–127.

²⁶ И. Бродский, *Муза в изгнанию...*, с. 26–27.

Соответственно тому, как в представлении об адресате – прежней возлюбленной, встраиваются образы Лилит, Магдалины, колдуньи Маринки, менады, Дидоны, лирический герой, соотносимый в авторском мифе И. Бродского с его личностью, обретает в игровом ключе ипостаси Адама, Фауста, Христа, Энея, Данте.

Диалог строится как встреча разных типов сознания, которые должны стать своего рода зеркалом друг для друга. Возникновение отсылок к *Божественной комедии* актуализирует смысловой комплекс, связанный с самим Данте. Примечательно, что все возникающие в подтексте стихотворения пары, включая пару Данте / Беатриче, принципиально означены в памяти культуры разьединенностью или же неизбежностью расставания. И если встреча и временное воссоединение возможны, то лишь в особом пространстве: воспоминаниях, царстве теней, аду, апокрифических сказаниях, воображении. Диалог осуществляется как между разрозненными парами, так и потоком сознания лирического героя и мерцающими, сменяя друг друга, женскими и мужскими ипостасями, соотносимыми с воспоминаниями о его возлюбленной и с целостностью его личности.

Так огонь в стихотворении символизирует не только одержимость страстью, вдохновение, но и сгорание как вспоминающего, так и мира его памяти.

Литература

- Башляр Г., *Психоанализ огня*, пер. с франц. Н. Кислова, Москва 1994.
- Бобякова И.В., *Мир глазами одной метафоры: «Горение» И. Бродского*, [в:] *Пристальное прочтение Бродского: Сборник статей*, под ред. В.И. Козлова, Ростов-на-Дону 2010, с. 56–63.
- Бродский И., *Муза в изгнании*: интервью Анн-Мари Брам для журнала *Mosaic. A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas* 1974 г., [в:] *Иосиф Бродский: Большая книга интервью*, сост. и коммент. В. Полухина, Москва 2000.
- Бродский И., *Примечание к комментарию*, [в:] *Собрание сочинений*: 7 т., т. 7, общ. ред. Я.А. Гордин, Санкт-Петербург 2001.
- Бродский И.А., *Горение*, [в:] *Собрание сочинений*: 7 т., т. 7., сост. Г.Ф. Комаров, Санкт-Петербург 2001, с. 29–31.
- Вергилий Публий Марон, *Энеида*, пер. с лат. С. Ошерова, [в:] *Энеида. Поэзия, мифология*, Москва 2001.
- Гете И.В., *Фауст*, пер. с нем. Н. Холодковского, комм. Н. Вильмонта, [в:] *Избранные сочинения: в 3 т.*, т. 2, Москва 2004.
- Гозенпуд А.А., *Дидона и Эней (Dido and Aeneas)*, [в:] *Оперный словарь*, Санкт-Петербург 2005, с. 126–127.
- Данте Алигьери, *Божественная комедия. Новая жизнь. Стихотворения, написанные в изгнании. Пир*, пер. с итал., Москва 1998.
- Киньяр П., *Секс и страх: эссе*, пер. с франц. И. Волевич, Санкт-Петербург 2007.
- Лосев Л., *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*, Москва 2008.
- Петрушанская Е.М., *Музыкальный мир Иосифа Бродского*, Санкт-Петербург 2007.
- Полухина В., *Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха*, Санкт-Петербург 2008.
- Полухина В., *Кланаясь великим теням*, [в:] *Больше самого себя. О Бродском*, Томск 2009.
- Ранчин А., *На пиру Мнемозины. Интертексты Иосифа Бродского*, Москва 2001.
- Топоров В.В., *Эней человек судьбы*, ч. 1, Москва 1993.

Шайтанов И., *Уравнение с двумя неизвестными: Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский*, [в:] *Компаративистика и / или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики*, Москва 2010, с. 238–274.

Миф о Дидоне в подтексте стихотворения И. Бродского *Горение*

Резюме

В статье исследовательский поиск направлен на прочтение авторских коннотаций в бродсковской интерпретации мифа о Дидоне в стихотворении *Горение* 1981 года. Представлено осмысление самобытности литературных и мифологических ипостасей поэтического двойника Марины Басмановой, которой посвящено *Горение*. Проанализированы контекстные, подтекстовые и интертекстуальные уровни лирического послания И. Бродского. Представлено прочтение авторских коннотаций в интерпретации мифологом Лилит, Магдалины, менады и Дидоны. Наиболее подробно осмыслено включение мифа о Дидоне в семантическое поле текста. В ходе анализа были интерпретированы ментальные показатели, определяющие в поэтическом мире И. Бродского семантические и символические коннотации поэтического двойника Марины Басмановой (М.Б.).

Ключевые слова: ипостась, мифологема, поэтический двойник, контекст, подтекст, интертекст, И.А. Бродский, Дидона.

The Myth About Dido in Implication of the Poem by J. Brodsky *Burning*

Abstract

In the article is directed the research search to on reading of author's connotations in Brodsky's interpretation of the myth about Didona in the poem *Burning* of 1981. The judgment is devoted of originality of literary and mythological hypostasiss of poetic twin Marina Basmanova to whom is this poem addressed. In the research project are analysed context, subtext and intertextual levels of lyric message of J. Brodsky. It is presented reading of authorial connotations in interpretation of mythemes of Lilith, Magdalene, maenad, Dido. It is most in detail intelligent plugging of myth about Dido in the semantic field of text. During an analysis were interpreted mental indexes defining semantic and symbolical connotations of the poetic twin Marina Basmanova (M. B.) in the poetic world by J. Brodsky.

Key words: hypostasis, mytheme, poetic twin, context, subtext, intertextuality, hypostasis, J. Brodsky, Dido.

Светлана Фокина

Кандидат филологических наук

Доцент кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Svetlana Fokina, candidate of philological sciences

the associate professor of the Department of the World Literature

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

+380974054990

Константин Басуев

Влияние социальных и культурных факторов на развитие и реализацию творческого потенциала молодежи

Рассматривая возможности развития творческого потенциала молодого поколения, необходимо понимать, что реализация творческих процессов происходят в определенном культурном контексте. Под творчеством мы, вслед за С.Л. Рубинштейном, будем понимать «деятельность человека, созидающую новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью»¹.

На основе анализа исследований, посвященных творчеству и творческим способностям, в структуре творческого потенциала личности мы выделяем, наряду с интеллектуальной составляющей, в качестве других компонентов личностные характеристики человека и его внутреннюю мотивацию на творчество².

Очевидно, что два последних компонента тесно связаны с культурой конкретного общества, в понимании ее как совокупности ценностей, норм, установок, которые направляют, определяют действия людей и их деятельность в целом.

Для того, чтобы творческие процессы получали развитие и реализацию в обществе, очевидно, необходимы определенные социальные условия. В первую очередь, необходима определенная поддержка со стороны общества в принятии творчества, одобрении творческой деятельности. Необходим, по выражению В.М. Петрова, соответствующий «общекультурный фон», который делает творчество возможным и стимулирует его³. В обществе должны быть созданы соответствующие социально-психологические факторы, способствующие

¹ С.Л. Рубинштейн, *Основы общей психологии*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2002, с. 43.

² См. Д.Б. Богоявленская, *Психология творческих способностей*, Изд-во «Академия», Москва 2002; Е.П. Ильин, *Психология творчества, креативности, одаренности*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2009; Н.Ю. Басуева, *Инновационные формы гуманизации вузовского образования как фактор повышения духовной культуры личности: автореф. дис. канд. соц. наук*, Тюменский государственный университет, Тюмень 2003.

³ *Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам*, под ред. Д.В. Ушакова, Институт психологии РАН, Москва 2011, с. 565.

разворачиванию процессов творчества; на это указывают и другие авторы, в частности, Ф. Мунц, Л.А. Мажуль, В.М. Петров⁴.

Творчество связано с созданием нового, инновационного в разных сферах жизнедеятельности. Творческая деятельность вносит изменения в жизненный уклад, заставляя членов общества менять стиль жизни, работы, отказываться от привычных действий, обучаться и переучиваться.

Однако, как показывают изучение, анализ и описание разных культур, далеко не каждая культура стремится к инновациям и изменениям. Л. Харрисон в своей работе «Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике», написанной в 2008 г., показывает, что одни культуры более предрасположены к прогрессу, чем другие⁵. Так, например, С. Шейн (США) проанализировал ценности различных культур и их влияние на развитие и принятие инноваций в обществе. Он пришел к выводам, которые свидетельствуют о том, что общества с выраженной вертикальной иерархией менее склонны к инновациям, так как культурные ценности в таком обществе, установки, стили поведения и ведения дел создают гораздо меньше условий для свободного творчества. Иерархические общества характеризуются следующими свойствами:

- высокий уровень бюрократизации, которая подавляет творческую активность;
- слабо развитая коммуникация между руководителями и подчиненными, отсутствие «обратной связи»;
- централизация власти;
- высокий уровень контроля, обязательное следование стандартам, процедурам;
- низкий уровень доверия;
- распространение установок фатализма;
- стремление избежать радикальных социальных изменений, которые могут вызвать перераспределение власти⁶.

С. Шейн показал также взаимосвязь в обществе индивидуализма и инноваций:

- в индивидуалистических обществах свобода является важной ценностью, а свобода необходима для развития творчества;
- в индивидуалистических культурах лояльность ценится не так высоко, как в коллективистских, что дает больший простор для деятельности (например, для поиска и сбора информации);

⁴ См. Ф. Мунц, Л.А. Мажуль, В.М. Петров, *Атмосфера креативности: социально-психологические факторы, содействующие прогрессивному развитию*, [в:] *Интеграция науки и образования. Информационная культура и креативный потенциал общества и личности (Материалы международной научной конференции)*, изд-во Краснодарский гос. университет культуры и искусств, Краснодар 2008, с. 20–30.

⁵ См. Л. Харрисон, *Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике*, Изд-во «Новое издательство», Москва 2008.

⁶ См. S. Shane, *Why do some societies invent more than others?*, "Journal of Business Venturing" 1992, №7, с. 29–46.

- в индивидуалистических обществах широко развиты формы малого бизнеса, а сфера малого бизнеса более располагает к творчеству и инновациям;
- в индивидуалистических обществах ценится индивидуальность, что способствует поощрению выдающихся сотрудников и располагает к творчеству;
- в индивидуалистических обществах распространены личностные характеристики, такие как независимость, стремление к достижениям, нон-конформизм, востребованные для инноваций и творчества⁷.

Итак, индивидуалистические общества с горизонтальной структурой более склонны к проявлению творчества и созданию инноваций, чем общества с вертикальной иерархией, так как эти общества создают более благоприятную среду для возникновения и проявления творчества, чем последние. В исследованиях не раз подтверждалось, что представители одних народов – индонезийцы, китайцы, японцы – одобряли конформность, покорность и уступчивость больше, чем представители других – американцы, англичане и итальянцы.

Исследования ученых по изучению характеристик европейских и азиатских культур помогают установить, казалось бы, очевидную взаимосвязь культуры и творчества: европейские культуры со свойственными им ценностями свободы, индивидуализма, высокой мотивацией достижения должны стимулировать творчество, так как создают благоприятную среду для его развития. Восточные культуры со свойственными им иерархией, коллективизмом, дисциплинированностью, наоборот, сдерживают развитие творчества инноваций.

Однако, в последнее время ученые стали отмечать противоположные парадоксальные тенденции. Они отмечают, что «представители европейской культуры (если относиться к ним и североамериканцев) по-прежнему лидируют по Нобелевским премиям. По-прежнему Европа дает миру креативных деятелей культуры, бизнесменов, политиков. Однако, по числу победителей международных олимпиад лидируют уже китайцы»⁸. Как объяснить это положение вещей? Ответ снова кроется во влиянии культурных факторов, однако, более глубоких, не лежащих на поверхности.

Ситуация, как представляется, объясняется тем, что в европейской культуре, как оказывается, «термин «одаренность» не очень в чести»⁹. В Европе декларируется равенство возможностей всех людей, но, очевидно, данный тезис в настоящее время, в эпоху конкуренции интеллектов и талантов, вступает в противоречие с мотивацией достижения, широко распространенной в европейских обществах. Действительно, можно декларировать равенство возможностей, которые получают все члены общества для своего развития, но равенства интеллекта, как представляется, не может быть по определению, если придерживаться достижений генетики, определяющей взаимосвязь интеллекта и наследственности. В Европе принимают генетику как науку, но

⁷ Там же.

⁸ *Творчество: от биологических оснований...*, с. 589.

⁹ Там же.

по разным (этическим, социальным, педагогическим) мотивам не хотят объявлять это изначально данное Природой неравенство людей. На слушаниях в Совете Европы по проблеме образования одаренных детей в 1994 г. депутат от Великобритании П. Харди привел такой аргумент: «Мы не можем сказать девяноста девяти из ста детей: «Вы не одаренные»... Если мы это скажем, они не будут развиваться»¹⁰. В самом деле, в европейской культуре, заостренной на конкуренции, личных достижениях, всегда провозглашались лозунги честной конкуренции и равноправия всех членов общества. Однако, в эпоху инновационного общества конкурировать приходится в сфере интеллекта и креативности, а эти качества, хотя и поддаются развитию, во многом предопределены изначально наследственностью. Признать это для индивидуалистического общества – значит отрицать возможность честной конкуренции, значит отрицать ценности индивидуальных достижений, значит терять ценностную основу общества, которая мотивирует деятельность людей.

Эксперты подчеркивают, что «позиция признания всех детей одаренными интеллектом изначально – контрпродуктивна в отношении технологий выявления и развития одаренности, она тормозит работу с интеллектом, но она укоренена в европейском обществе по причине своей эффективности для мотивирования людей в условиях конкуренции»¹¹.

В восточных культурах не возникает такого противоречия. В этих обществах с принятой иерархией, коллективизмом и дисциплинированностью, как указывают исследователи, «не вызывает моральных и социальных проблем тотальное деление учеников по уровням успеваемости»¹². Следовательно, культура создает здесь более благоприятные условия для выявления талантливых, одаренных детей.

Другим важным фактором влияния культуры на развитие и реализацию творческой деятельности в обществе является гибкость культурных норм и восприимчивость к заимствованиям. Идеи могут погибать из-за того, что общество просто не готово воспринимать новое. Любое новшество требует адаптации к нему, иногда обществу легче отторгнуть его, чем приспособиться. Таким образом, степень инновационности общества часто зависит не столько от креативного потенциала отдельных его членов, сколько от способности самого общества адаптировать изобретения и внедрять инновации.

Эта взаимосвязь между реализацией творческой деятельности в обществе и культурой самого общества хорошо подчеркнута в работах Е.Г. Ясина, известного российского экономиста, доктора экономических наук, научного руководителя Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В частности, в своей работе «Модернизация и общество» он пишет о восприимчивости общества к новшествам и утверждает, что «значительная часть населения, желая жить лучше, не хочет перемен»¹³. Рассуждая о причинах различия в развитии разных стран, об отставании одних и быстром развитии других, Е. Г. Ясин задается вопросом: «Справедливо

¹⁰ Там же, с. 593.

¹¹ Там же, с. 594.

¹² Там же, с. 593.

¹³ Е. Ясин, *Модернизация и общество*, «Вопросы экономики» 2007, № 5, с. 4.

ли считать, что эти различия обусловлены лишь стадией развития страны, политикой государства или стечением обстоятельств, счастливым для одних и несчастным для других? Или все же часть этих различий обусловлена, по крайней мере, иными факторами, например различиями в институтах и культуре? Есть весьма веские основания предполагать, что именно они и определяют различия между цивилизациями и уровнем их развития. Если граждане определенных стран, определенных культур хотят жить лучше, причем у себя на родине, они должны понимать, чем вызвано их отставание, какие именно институты и элементы культуры надо менять, какие усилия и кто должен предпринять, чтобы его устранить»¹⁴. Аргументируя необходимость модернизации в России, автор связывает ее с необходимостью реформ, изменяющих институты, а затем и культуру «в направлении, обеспечивающем повышение инновационного потенциала»¹⁵. Предвидя сопротивление в обществе, ученый пишет далее о том, что государство и элита обязаны готовить общество к необходимым переменам, добиваться позитивного восприятия им перемен¹⁶.

Е. Ясин приводит условия, при которых возможно развитие инновационного общества в России: свобода творчества; свобода предпринимательства; конкуренция; высокий уровень образования; наука; индустрия инноваций; социальный капитал, доверие¹⁷. Первостепенное значение в процессе модернизации и построения инновационного общества в России ученый придает творчеству, креативности: «Современная экономика приводится в действие человеческой креативностью. Креативность превратилась в «основной источник конкурентного преимущества. Инновационную экономику можно иначе назвать экономической креативной»¹⁸.

Сопротивление инновациям, а, следовательно, и творчеству, новшествам среди сотрудников в корпоративной среде отмечают и другие авторы. Так, И. Гурков, Е. Моргунов, Е. Падило указывают на факты «неприятия инноваций», «психологических барьеров по отношению к нововведениям», которые могут «затормозить инновационный процесс, а в некоторых случаях и вообще остановить его»¹⁹.

Итак, развитие и реализация творческих процессов происходят в определенном культурном контексте. Для того, чтобы творческие процессы получили дальнейшее развитие и реализацию, необходима определенная поддержка со стороны общества, принятие творчества, одобрение творческой деятельности. Необходим соответствующий «общекультурный фон», который делает творчество возможным и стимулирует его. Однако, как показывает изучение разных культур, далеко не каждая культура стремится к творческим открытиям, инновациям и изменениям. Индивидуалистические общества

¹⁴ Там же, с. 5.

¹⁵ Там же, с. 10.

¹⁶ См. там же, с. 10.

¹⁷ См. Е. Ясин, *Модернизация и общество...*, с. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ И. Гурков, Е. Моргунов, Е. Падило, *Зачем нам эти инновации*, «Управление персоналом» 2011, № 2, с. 36.

с горизонтальной структурой демонстрируют большую склонность к проявлению творчества и созданию инноваций, чем общества с вертикальной иерархией, так как эти общества создают более благоприятную среду для возникновения и проявления творчества, чем последние. Кроме того, в последнее время отмечаются противоположные парадоксальные тенденции: например, по числу победителей международных олимпиад лидируют восточные культуры (Китай). Объяснение этих парадоксальных тенденций, как представляется, связано с влиянием культурных факторов, которые, очевидно, подлежат постоянному и тщательному изучению.

Литература

Shane S., *Why do some societies invent more than others?*, "Journal of Business Venturing" 1992, № 7, с. 29–46.

Басуев К.А., *К вопросу о структуре кадрового потенциала организации*, [в:] *Перспективные вопросы мировой науки: материалы 9-й международной научно-практической конференции*, т. 5: Экономика, Изд-во «Бял ГРАД-БГ» ООД, София 2013, с. 29–32.

Басуева Н.Ю., *Инновационные формы гуманизации вузовского образования как фактор повышения духовной культуры личности: автореф. дис. канд. соц. наук*, Тюменский государственный университет, Тюмень 2003.

Богоявленская Д.Б., *Психология творческих способностей*, Изд-во «Академия», Москва 2002.

Гурков И., Моргунов Е., Падило Е., *Зачем нам эти инновации*, «Управление персоналом» 2011, № 2, с. 35–41.

Ильин Е.П., *Психология творчества, креативности, одаренности*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2009.

Мунц Ф., Мажуль Л.А., Петров В.М., *Атмосфера креативности: социально-психологические факторы, содействующие прогрессивному развитию*, [в:] *Интеграция науки и образования. Информационная культура и креативный потенциал общества и личности (Материалы международной научной конференции)*, изд-во Краснодарский гос. университет культуры и искусств, Краснодар 2008, с. 20–30.

Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам (под ред. Д. В. Ушакова), Институт психологии РАН, Москва 2011.

Харрисон Л., *Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике*, Изд-во «Новое издательство», Москва 2008.

Ясин Е., *Модернизация и общество*, «Вопросы экономики» 2007, № 5, с. 4–29.

Влияние социальных и культурных факторов на развитие и реализацию творческого потенциала студенческой молодежи

Резюме

В статье выделяются понятия «творчество», «творческий потенциал». Показано, что ряд компонентов творческого потенциала личности тесно связан с культурой конкретного общества, которая направляет, определяет действия людей и их деятельность

в целом. Для того, чтобы творческие процессы получали дальнейшее развитие и реализацию, необходим соответствующий общекультурный фон, который делает творчество возможным и стимулирует его. Однако, как показывает изучение разных культур, далеко не каждая культура стремится к творческим открытиям, инновациям и изменениям. В статье анализируются и обобщаются результаты исследований о восприимчивости различных культур к творческим открытиям, инновациям и изменениям.

Ключевые слова: творчество, творческий потенциал, молодежь, культура, межкультурные различия, инновации.

Social and Cultural Impact on the Development and Realization of Young People's Creative Potential

Abstract

The paper highlights the concepts of "creativity", "creative potential". It shows that several components of the individual creative potential are affected by the culture of a particular society that directs and determines the actions and activities of the people. Further development and implementation of creativity requires appropriate cultural background which stimulates the creative process. However, the study of different cultures shows that not each culture strives for creative discoveries, innovations and change. The paper makes an attempt to analyse and summarise findings of the studies on how different cultures perceive creative discoveries, innovations and change.

Key words: creativity, creative potential, youth, culture, cross-cultural differences, innovation.

Константин Басуев,
магистрант социологии управления
Тюменского государственного университета

Konstantin Basuev, Master's Degree Student in Sociology of Management
Tyumen State University
e-mail: k.basuev@gmail.com
+79323290765

*Надежда Басуева***Особенности коммуникативного поведения
в современных деловых культурах**

Небывалый рост международных контактов в разных сферах жизнедеятельности усиливает интерес к проблемам межкультурных деловых коммуникаций. Несмотря на многочисленные исследования в данной сфере, проблема остается открытой для изучения, что обусловлено, как представляется, разнообразием культурных образцов, а также их мобильностью в связи с продолжающимися процессами глобализации.

Целью данной работы является изучение, обобщение особенностей, специфики коммуникативного поведения в некоторых современных деловых культурах.

Коммуникация – сложный процесс, интерпретируемый по-разному различными исследователями. В качестве рабочего определения воспользуемся определением современного российского исследователя Е.И. Кривокопы, обобщившей научные знания о коммуникации на основе работ видных зарубежных и отечественных исследователей (Ч. Кули, Т. Парсонс, К. Черри, А. Урсул, Д. Уотсон, Б. Скиннер, Дж. Мид, Т. Шибутани, М. Маклюэн, Л.С. Выготский, В.Н. Курбатов, А.М. Леонтьев, М. Каган, Г.М. Андреева и др.). Итак, «термин «коммуникация», – пишет Е.И. Кривокопы, – может рассматриваться как вид социальной связи на основе направленной передачи информации, позволяющей осуществлять социально-культурные взаимодействия индивидов, социальных групп, общностей и институтов»¹.

Как представляется, наиболее важными элементами коммуникации являются процессы кодирования и декодирования информации, то есть превращение сообщения в символическую форму, где символы могут быть письменными, вербальными, невербальными. Коммуниканты, или участники акта коммуникации, только тогда смогут понять сообщение, расшифровать его, иными словами, декодировать, если будут использовать одну и ту же систему кодов, символов. Только в этом случае акт коммуникации состоится, произойдет обмен информацией и взаимодействие индивидов или групп.

К. Шеннон и У. Уивер ввели понятия фильтров и шумов коммуникации, т.е. внешних факторов, по которым информация искажается или блокируется².

¹ Е.И. Кривокопы, *Деловые коммуникации*, Изд-во «ИНФРА-М», Москва 2013, с. 48.

² См. С. Shannon, W. Weaver, *The Mathematic Theory of Communication*, University of Illinois Press, Illinois 1948.

Как представляется, такими барьерами (шумами, фильтрами) на пути взаимопонимания, эффективной коммуникации и успешного декодирования послания могут стать различия в коммуникативном поведении участников акта коммуникации.

Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в 1989 г. И.А. Стерниным, профессором Воронежского государственного университета (Россия)³. В последующей работе «Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение» И.А. Стернин дал следующее определение этому феномену: «Коммуникативное поведение в самом общем виде определяется нами как совокупность норм и традиций общения народа»⁴. Воспользуемся этим определением в качестве рабочего.

Далее И.А. Стернин выделяет определенные нормы, которые позволяют охарактеризовать конкретное коммуникативное поведение как нормативное или ненормативное⁵. Он выделил четыре группы норм коммуникативного поведения: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Очевидно, что именно эти нормы поведения коммуникантов и будут создавать фильтры, шумы на пути кодирования и декодирования информации, поэтому необходимо рассмотреть их подробнее.

Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. Это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование. Это стандартные ситуации. Общекультурные нормы общения национально специфичны. Так, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник – ваш друг или родственник и т.д.

Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной ситуацией. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения – вертикальном (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться. Кроме того, здесь также наблюдается национальная специфика: так, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное; общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских и т.д.

³ См. И.А. Стернин, *О понятии коммуникативного поведения*, [в:] *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle 1989, с. 279–282.

⁴ И.А. Стернин, *Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение*, Изд-во ВГТУ, Воронеж 2000, с. 3.

⁵ См. там же, с. 4.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей, «гуманитариев», «технарей» и т.д.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм.

Итак, коммуникативное поведение является условием, фактором успешной коммуникации. Различия в коммуникативном поведении коммуникантов могут создать фильтры и шумы в процессах кодирования и декодирования информации в процессе коммуникации. В результате акт коммуникации будет затруднен, информация будет искажена или заблокирована, цель коммуникации не будет достигнута.

Так как коммуникативное поведение представляет собой совокупность норм и традиций общения народа, то представляется необходимым рассмотреть влияние национальной культуры на коммуникативное поведение, частью которой являются эти нормы и традиции общения.

Существует огромное многообразие национальных культур. Невозможно изучить особенности коммуникативного поведения представителей всех культур, очевидно, требуются некие классификации, модели, отражающие типичные характеристики народов.

Современные исследователи межкультурных коммуникаций к наиболее эффективным теориям межкультурных коммуникаций относят теорию высоко- и низкоконтекстуальных культур Эдварда Холла, теорию культурных измерений Герта Хофстеде⁶. О. Громова и Г. Латфуллин – современные российские исследователи, изучающие деловые коммуникации – кроме данных теорий выделяют также модель Р. Льюиса и модель ценностных ориентаций Клайда Клакхона, Флоренс Клакхон и Фреда Стродбека⁷. Данные модели межкультурных коммуникаций широко цитируются многими исследователями в данной области.

Представляется, что теория высоко- и низкоконтекстуальных культур американского ученого Эдварда Холла (1914–2009) не теряет своей актуальности и может помочь сориентироваться в огромном многообразии культурных различий, а также избежать грубых ошибок в коммуникации⁸.

На основе сравнительных исследований различных культурных групп Холл разработал общую типологию по отношению их к контексту — информации, окружающей и сопровождающей то или иное событие. В зависимости от характера использования этого контекста Холл разграничил все культуры на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные. Для представителей высококонтекстуальных культур много информации передается неязыковым контекстом: иерархией, статусом, внешним видом человека, манерами его

⁶ См. А.П. Садохин, *Межкультурная коммуникация*, Изд-во «ИНФРА-М», Москва 2013, с. 81.

⁷ См. Г.Р. Латфуллин, О.Н. Громова, *Организационное поведение*, Изд-во «ПИТЕР», Санкт-Петербург 2007, с. 403–425.

⁸ См. Е. Hall, *The Dance of Life*, New York 1983.

поведения, условиями проживания и т.д. Примерами могут служить Франция, Испания, Италия, страны Ближнего Востока, Япония и Россия.

В культурах с «низким контекстом» предпочитается прямой и открытый стиль общения, когда вещи называют своими именами. Здесь люди выражают свои желания словесно и прямо, не предполагая, что это будет понято само собой из ситуации общения (примеры – Германия, Швейцария, США, скандинавские и другие североевропейские страны).

Иллюстрацией для понимания обоих типов культур может служить описание работы менеджеров разных стран, приводимое А.П. Садохиным. Так, в культуре с низким контекстом менеджер будет принимать посетителей строго по очереди, невзирая на статус посетителя или личные связи с ним. Напротив, в культурах с высоким контекстом офис менеджера будет напоминать «проходной двор», когда люди постоянно входят и выходят в течение всего рабочего дня. Во время беседы менеджер отвлекается на телефонные разговоры от «важных лиц»⁹.

Теория Э. Холла облегчает понимание культурных коммуникативных образцов, однако она не объясняет полностью поведение представителей того или иного типа культур. Его модель может быть дополнена моделью ценностной ориентации известного антрополога К. Клакхона, развитая в дальнейшем его супругой Флоренс Клакхон в соавторстве с Фредом Стродтбеком. Для выявления межкультурных различий Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек предлагают использовать *пять параметров*, перечисленных ниже¹⁰.

1. Отношение людей к природе. Действительно, то, как в данном обществе относятся к природе, во многом определяет мировоззренческие установки людей, их поведение, мышление, ценности. Так, в развитых странах с высоким уровнем развития технологий, в основном, преобладают мировоззренческие установки господства над природой. Люди меньше зависят от природы, более защищены от ее проявлений.

В странах Азии поведение людей, их отношение к происходящим событиям определяется гармоничным отношением к природе: человек не противопоставляет себя природе, а чувствует себя ее частью. В странах «третьего мира» люди подчиняются природе, и это определяет их мировоззрение и поведение.

2. Отношение ко времени. В разных культурах время оценивается как ограниченный или неограниченный ресурс. Разное отношение и различная оценка ресурса времени накладывает отпечаток на формирование норм делового поведения. Представители разных культур по-разному оценивают, например, вопросы продолжительности переговоров, возможности опозданий на деловую встречу и др. В США, Германии время считается ограниченным ресурсом, в то время как в Китае, Индии, Японии время считают неограниченным, бесконечным и неисчерпаемым ресурсом.

3. Индивидуализм или коллективизм. В ряде стран (США, Великобритания, Германия), поощряется индивидуализм, который связывают

⁹ См. А.П. Садохин, *Межкультурная коммуникация...*, с. 84.

¹⁰ См. F. Kluckhohn, F.L. Strodbeck, *Variations in Value Orientations*, Row Peterson, Evanston 1961.

с независимостью личности, ее самостоятельностью, ответственностью за свои поступки. В восточных странах важными считаются иные ценности: коллективизм, сотрудничество, ориентация на группу, общность. Отношения могут строиться на основе группового взаимодействия и групповой ответственности (Япония).

4. Природа человека. Действительно, в разных национальных культурах сформировались различные представления о природе человека. В тех странах, где признается порочная сущность человека, преобладает жесткий контроль поведения людей. Г. Латфуллин приводит в этой связи пример современного Сингапура, где «безопасность и общественный порядок поддерживаются суровыми мерами наказания»¹¹. В других странах распространена точка зрения о том, что сущность человека подвержена изменениям, она не является изначально и неизменно порочной. В соответствии с таким пониманием происходит формирование норм делового поведения: предпочтение отдается не наказанию, а доверию, уважению. Как считают исследователи, такое поведение преобладает в деловых культурах развитых стран Европы и Америки¹².

5. Отношение к жизни и деятельности. Данный параметр характеризует либо выраженную активность в достижении жизненных целей, либо принятие жизни и деятельности как таковой. В первом случае представители культур характеризуются прагматичностью, стремлением изменить обстоятельства жизнедеятельности, нацелены на результат (например, США). Данные ценности соответствующим образом влияют на их деловое коммуникативное поведение. Во втором случае люди склонны принимать сложившиеся обстоятельства, находить в них позитивные проявления. В таких культурах люди более склонны к проявлению чувств, эмоциональности, дружелюбию и открытости (например, Юго-Западная Европа).

Ричард Льюис в своей классификации культур выделяет моноактивные, полиактивные и реактивные деловые культуры. Моноактивная культура характеризуется концентрацией на одном деле. В такой культуре ценят пунктуальность, целеустремленность, умение сразу же сосредоточиться на главном. Опоздания недопустимы. Яркий представитель – Германия¹³.

В полиактивной культуре, согласно классификации Р. Льюиса, деловая активность может реализовываться сразу в нескольких направлениях. К выполнению дела приступают не сразу, вначале создается соответствующая обстановка. В связи с этим, обсуждения могут отклоняться от запланированных, параллельно обсуждаются несколько проблем. По Р. Льюису, страны с полиактивной культурой – Россия, Италия, Испания, Латинская Америка.

Реактивная культура, по Р. Льюису, характеризуется изменчивостью решений в зависимости от ситуации, что приводит к большой степени неопределенности в деловых отношениях; в такой деловой культуре партнеры

¹¹ Г.Р. Латфуллин, *Организационное поведение*, Изд-во «ПИТЕР», Санкт-Петербург 2013, с. 393.

¹² См. там же, с. 393.

¹³ Льюис Ричард Д., *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*, Изд-во «Дело», Москва 2001, с. 85–101.

нередко могут отказаться от достигнутых ранее договоренностей (примеры – азиатские и восточные страны, например, Япония).

Большую популярность приобрела также модель изучения культурных ценностей голландского ученого Герта Хофстеде¹⁴. В 1960–70-е гг. он провел исследование национальных культур в дочерних компаниях корпорации IBM в десятках стран мира.

Хофстеде выделил четыре параметра: дистанция власти, мужественность-женственность, индивидуализм-коллективизм, неприятие неопределенности. Последующее его исследование, проведенное в 23 странах совместно с М. Бондом (1991), позволило выделить пятый параметр этой модели – долгосрочная ориентация.

1. Дистанция власти. Данный параметр определяет, насколько высоко в данном обществе ценятся положение, статус отдельных лиц. Чем выше данный параметр, тем выше в обществе ценятся полномочия отдельных лиц, которые, при этом, воспринимаются естественно. В таких культурах существует разветвленная иерархия в положении людей; люди более низкого статуса с почтением относятся к людям, вышестоящим в иерархической лестнице. Нормальным явлением считаются привилегии, льготы, авторитарный стиль управления. Примерами стран с высоким показателем дистанции власти считаются Испания, Франция, Италия, Бельгия, Пакистан, Турция, Тайвань, Колумбия, Венесуэла, Португалия, Мексика, Греция, Югославия, Индия, Япония.

В национальных культурах с низкой дистанцией власти (Канада, США, Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Дания, Австралия) наблюдается стремление к равноправию в распределении власти; руководители более доступны для общения с подчиненными, выше вероятность участия работников в управлении компанией.

2. Индивидуализм-коллективизм. Культура, в которой приняты ценности индивидуализма, поощряет индивидуальную инициативу, достижение индивидуальных целей, ценится личный вклад в дело и личный успех. В таких культурах, как правило, устанавливаются формальные, деловые отношения между коллегами. Индивидуализм имеет место, когда люди определяют себя как индивидуальность, и заботятся только о самих себе, о своей семье и своих родственниках¹⁵.

В коллективистских культурах ценятся взаимопомощь, сплоченность, привязанность к организации, чувство долга. Отношения между коллегами носят неформальный характер. Примерами могут служить Пакистан, Турция, Тайвань, Колумбия, Венесуэла, Португалия, Мексика, Греция, Индия, Япония.

3. Мужественность-женственность. Параметр мужественности в культуре свидетельствует о степени предпочтения в обществе таких ценностей как достижение цели, героизм, уверенность, материальное вознаграждение успеха, конкуренция. Его противоположный параметр, женственность,

¹⁴ См. G. Hofstede, *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, Sage Publications, Beverly Hills 1980.

¹⁵ См. The Hofstede Centre, <http://geert-hofstede.com/countries.html> [дата доступа: 14.08.2015].

свидетельствует о предпочтении в обществе сотрудничества, взаимопомощи, заботы о качестве жизни, внимания к слабым; поощряется скромность в поведении и оценке заслуг¹⁶.

Сильное мужское начало в национальной культуре ассоциируется с устойчивостью, соперничеством, независимостью, самоутверждением, успехом. Конфликты носят характер открытого и жесткого противостояния (Венесуэла, Италия, Германия).

В культурах с сильным женским началом развиты сострадание, эмоциональные суждения, забота, теплые отношения, солидарность. Конфликты чаще имеют скрытый характер, а их урегулирование осуществляется путем переговоров (Швеция, Таиланд, Испания).

4. Избегание неопределенности. Представители национальных культур с высоким уровнем избегания неопределенности испытывают дискомфорт, если они не уверены в будущем. Люди стремятся уменьшить неопределенность с помощью правил, регламентов, инструкций, которые неукоснительно соблюдают; сильно сопротивляются изменениям и риску (примеры – Германия, Франция, Бельгия, Греция, Португалия).

В национальных культурах с низким уровнем избегания неопределенности жизнь воспринимают такой, какая она есть. Характерны стремление к положительному результату и надежда на успех. Соперничество, конкуренция, риск рассматриваются как нормальное явление, способствующее улучшению деятельности организации (Канада, США, Гонконг, Китай, Сингапур).

5. Долгосрочная-краткосрочная ориентация. Преобладание долгосрочной ориентации в национальной культуре означает готовность общества жить во имя будущего. Люди могут отказываться от потребностей, стойко переносят неудачи. Допускается существование не одной, а нескольких истин, традиции могут приспосабливаться к реальной действительности. Придается значение таким ценностям, как упорство, долготерпение, бережливость (примеры – Япония, Китай, Гонконг, Тайвань, Южная Корея).

При краткосрочной ориентации люди ориентированы на быстрое получение результата, внимание акцентируется на настоящем. Культивируются такие ценности, как уважение к традициям, выполнение общественного долга, соблюдение принятых социальных условностей. Бережливость не поощряется (примеры – США, Германия, Франция).

Итак, рассмотренные модели межкультурных различий являются взаимодополняющими и могут дать информацию о коммуникативном поведении представителей разных культур для избегания грубых ошибок в коммуникации.

Однако следует иметь в виду, что универсальной и целостной классификации культурных различий и деловых культур на сегодняшний день пока не существует. Попытки некоторых исследователей (Ронен, Шенкар, Тромпенаарс) сгруппировать культуры со схожими свойствами, хотя и привели к созданию некоторых классификаций, так называемых, кластеров культур, однако, по мнению специалистов, эти классификации полны неточностей

¹⁶ См. там же.

и даже противоречий¹⁷. Очевидно, культуры и коммуникативное поведение представителей деловых культур нуждаются в дальнейшем изучении.

Мы рассмотрим особенности коммуникативного поведения деловых культур тех стран, контакты с которыми в настоящее время развиваются наиболее активно. При изучении мы отобрали, сравнили и обобщили данные, полученные различными исследователями; для анализа использовались также различные подходы и классификации.

Германия. Согласно модели Г. Хофстеде, у этой страны высокие показатели уровня индивидуализма, который составляет 67 ед.¹⁸. Это же, как указывалось выше, подтверждает и модель А. Клухона и Ф. Стродтбека. Здесь поощряется индивидуальная инициатива, при вознаграждении учитывается личный вклад, карьерный рост обеспечивается на основе компетенции и «рыночной стоимости» работника, отношения между сотрудниками часто носят формальный деловой характер.

Показатели «мужского начала» в культуре, по Г. Хофстеде, также высоки (66), руководители принимают решения на основе рационального мышления, конфликты носят характер открытого и жесткого противостояния. Доминируют такие ценности, как возможность признания, успеха, карьерного роста, материального благополучия, реализации амбиций. Германия имеет высокие показатели избегания неопределенности (65); немцы верят в то, что хорошо разработанные процедуры и процессы решают большинство проблем, и придают порядку первостепенное значение для достижения общего благосостояния. Однако данное качество сказывается на скорости принятия решений, которые немцы принимают очень долго, так как все рабочие процедуры сначала тщательно разрабатываются и только после этого утверждаются. Из-за неприятия неопределенности изменения в менеджменте Германии производятся гораздо реже, чем, например, в США.

Низкие показатели дистанции власти (35) однако, не отменяют иерархические представления. Иерархия обязательна, что часто приводит к чрезмерной почтительности перед непосредственным начальником и высшим руководством. На переговорах они следят за соблюдением иерархии при рассаживании и очередности выступлений. Немцы любят демонстрировать символы власти и успеха. Это подтверждают и исследования Р.Д. Льюиса: «Немецкий босс – исключительно обособленная личность, обычно сидящая в большом офисе за закрытой дверью»¹⁹.

По Г. Хофстеде, у немцев довольно низкая ориентация на долгосрочную перспективу (31). Большое значение имеют такие ценности, как уважение к традициям, выполнение общественного долга, соблюдение принятых социальных условностей. Существует потребность в поиске истины, люди ориентированы на быстрое получение результата.

¹⁷ С.Э. Пивоваров, И.А. Максимцев, *Сравнительный менеджмент*, Изд-во «ПИТЕР», Санкт-Петербург 2008, с. 58.

¹⁸ См. The Hofstede Centre, <http://geerthofstede.com/countries.html> [дата доступа: 14.08.2015].

¹⁹ Льюис Ричард Д., *Деловые культуры в международном бизнесе...*, с. 290.

Согласно модели Э. Холла, это низкоконтекстуальная культура. Немцам свойственны прямая и выразительная манера речи, склонность к резкости и открытому выражению своего несогласия. Как указывает Р. Льюис, они будут настойчиво искать недостатки в ваших товарах или услугах и открыто (и даже энергично) критиковать вас за то, что вы не выполнили свои обязательства. Нужно быть готовым к тому, чтобы извиниться за допущенные в чем-то просчеты. Однако, сами они обидчивы и очень чувствительными к критике в свой адрес, поэтому нужно делать по возможности все, чтобы не смутить их, даже непреднамеренно.

По классификации Ричарда Льюиса, Германия относится к моноактивным культурам²⁰. С.Э. Пивоваров и И.А. Максимцев также подчеркивают, что время играет центральную роль в немецкой деловой культуре²¹. Даже небольшие опоздания здесь воспринимаются с негодованием. В данный момент немцы выполняют только одно дело, все проблемы решаются в жесткой последовательности. Парадоксально, но задержка в поставках является обычной для немцев. Это противоречит их любви к точности. Р. Льюис объясняет это тем, что немцы далеко планируют будущее. Они не очень озабочены немедленными результатами или поставками²².

США. По многим показателям, как отмечает Р. Д. Льюис, модели деловых культур США и Германии схожи²³, однако, надо помнить, что США занимают одно из первых мест по преобладанию индивидуализма в национальной культуре. Это находит отражение и в коммуникативном поведении американцев. Уверенность в себе проявляется в большой самостоятельности американских менеджеров («можно делать все, если это не запрещено»), в неформальном поведении, в готовности рисковать. Собеседников часто сбивает с толку их открытость: во время переговоров они сразу «раскрывают все карты» и ждут от партнеров того же. В бизнесе они последовательны. Когда говорят: «По рукам», то редко меняю свое мнение. Выбирая способ, как себя вести с американцами, надо помнить их философию: заработать как можно больше и как можно быстрее, используя такие средства, как упорный труд, быстрота действий, приспособленчество и власть, в том числе и власть денег. В достижении цели они могут проявлять даже беспринципность и настойчивость, граничащую с жестокостью.

Китай. По Г. Хофстеде, у Китая следующие показатели деловой культуры: дистанция власти – 80, индивидуализм – 20, мужественность – 66, избегание неопределенности – 30, долгосрочная-краткосрочная ориентация – 118²⁴.

Для понимания культуры и поведения китайцев надо помнить о сильном влиянии на этот народ философии конфуцианства.

Стабильность китайского общества, согласно представлениям конфуцианства, базируется на неравенстве между людьми. Эта позиция почти

²⁰ Там же, с. 291.

²¹ См. С.Э. Пивоваров, И.А. Максимцев, *Сравнительный менеджмент...*, с. 272.

²² См. Льюис Ричард Д., *Деловые культуры в международном бизнесе...*, с. 295.

²³ См. там же, с. 234–243.

²⁴ См. The Hofstede Centre, <http://geert-hofstede.com/china.html> [дата доступа: 14.08.2015].

диаметрально противоположна идеям британцев, американцев и скандинавов, но она едва ли подвергается сомнению в Китае²⁵.

Основное учение Конфуция можно свести к следующим положениям:

- Соблюдение неравенства во взаимоотношениях.
- Мы все не личности, а члены какой-либо группы.
- По отношению к другим нужно вести себя добродетельно. Каждый должен «сохранять свое лицо».
- Образование и упорный труд должны вознаграждаться.
- Следует быть умеренным во всем²⁶.

По наблюдениям Р. Д. Льюиса, на китайцев оказывают влияние и некоторые другие факторы, которые не характерны для западного образа мышления. К ним относится среди прочего следующие:

- даосизм — соблюдение здорового образа жизни, разумное вегетарианство и великодушие;
- буддизм — достижение гармонии посредством медитации;
- почитание предков — прошлое играет важную роль, оказывая сильное влияние на настоящее;
- гороскоп с годами по названиям животных (наделение человека качествами животного года его рождения).

То, что европейцу может показаться старомодным суеверием, для китайцев выглядит как современная реальность²⁷.

Для Китая коллективизм традиционен. Его корни кроются в аграрном прошлом экономики, и он был усилен учением Конфуция; коллективизм не является продуктом коммунизма, хотя коммунистический режим нашел его для себя полезным. Китайцы принадлежат к четырем основным группам: рабочей ячейке, семье, школе и общине. Китайцу очень трудно принять решение, требующее резких перемен или самостоятельных действий, так как он постоянно помнит об обязательствах перед всеми членами групп.

Для китайцев очень важно «сохранение своего лица». Р. Льюис пишет: «Американец, которого уличили в бесчестном поступке в Нью-Йорке, может всего через неделю все начать с начала в Калифорнии. Китайцу, «потерявшему свое лицо», придется возвращать его в течение сорока лет в той же самой общине, на рабочем месте или в академическом окружении»²⁸.

При ведении бизнеса с китайцами надо помнить следующее. Вы имеете дело с людьми, которые ставят духовные ценности и принципы выше денег и сиюминутной выгоды. К старшему группы следует постоянно проявлять большое уважение и внимание, даже если он и не принимает активного участия в переговорах. Реальные решения принимаются не на встречах, которые служат главным образом для сбора информации. Переговоры всегда идут медленно и монотонно. Китайцы все время ведут себя вежливо, стараются избегать конфронтации и «потери своего лица» (для обеих сторон). Они редко говорят «нет» и в трудных ситуациях только намекают на это. Они сочетают

²⁵ См. Льюис Ричард Д., *Деловые культуры в международном бизнесе ...*, с. 373.

²⁶ См. там же, с. 374.

²⁷ См. там же.

²⁸ См. там же, с. 375.

гибкость с жесткостью. Почтительность в Китае всегда включает в себя смирение и самоуничижение. Никогда не упоминайте о своих впечатляющих деловых или академических титулах и старайтесь становиться в заднем ряду, когда кто-нибудь фотографирует встречу. Индивидуализм находится под запретом. Подчиненные рассчитывают на то, что им скажут, что нужно делать. Китайцы ищут партнеров на длительное время, для них главное не заключенные сделки и быстрое подписание контракта, как у американцев, а возможность во время переговоров узнать как можно больше о партнере, выяснить его надежность и насколько он подходит для долгосрочного сотрудничества. В переговорах с ними следует проявлять такое же терпение, иначе можно лишиться сделки и связанных с нею возможностей на будущее.

Итак, мы рассмотрели особенности деловых культур и специфику коммуникативного поведения в некоторых зарубежных странах, контакты с которыми в российском обществе в последнее время развиваются наиболее активно. Специалистам, вовлеченным в международное сотрудничество, необходимо иметь понятие о культурном многообразии мира, принимать его, изучать основные модели межкультурных различий и связанные с ними типы делового коммуникативного поведения.

Литература

Hall E., *The Dance of Life*, New York 1983.

Hall E., *The Hidden Dimension*, New York–London 1990.

Hofstede G., *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, Sage Publications, Beverly Hills 1980.

Kluckhohn F., Strodtbeck F.L., *Variations in Value Orientations*, Row Peterson, Evanston 1961.

Shannon C., Weaver W., *The Mathematic Theory of Communication*, University of Illinois Press, Illinois 1948.

The Hofstede Centre, <http://geert-hofstede.com/countries.html> [дата доступа: 14.08.2015].

The Hofstede Centre, <http://geert-hofstede.com/national-culture.html> [дата доступа: 14.08.2015].

Басуева Н.Ю., *Коммуникативное поведение в современных деловых культурах: проблемы взаимодействия и перспективы их решения*, [в:] *Межкультурная коммуникация и проблемы когнитивной лингвистики*, Изд-во ТюмГУ, Тюмень 2014, с. 64–81.

Кривокора Е.И., *Деловые коммуникации*, Изд-во «ИНФРА-М», Москва 2013.

Латфуллин Г.Р., *Организационное поведение*, Изд-во «ПИТЕР», Санкт-Петербург 2013.

Латфуллин Г.Р., Громова О.Н., *Организационное поведение*, Изд-во «ПИТЕР», Санкт-Петербург 2007.

Льюис Ричард Д., *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*, Изд-во «ДЕЛО», Москва 2001.

Мастерских С.В., *Оптимизация учебного процесса в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам*, [в:] *Инновации в рамках современного образовательного контекста в сфере языкового образования*, Изд-во ТюмГУ, Тюмень 2014, с. 84–89.

Пивоваров С.Э., Максимцев И.А., *Сравнительный менеджмент*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2008.

Садохин А.П., *Межкультурная коммуникация*, Изд-во «ИНФРА-М», Москва 2013.

Стернин И.А., *О понятии коммуникативного поведения*, [в:] *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle 1989, с. 279–282.

Стернин И.А., *Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение*, Изд-во ВГТУ, Воронеж 2000.

Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю., *Вербальное воздействие как стимул к познанию*, «Когнитивные исследования языка» 2015, т. 21, № 21, с. 607–611.

Хвесько Т.В., *Страноведение: этимология топонимов Великобритании*, Изд-во ТюмГ-МА, Тюмень 2007.

Особенности коммуникативного поведения в современных деловых культурах

Резюме

В статье выделяются и характеризуются понятия «коммуникация», «коммуникативное поведение». Коммуникативное поведение рассматривается как фактор, влияющий на эффективность межкультурной коммуникации. Различия в коммуникативном поведении коммуникантов могут создать фильтры и шумы в процессах кодирования и декодирования информации, в результате чего акт коммуникации будет затруднен, информация будет искажена или заблокирована, цель коммуникации не будет достигнута. В статье рассмотрены особенности деловых культур и специфика коммуникативного поведения некоторых зарубежных странах, контакты с которыми в российском обществе в последнее время развиваются наиболее активно.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, коммуникация, деловая культура, межкультурные различия.

Features of Communicative Behavior in Modern Business Cultures

Abstract

The paper characterize the concepts of “communication”, “communicative behavior”. Communicative behavior is seen as a factor affecting the results of intercultural communication. Differences in communicative behavior may create barriers and obstacles in the information coding and decoding, furthermore they can distort the meaning of the information thereafter block the communication process. The paper makes an attempt to analyse the communicative behavior in the foreign countries that have been most intensively involved in recent business contacts with Russia.

Key words: communicative behavior, communication, business culture, intercultural differences.

Надежда Басуева

кандидат социологических наук

доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Тюменского государственного университета

Nadezhda Basueva, PhD

Associate professor of the Foreign Languages and Intercultural Professional Communication Department

Tyumen State University

e-mail: eflecturer@mail.ru

+73452451085

Татьяна Обласова

Развитие мышления школьников: ресурсы русской литературы

Проблема угасания в современном мире чтения так называемой «высокой» литературы вызывает закономерные опасения мирового педагогического сообщества. И эти опасения сегодня связаны не только с «традиционным» пониманием последствий отказа от «духовного труда», выражающихся в снижении духовно-нравственного развития личности, ее общей культуры, грамотности. Современные нейрофизиологические исследования предоставляют доказательства положительного влияния чтения на активность мозговой деятельности в целом и, как следствие, на эффективность мозга практически во всех сферах деятельности человека¹. Следовательно, приобщение людей к лучшим образцам национальных литератур (которые, собственно, и относятся к «высокой литературе», часто требующей для понимания нелегкой работы ума и души) обретает особую значимость в развитии психофизиологической базы для качественных изменений мышления. Наряду с этим, на наш взгляд, открываются и дальнейшие перспективы психолого-педагогических исследований ресурсов «высокой литературы» в развитии мышления – в психологическом понимании его как процесса познавательной деятельности, продукты которой характеризуются обобщенным, опосредованным отражением действительности и входят в «образ мира»².

В связи со сказанным выше нам видится возможной постановка вопроса о ресурсах мировой литературы для развития качеств мышления, адекватных «действительности», то есть вызовам современности. Таким характеристикам

¹ Этому в частности был посвящен доклад Е.И. Казаковой *Чтение и развитие. Проблемы взаимосвязи* на VII Международной научно-практической конференции *Педагогика текста. Книга на полке и в руках читателя. Интериоризация текста: педагогические аспекты процесса*, проходившей 26–27 октября 2015 в Санкт-Петербурге. Доклад включал обзор современных исследований ведущих университетов мира (в презентации к докладу представлены изображения мозга «читающего» и «нечитающего»). Материалы конференции размещены на сайте: openeducation.fondedu.ru.

² Такое понимание мышления представлено в работах выдающихся российских исследователей второй половины XX века по проблемам мышления и деятельности: А.Н. Леонтьева (*Деятельность. Сознание. Личность*), С.Д. Рубинштейна (*О мышлении и путях его исследования*) и О.К. Тихомирова (*Структура мыслительной деятельности человека*).

современного мира, как поливариантность, неопределенность, диалогичность, нелинейность³, конгруэнтны прежде всего такие качества мышления современного человека, как рефлексивность, способность к различениям (дифференциации объектов, явлений, процессов, понятий, позиций), способность к принятию решения в ситуации многовариантности выбора. Задача стимулирования развития этих качеств мышления требует от учителя моделирования в образовательном процессе ситуаций, изоморфных реальности, то есть проблемных ситуаций (в том числе и неразрешимых с точки зрения современных знаний и представлений) – ситуаций множественности, вариативности решений; ситуаций, требующих понимания сущности рассматриваемых явлений и четкого их различения.

Благодаря установленной гуманитарными науками *взаимосвязи текста и сознания человека*⁴, континуум изучаемых в школьных курсах литературы художественных текстов (представляющих собой форму существования социокультурного опыта и форму экспликации мира Других) можно рассматривать как феномен, потенциально содержащий в себе *ситуацию встречи школьника с многообразием субъективных проекций мира*. Следовательно, многообразие ответов на «вечные вопросы» требует, во-первых, рефлексивного действия со стороны ребенка по различению этих субъективных миров, во-вторых, самоопределения по отношению к ним. С этой позиции, курс литературы в старших классах средней школы (10-11 класс) оказывается диалоговой площадкой для обсуждения шестнадцати - семнадцатилетними подростками ключевых вопросов о судьбах человечества и судьбах мира, которые зависят от многочисленных личных выборов, а вхождение школьников в пространство литературы – вхождением в ситуацию *диалога*. «Помещение» мышления в вариативное поле вынуждает и приучает школьника действовать по законам этого поля, то есть вариативно. Именно таким вариативным полем является имеющая полипозиционное устройство русская классическая литература. Рассмотрим на примерах.

Один из вопросов современности – вопрос о судьбе цивилизации, о судьбе человечества. Собственно, этот вопрос был поставлен в конце XIX века. Что такое человек по своей природе, «в своей последней глубине»? Что ожидает человечество? Эти вопросы не решены (и не могут быть решены) сегодня.

³ Ключевые характеристики постиндустриального мира и информационного общества как актуального этапа социокультурного развития рассматриваются многими исследователями: В.С. Библером, И.Е. Видт, Н.В. Громыко, М.С. Каганом, В.В. Налимовым, В.С. Степиным, В.Л. Эпштейном и др.

⁴ Речь идет об исследованиях взаимосвязи мышления и речи, отраженных в различных статьях выдающегося российского психолога Л.С. Выготского, в том числе собранных в книге *Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка*. Эта связь находит отражение и в сформулированной Л.С. Выготским идее знаково-символической основы сознания, и в определении, данном известным филологом М.М. Бахтиным, текста как знаково опосредованного выражения человеческого духа. Согласно Бахтину, *дух (и свой, и чужой) не может быть дан как вещь, а только в знаковом выражении* (М.М. Бахтин, *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа*, Москва 1986, с. 478).

Возможно, следует говорить об их принципиальной нерешаемости, что и делает их особенно интересными в свете задач развития нового мышления.

На эти вопросы в русской литературе есть целый ряд противоречивых ответов. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – первый «антропологический эксперимент» (Н. Бердяев⁵) на эту тему. Все действия Раскольникова целесообразно рассматривать именно в логике разворачивания научного эксперимента:

теория (о существовании двух типов людей: «говорящих новое слово», изменяющих мир, и тех, кто подчиняется существующему несправедливому порядку вещей) –

гипотеза (мир может быть изменен решительными действиями через устранение бесполезных, «вредных» людей) –

вопрос для проверки («тварь ли я дрожащая или право имею», то есть я ли тот самый человек – «переустроитель» мира) –

выбор критерия для проверки (способность переступить заданные границы – совершить убийство) –

осуществление действий («проба» – собственно убийство старухи-процентщицы) –

вывод о своей принадлежности к определенному типу (не вынес – значит, не исключительный человек, ничтожество).

Выдвинув теорию о двух типах и определив в качестве критерия способность «право имеющего» переступить через запреты (ибо «новое слово» всегда требует переступания через установленные границы, через разрушение общепринятых норм нравственности, в том числе и убийства), Раскольников осуществляет собственно «опытную часть». Но в процессе подготовки и совершения преступления обнаруживается «неучтенный фактор» – человеческая натура (описания болезненных состояний героя, сна о лошади), которая оказывает сопротивление построениям «гордого ума». Авторский вывод из продемонстрированного эксперимента: глубоко нравственная, сострадательная, добрая от природы *натура* человека, пройдя через все заблуждения и обольщения гордого разума, выйдет на drogу любви и добра, которыми и спасется человек и мир. Ведь в концепции Ф.М. Достоевского провал эксперимента является свидетельством не ничтожности героя, а победы более высокого порядка – победы человечности, свидетельством глубочайшей веры автора в человека в то, что мир, «лежащий во зле», может быть спасен не через убийство, а любовью (сон Раскольникова о трихинах и возвращение героя к жизни).

Однако оптимизм Достоевского относительно человеческой природы и, следовательно, судьбы человечества был опровергнут на рубеже XIX–XX веков. Л.Н. Андреев и И.А. Бунин «прозрели» в своих произведениях горькую судьбу человечества.

Новый художественно-антропологический эксперимент развернут Леонидом Андреевым в рассказе «Иуда Искариот». В качестве пути анализа целесообразно выбрать сравнение сюжета и действующих лиц рассказа

⁵ Н.А. Бердяев, *Откровение о человеке в творчестве Достоевского*, Москва 1993, с. 54-75.

с евангельскими, обнаруживая совпадения и несовпадения в событиях и трактовках образов, находя «стереотипное», традиционное, и новое – андреевское. В процессе такого сравнения становится очевидной трагичность и тупиковость пути человечества, предавшего Христа, отречьегося от него, – поэтому так безрадостен финал. Евангельский сюжет дан Андреевым не полностью: в нем отсутствует важнейший (все оправдывающий и всему придающий смысл) компонент – воскресение. Само предательство Иуды так же, как и «проба» Раскольникова, встраивается в логику эксперимента – испытания человечества. Рассказ заканчивается самоубийством Иуды и разлетевшейся вестью о смерти предателя. Однако никто так и не заметил открытия, совершенного Иудой, который мучительно искал опровержения своим подозрениям о том, что человек злобен, низок, лжив по своей природе, и даже пожертвовал самым дорогим, отдав на распятие Христа, – открытия человечеству его, человечества, страшной низости.

В этом же контексте «тупиковости пути человечества» следует рассматривать и бунинскую сверкающую огнями «Атлантиду» (похожую на огромный отель, уплывающий под присмотром Дьявола в мрачный бушующий океан с мертвой куклой в ящике из-под содовой воды – бывшим господином из Сан-Франциско) – как притчу о судьбе бездуховной цивилизации, поставившей комфорт и материальное выше самой жизни, – жизни вечной и прекрасной, хвалу которой, обращаясь к деве Марии и солнцу, возносят на острове Капри в декабрьские (предрождественские дни), как притчу о нелепой самонадеянности «Нового человека со старым сердцем», возомнившего себя Господином в этом мире. При интерпретации рассказа важно сделать акцент не только на морально-нравственной стороне («нравственный урок»: нельзя посвящать свою жизнь материальному, накопительству и т.д., потому что ты можешь не успеть насладиться благами цивилизации, а после смерти будешь никому не нужен), но именно на притчевом характере произведения: на выявлении христианских образов и мотивов, на антитезах «вечное – преходящее», «цивилизация – стихия, природа», «Дьявол – Христос», «жизнь – смерть».

Одним из «воспитательных» результатов такого диалога «без правильных ответов» является осознание современными подростками того, что заданный сто лет назад вопрос – каков человек по своей природе? – еще не решен. И от личного ответственного выбора ответа каждого из нас напрямую зависят судьбы сегодняшнего мира.

Итоги размышлений требуют соответствующей формы воплощения, например, в виде развернутого ответа на вопрос: «Л. Андреев и Ф.М. Достоевский о сущности человека и судьбе человечества: с кем Вы?». Трудность ситуации для учителя состоит в том, что он должен быть готов как к признанию школьников, что неверие в человечество, предавшее идеалы любви и сострадания, признание людей трусливыми, лживыми и слабыми кажется достовернее, чем гуманистический оптимизм Достоевского (хотя, как показывает наш опыт, современные школьники склонны скорее верить в доброе начало в человеке, которое признают пока «замутненным» или дремлющим), так, возможно, и к тому, что будет сформулирован новый вариант ответа, не предусмотренный писателями.

Итак, собственно педагогическое действие состоит в данном случае в помещении подростка как равноправного субъекта диалога в «поле вопросов и множественности вариантов ответов», при отсутствии однозначно правильного. Подобные поливариантные ситуации являются способом «запуска» рефлексивных процедур: различения позиций, соотношения позиций друг с другом, самоопределения школьника по отношению к позициям, осознания им собственных оснований для принятия/непринятия позиции и степени трансформации собственных представлений под ее влиянием⁶. Регулярный «запуск» рефлексивных процедур стимулирует развитие «привычки» к осмыслению поступающей информации (знаний, позиций, впечатлений), которая напрямую связана с внутренним трудом самопознания (понимания себя, осмысления своего взгляда на жизнь в целом и на отдельные явления, его источников: «отчего» я так думаю?) и, как следствие – с сознательным внутренне управляемым самостроительством.

В русской литературе достаточно материала для подобных «упражнений» на действие в среде с принципиально неразрешимыми вопросами, с множественностью ответов, незавершенностью, свободой и ответственностью выбора. «Диалог» может быть выстроен вокруг вопросов «Что делать? Как переустроить общество? Как изменить несправедливо устроенный мир? Какие есть пути и допустимы ли они?» с ответами из романов «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Обрыв» И.А. Гончаров, из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; вопросов «В чем смысл жизни? Как определяется путь человека? Как растет душа человеческая?» – с вариантами ответов Л.Н. Толстого («Война мир»), А. Блока (лирика), М. Горького («На дне») и т.д.

На наш взгляд, понимание развивающего ресурса «высокой» литературы в эпоху увлечения естественными и инженерно-техническими науками, массовой ориентации на научно-технический прогресс раскрывает новые перспективы для определения места и роли литературы в образовательном процессе и в жизни человека в целом: не только обслуживание эстетических и интеллектуальных запросов личности и преподавание «уроков нравственности», но и решение важнейшей задачи – развития современного человека с мышлением, адекватным вызовам времени.

Литература

- Бахтин М.М., *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа, в: Литературно-критические статьи*, Москва 1986, с. 473–500.
- Бердяев Н.А., *Открытие о человеке в творчестве Достоевского*, [в:] *О русских классиках*, Москва 1993, с. 54–75.
- Библер В.С., *От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*, Москва 1990

⁶ Наше понимание в основе своей опирается на трактовку рефлексии как способности субъекта к соотносению своей позиции с другими позициями Г.П. Щедровицкого, отраженную в многочисленных публикациях ученого.

Видт И.Е., *Культурологические основы образования*, Тюмень 2002.

Выготский Л.С., *Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка*, Москва 1956.

Громыко Н.В., *Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования. Доклад на международной конференции «Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века». Март, 2001*, [в:] *Метапредмет «Знание»: учеб. пособ. для старших классов*, Москва 2001, с. 414–425.

Каган М.С., *Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления*, [в:] *Глобализация: синергетический подход: сб. докладов и сообщений методологического семинара профессорско-преподавательского состава Российской академии государственной службы при Президенте РФ*, Москва 2009.

Леонтьев А.Н., *Деятельность. Сознание. Личность*, Москва 2004.

Материалы VII Международной научно-практической конференции «Педагогика текста. Книга на полке и в руках читателя. Интериоризация текста: педагогические аспекты процесса», 26–27 октября 2015, Санкт-Петербург 2015.

Налимов В.В., *На грани третьего тысячелетия. Что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку*, Москва 1994

Рубинштейн С.Л., *О мышлении и путях его исследования*, Москва 1958.

Степин В.С., *Философия науки и техники*, Москва 1999.

Тихомиров О.К., *Структура мыслительной деятельности человека*, Москва 1969.

Щедровицкий Г.П., *Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание»*, [в:] *Мышление и общение: Материалы Всесоюзного симпозиума*, Алма-Ата 1973, с. 28–32.

Эпштейн В.Л., *Антропоцентрическое информационное взаимодействие (вопросы терминологии)*, „Проблемы управления” 2003, № 1, с. 28–33.

Развитие мышления школьников: ресурсы русской литературы

Резюме

В статье в продолжение выводов новейших нейрофизиологических исследований о значимости чтения «высокой» литературы для развития мозга выдвигается и теоретически обосновывается идея об использовании ресурсов литературы как «поливариантной, диалогической среды» для развития мышления человека, конгруэнтного современному миру.

Ключевые слова: современный мир, развитие мышления, ресурсы литературы, пространство диалога, «вечные» вопросы, многовариантность ответов, рефлексия.

The Development of Pupils' Thinking: Resources of Russian Literature

Abstract

The article in continuation of the latest findings of neurophysiological studies on the significance of reading “high” literature for the development of the brain is proposed and

theoretically substantiated the idea of using the resources of literature as a “multivariant, Dialogic environment” for the development of students’ thinking congruent to the modern world.

Key words: the modern world, the development of thinking, resources of literature, a space for dialogue, “eternal” questions, the multiple answers, reflection.

Татьяна Обласова
доктор педагогических наук
кандидат филологических наук
доцент кафедры русской литературы
Тюменского государственного университета

Tatiana Oblasova, Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Philology
Associate Professor of the Applied Russian Literature
Tyumen States University
e-mail: tatianaoblasowa@yandex.ru
+89048750475

Dorota Świątkiewicz-Siklucka

Im wcześniej, tym lepiej – mit obalony?!

Dzieci *versus* starsi uczniowie a nauka języka obcego

*Postępując się różnymi językami,
ludzie muszą budować odmienne ramy dla procesów myślowych,
a nawet doznań zmysłowych.
To język generuje konkretny sposób postrzegania.*
J.G. Hamann [Za: Steiner 2000:124]

„Dorośli szybciej i łatwiej niż dzieci uczą się języków obcych”¹. Tezę tę potwierdziły opublikowane ostatnio wyniki badań prowadzonych przez Sarę Ferman z Uniwersytetu w Tel Awiwie. Także badacze D. Chopra i R.E. Tanzi stwierdzają: „Istnieje... optymalny wiek dla nauki języków obcych; jego szczyt przypada na o k r e s p ó ł n e j n a s t o l e t n o ś c i” [podkr. – D.Ś.-S.]².

Pośród badaczy podzielających ten pogląd wspomniemy jeszcze Ernsta Apeltauera i Mela Levine’a. Profesor pediatrii, klinicysta z ponad 30-letnim doświadczeniem, specjalista w zakresie procesów uczenia się i rozwoju, Mel Levine obala zdecydowanie mit głoszący, iż dzieci w wieku przedszkolnym szybciej przyswajają język obcy niż starsi uczniowie (gimnazjum, liceum), pisząc:

Mija się to z prawdą. W rzeczywistości kilka ostatnio przeprowadzonych badań wykazało, że czternastolatki uczą się języków obcych znacznie łatwiej i skuteczniej aniżeli pięcio- lub sześciolatki. Z tego nie wynika, że trzeba rezygnować z prób uczenia małych dzieci drugiego języka, ale z pewnością nie powinniśmy dawać wiary twierdzeniu, że młodsze dzieci uczą się języków łatwiej od ich starszego rodzeństwa [podkr. – D.Ś.-S.]³.

Wbrew powszechnemu przekonaniu, iż jest na odwrót, to znaczy, iż to dzieci łatwiej i szybciej opanowują język obcy i wbrew panującemu od pewnego czasu szaleństwu wysyłania na lekcje języków obcych coraz młodszych dzieci. Czy w tej sytuacji posyłanie przedszkolaków na lekcje języka obcego pozbawione jest sensu?

¹ www.charaktery.eu/wiesci-psychologiczne/4935/Łatwa-nauka-dla-dorosłych [dostęp: 3.01.2012], za: www.dnews.de.

² D. Chopra, R.E. Tanzi, *Twój supermózg*, G.W. Foksal, Warszawa 2014, s. 111.

³ M. Levine, M., *Umysł – krok po kroku. Nowe rewolucyjne techniki nauczania dzieci*, Wyd. Albatros, Warszawa 2006, s. 176.

Z pewnością nie, ale należy uświadomić sobie, a raczej rodzicom dzieci, istnienie pewnych ograniczeń. Dodajmy jeszcze, że zmuszanie jako działanie wbrew woli dziecka z pewnością nie jest wskazane, ale zaproszenie do spotkania z nowym językiem, rozumiane jako próba zaznajomienia dziecka z nowym językiem i kulturą – niewątpliwie ma sens.

W niniejszym tekście chcemy rozważyć problem nauki języka obcego przez młodszych uczniów w warunkach zinstytucjonalizowanych. Celem jest ukazanie w krytycznym świetle wspomnianych, powszechnie przyjętych stereotypów głoszących, że dzieci w szybszym tempie i z większą łatwością uczą się języków obcych od starszych uczniów i dorosłych.

W książce M. Jagodzińskiej pt.: *Rozwój pamięci w dzieciństwie* czytamy:

Nikt nie oczekuje, że trzylatek nauczy się wiersza równie szybko jak jego siedmioletni brat, ani też że równie dokładnie zapamięta przedmioty na obrazku lub numer telefonu. Chociaż małe dzieci zadziwiają nieraz pamiętaniem różnych faktów, słów czy przedmiotów, to z reguły ich osiągnięcia pamięciowe są niższe w porównaniu z wynikami uzyskanymi przez dzieci starsze⁴.

Mimo trafności powyższych spostrzeżeń coraz więcej rodziców posyła na kursy języków obcych swe dzieci od najmłodszych lat. Czynią to w oczekiwaniu, że dzięki temu spełnią swe rodzicielskie marzenia o wspaniałej karierze zawodowej dziecka w przyszłości. Związane jest to zaś z wyobrażeniem, czy wręcz przekonaniem, że dzieci z łatwością i bez trudu opanowują język obcy. Bliskość czasowa akwizycji języka pierwszego każe wierzyć (jak wykażemy – nie całkiem słusznie), że dziecko równie „naturalnie” opanuje język obcy, jak stało się to w przypadku języka pierwszego (ojczystego).

W tym miejscu należy wyjaśnić pojęcia języka pierwszego, drugiego i obcego oraz wskazać różnice występujące między procesami ich nabywania.

Język powszechnie zwany *ojczystym* to język wyjściowy, czyli L1, inaczej język prymarny, pierwszy, pierwotny, macierzysty, rodzimy. W dalszej części tekstu posługiwać się będziemy określeniem *język wyjściowy* bądź *pierwszy (L1)* ze względu na jego trafność, mamy tu bowiem na myśli język stanowiący punkt wyjścia do wszystkich dalszych języków, pierwszy sposób nazywania świata, kod językowy, do którego odnoszą się – w który ubrane są – nasze myśli, wyobrażenia, najczęściej także sny. Nie dotyczy to oczywiście osób dwujęzycznych, o czym powiemy w dalszej części tekstu. L1 bywa także poetycko nazywany „językiem serca”.

Określenia *język drugi (L2)* i *język obcy* używane są przez niektórych badaczy zamiennie, aczkolwiek istnieje między nimi wyraźna różnica. Język drugi, to taki, którego uczymy się równoległe z językiem pierwszym, bądź z nieznacznym opóźnieniem (3–4 lata) i – co ma zasadnicze znaczenie – w kraju, w którym język ten używany jest do codziennej komunikacji. Ponadto nauka (akwizycja) języka drugiego (L2) realizuje się zazwyczaj w sposób niesformalizowany, czyli nie podczas lekcji w rozumieniu warunków szkolnych.

Miano *języka obcego* przyznajemy zaś analogicznie językowi, którego uczymy się w sposób świadomy, intencjonalny, w warunkach formalnych, zinstytucjonalizowanych, w kraju naszego języka pierwszego, a język ten nie służy w naszym

⁴ M. Jagodzińska, *Rozwój pamięci w dzieciństwie*, GWP, Gdańsk 2003, s. 20.

otoczeniu do komunikacji. Oznacza to, że uczący się ma raczej ograniczone możliwości komunikowania w danym języku poza lekcjami (choć oczywiście w XXI wieku możliwości te są znacznie większe, niż kiedykolwiek wcześniej). Zgodnie z takim rozumieniem rzeczy mianem *akwizycji* określamy opanowywanie języka w warunkach „naturalnych”, czyli w kontekście swobodnego kontaktu z językiem na drodze osobistych interakcji; *uczeniem się* nazywamy natomiast świadomy proces przyswajania języka przebiegający w warunkach sformalizowanych (najczęściej szkolnych).

Akwizycja to uczenie się, nie będąc formalnie nauczonym, jest to więc opanowywanie języka zbliżone do nabywania umiejętności w drodze doświadczenia, a nie poprzez formalne instrukcje teoretyczne. Takie przyswajanie języka realizuje się najczęściej metodą prób i błędów.

Należy w tym miejscu zwrócić uwagę na rzecz najbardziej istotną, otóż podstawową różnicę między akwizycją języka pierwszego a każdego następnego stanowi fakt, iż ten pierwszy proces przebiega równoległe z rozwojem mózgu danej osoby i jest możliwy właśnie dzięki niemu oraz to, że wraz z nauką swego pierwszego języka dziecko poznaje i uczy się nazywać otaczający je świat, także świat swego wnętrza – uczuć, pragnień, potrzeb. Podkreślić należy z całą stanowczością, że akwizycja L1 stanowi proces jedyny w swoim rodzaju i niepowtarzalny. Z chwilą, kiedy dziecko pozna określenia czynności, przedmiotów, zjawisk, to znaczy nauczy się nazywać świat wokół siebie i w sobie, w języku pierwszym – od tego momentu wszelka nauka drugiego języka winna być określana jako nauka języka obcego, gdyż oznacza zawsze odmienne nazywanie tego, co znane. To nauka w znaczeniu zmiany przyzwyczajzeń, także jeśli chodzi o artykulację, oznacza bowiem zmianę przyzwyczajzeń w zakresie ustawień artykulacyjnych narządów mowy. Jest to uczenie się nowych określeń dla znanych zjawisk i przedmiotów, nowego – często zaskakująco odmiennego sposobu nazywania rzeczywistości, czyli ujmowania rzeczywistości i myśli w słowa, inne niż poznane uprzednio (czyli podczas akwizycji L1). Z jednej strony mamy więc do przewyciężenia nawyki artykulacyjne, z drugiej leksykalno-strukturalne (kombinatoryka czy łączliwość wyrazów). W takiej sytuacji pojawia się zawsze problem konieczności zwalczania narzucającej się samoistnie interferencji języka pierwszego.

Szczególny przypadek stanowią osoby dwujęzyczne od początku swego życia, tzn. takie, które od urodzenia (a nawet jeszcze wcześniej – w okresie prenatalnym) równocześnie wystawione są na kontakt i działanie dwóch języków. Badania mózgu potwierdzają, że architektura mózgu takich osób różni się od tej osób jednojęzycznych. Nieco inaczej sytuacja przedstawia się także w przypadku tzw. późnej dwujęzyczności. Rzecz jasna w przypadku nauki języka obcego w warunkach zinstytucjonalizowanych, na etapie częściowego bądź prawie pełnego opanowania języka pierwszego sytuacja jest diametralnie różna od dwóch uprzednio omówionych. Brakujący kontekst sytuacyjny w nauce szkolnej realizowanej w kraju języka wyjściowego (L1) ucznia wpływa bowiem znacząco na przebieg procesu opanowywania języka.

Exkurs: Kontakt z językiem w okresie prenatalnym

W świetle najnowszych badań potwierdzających wcześniejsze przypuszczenia, że dziecko już w okresie prenatalnym „uczy się” języka, warto zwrócić uwagę na

trafność niemieckiego określenia *Muttersprache* [dosł. *język matki*]. Określenie to jest słuszne nie w odniesieniu do języka używanego przez otoczenie dziecka PO jego urodzeniu, gdyż tu bardziej trafne jest określenie *język rodzimy* lub *ojczysty*, lecz PRZED urodzeniem, a więc w okresie życia płodowego. Wszak język matki nie zawsze jest też automatycznie językiem dziecka; Wyobraźmy sobie mianowicie sytuację, gdy matka, dajmy na to Chinka żyjąca w Niemczech, mówi od urodzenia do dziecka po niemiecku. Język niemiecki będzie więc jego L1. Co jednak, jeśli matka posługiwała się w ciąży głównie bądź wyłącznie swym rodzimym językiem? Czy w kontekście dowodów na to, że noworodek rozróżnia (rozpoznaje) brzmienie języka, którym posługiwała się matka w jego okresie prenatalnym, fakt ten ma istotne znaczenie dla akwizycji języka bądź języków przez dziecko?

Jagodzińska⁵ dowodzi, że w okresie płodowym docierają do dziecka głównie dźwięki mowy matki (konkretnie „od 25. tygodnia po poczęciu”), szczególnie dobrze odbierana jest „intonacja głosu matki”, także „prozodyczne właściwości mowy, takie jak podstawowa częstotliwość [...], cechy czasowe i rytmiczne charakterystyczne dla danego języka, jak i dla osoby mówiącej, struktura frazy językowej, tembr głosu”⁶. Świadczą o powyższym „pomiary aktywności elektrycznej mózgu, a także reakcje ruchowe na dźwięk”. Przytaczane przez Jagodzińską badania wykazują ponad wszelką wątpliwość, że już „dwudniowe noworodki odróżniają język ojczysty matki od innego języka”⁷. Stwierdza się ponadto, że „noworodki nie wykazują preferencji do słuchania głosu ojca, mimo że miały z nim częsty kontakt”. Interpretuje się ten fakt jako „przejaw pamięci doświadczeń z okresu prenatalnego”. Podsumowując Jagodzińska stwierdza, iż

Przytoczone dane przemawiają za tym, że doświadczenia z okresu życia płodowego wpływają na późniejszy odbiór dźwięków. Można przypuszczać, że noworodek pamięta przynajmniej rytm i melodię dźwięków, które najczęściej odbierał w okresie prenatalnym: głosu swojej matki, a może także bicia jej serca. Są to jednak ciągle nieliczne informacje wymagające jeszcze potwierdzenia w dalszych badaniach⁸.

Czy możemy więc wyciągnąć wniosek, że jeśli L1 dziecka nie jest językiem, którego matka używała w czasie ciąży, to możliwa jest „reaktywacja” pamięci pozwalająca na łatwiejsze opanowanie przez dziecko języka matki? Jeśli więc dziecko z okresu przed urodzeniem zna inny język niż ten, który opanowuje po urodzeniu, to czy wówczas ma „wiedzę” predestynującą je do łatwiejszego opanowania owego języka? Czy fakt ten ma wpływ na akwizycję L1 przez dziecko (jeśli nie jest to język matki)? A może w tym właśnie tkwi wyjaśnienie fenomenu dwujęzyczności w przypadku dzieci urodzonych w kraju o innym języku, niż język matki (w okresie płodowym dziecka) i innym niż ten, którym posługują się na co dzień w domu rodzice bądź opiekunowie dziecka? Pomyślmy też w tym kontekście o tzw. surogatkach pochodzących i żyjących w czasie ciąży w innym kraju niż ten, w którym będzie żyło dziecko i posługujących się innym językiem niż ten, którego będzie

⁵ Tamże, s. 39, 40, 41.

⁶ Tamże, s. 41.

⁷ Tamże, s. 40.

⁸ Tamże, s. 41.

używać otoczenie dziecka po jego urodzeniu. Obyśmy jednak nie doszli w ten sposób do absurdalnego wniosku, by uczyć dzieci języków już w okresie płodowym! Przypomnijmy, że potencjalnie dziecko może nauczyć się każdego języka, niezależnie od języka swych rodziców, co oznacza, iż możliwość opanowania konkretnego języka nie jest przekazywana genetycznie przez rodziców. To, jaki język czy jakie języki dane dziecko opanuje po urodzeniu zależy od tego, jakim językiem bądź jakimi językami posługuje się najbliższe otoczenie dziecka (komunikuje z nim).

Wracając do tematu tytułowego wypada ponownie powołać się na wnioski z badań opublikowanych przez Marię Jagodzińską. Ważne dla nauki i opanowywania języka obcego przez dzieci, liczne badania w zakresie pamięci bezpośredniej, szybkości uczenia się oraz trwałości pamięci dowodzą, że efektywność pamięci wzrasta wraz z wiekiem⁹. Ponadto badania z zakresu psychologii rozwojowej wykazują, że dopiero około 10 roku życia następuje u dziecka przejście z pamięci mimowolnej do pamięci dowolnej. Oznacza to, iż dopiero wówczas dziecko jest w stanie stosować strategie pamięciowe, dzięki którym zapamiętywanie staje się zamierzone (może więc w zamierzony sposób kierować swoją pamięcią)¹⁰. „Dopiero w wieku 6–7 lat [dzieci] zaczynają posługiwać się powtarzaniem, gdy chcą coś zapamiętać”. Ponadto „wraz z wiekiem dzieci następuje przechodzenie od pamięci mechanicznej do logicznej oraz od zapamiętywania niezamierzonego do zamierzonego”¹¹. Z wiekiem pojawia się też „świadomość metajęzykowa”¹², znacznie ułatwiająca przyswajanie języka obcego.

Jagodzińska zwraca więc uwagę, że do końca wieku przedszkolnego dzieci nie są w stanie stosować strategii pamięciowych, co znaczy, że dzieci nie wiedzą, co zrobić, by zapamiętać, a co więcej, nawet zastosowanie strategii nie poprawia wyników pamięciowych. Ich pamięć ma więc „charakter prestrategiczny”¹³. Wiąże się to z faktem wykorzystania nadmiernych zasobów poznawczych, czyli ze znacznym (nadmiernym) wysiłkiem umysłowym koniecznym do zastosowania strategii. W konsekwencji zapamiętanie staje się niemożliwe, gdyż zasoby zostają wykorzystane na samo tylko stosowanie strategii. Paradoksalnie mimo wspomnianych ograniczeń dzieci zapamiętują wszak zaskakująco dużo informacji płynących z otaczającego je świata. Nasuwa się więc pytanie, jak to możliwe. Odpowiedzią zdaje się być stosowanie przez dzieci zachowań takich jak „zabawa, eksploracja, naśladownictwo, monologi czy wspomnienia”. Zachowania tego typu określane są przez Jagodzińską naturalnymi „ekwiwalentami strategii pamięciowych”¹⁴. W ten sposób dziecko przetwarza informacje i wspomaga swą pamięć, mimo, iż nie stosuje w tym celu świadomych strategii. Z faktu tego wynikają konkretne konsekwencje dla nauczania języków obcych (i nie tylko), takie mianowicie, że nauka musi być realizowana drogą

⁹ Tamże, s. 20–25.

¹⁰ Tamże, s. 186.

¹¹ Tamże.

¹² Mianem tym Levine określa „nie tylko zdolność do posługiwania się językiem i zapamiętania jego konwencji, do rozumienia wypowiedzi i komunikowania się, ale także zdolność odłożenia na bok swych zajęć i zastanowienia się nad językiem oraz sposobem operowania nim”. M. Levine, *Umysł – krok po kroku...*, s. 172.

¹³ M. Jagodzińska, *Rozwój pamięci w dzieciństwie...*, s. 188.

¹⁴ Tamże, s. 189.

zabawy i naśladownictwa, a ilość powtórzeń podczas zajęć zapewnić musi zapamiętanie. Warte podkreślenia w tym miejscu jest, że ilość koniecznych do opanowania materiału powtórzeń jest zawsze kwestią indywidualną, zależną od potencjalnych możliwości uczącego się (określanych mianem *talentu* bądź *uzdolnień*), jego osobistej historii uczenia się i wielu innych czynników. Dodać należy ponadto inteligencję, oddziaływanie środowiska rodzinnego – stymulację bądź jej brak (wsparcie ze strony rodziców/opiekunów) itd.

W kwestii pamięci dodajmy, że dla przykładu w zakresie pamięci bezpośredniej „dziecko dwuletnie potrafi odtworzyć tylko 2 liczby po jednorazowym usłyszeniu, ale już w wieku około 14 lat odtwarza 7 liczb, co odpowiada zakresowi pamięci osoby dorosłej”¹⁵. Warto też uzupełnić informację, że „człowiek osiąga maksymalne zdolności pamięciowe w wieku około 20 lat, później następuje stabilizacja wyników i wreszcie spadek, początkowo powolny, a po czterdziestym roku życia bardziej wyraźny”¹⁶. Ale: O wyraźnym pogorszeniu funkcjonowania pamięci, zwłaszcza operacyjnej, możemy mówić dopiero w przypadku osób po 60. roku życia. Co ciekawe, badania funkcjonowania pamięci semantycznej u dorosłych w wieku między 35. a 80. rokiem życia wykazały, że najwyższe wyniki w testach płynności słownej i w teście słownikowym osiągnęły osoby mające 50–55 lat, zaś w zakresie wiedzy ogólnej osoby będące w wieku 55–60 lat¹⁷.

Sara Ferman, od której rozpoczęliśmy nasze rozważania, wyjaśnia że

dorośli łatwiej uczą się języka obcego, ponieważ szybciej dostrzegają występujące w nim podobieństwa do języka ojczystego. Poza tym są w stanie analizować przykłady i kojarzyć fakty. Zdaniem Ferman dzieci uczą się języka obcego w inny sposób, ponieważ inne jest ich podejście do mówienia. Dorośli boją się, że popełnią błędy i nie poprawią ich wystarczająco szybko, dzieci zaś są spontaniczne i nie zastanawiają się, czy mówią zgodnie z regułami, czy nie¹⁸.

Rozważmy w tym miejscu kwestię metodyki nauczania dzieci. Niezbędne jest właściwe z punktu widzenia psychologii rozwojowej, adekwatne do wieku ucznia, podejście do dziecka, tj. motywowanie (w rozumieniu nie tylko rozwijania motywacji zewnętrznej poprzez nagradzanie dziecka za osiągnięcia materialnymi bonusami, ale przede wszystkim poprzez umiejętne rozbudzenie w małym uczniu motywacji wewnętrznej, wyrażającej się w rzeczywistym zainteresowaniu i chęci nauczania się czegoś, dowiedzenia się, itp.), ocenianie, korekta błędów, rola pochwał, dostrzeżenia i uznania wysiłku włożonego w wykonanie zadania, nawet jeśli nie zostało wykonane poprawnie lub dokończony, a także informacja zwrotna (*feedback*). Niezwykle istotne jest prócz tego poczucie bezpieczeństwa. Ważne jest, by uczeń wiedział, że nawet jeśli popełni błąd, nie zostanie wyśmiany. Konieczne jest ze strony nauczyciela wyczucie i takt – w żadnym wypadku nie wolno ucznia wyśmiać, ośmieszyć, „obnażyć” przed kolegami, ironizować itp. Dotyczy to szczególnie ucznia

¹⁵ Tamże, s. 20.

¹⁶ Tamże.

¹⁷ Por. M. Jagodzińska, *Psychologia pamięci. Badania, teorie, zastosowania*, Wyd. Helion, Gliwice 2008, s. 448. Zob. też E. Apeltauer, *Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs*, Wyd. Langenscheidt, Berlin 1997.

¹⁸ Dodać tu należy, że badano dzieci w wieku 8–12 lat i dorosłych „w różnym wieku”.

małego, nie rozumiejącego jeszcze ironii czy subtelnych nawet uwag osobistych (ale nie znaczy, że starszych uczniów można w wymieniony sposób traktować. Różnica polega głównie na tym, że z wiekiem potrafimy śmiać się sami z siebie, rozumiemy zazwyczaj ironię itp.).

Brak umiejętności autonomicznego uczenia się przez dzieci wymusza konieczność mądrego kierowania poczynaniami ucznia ze strony nauczyciela. Oznacza to stopniowe uczenie (się) samodzielności, „dojrzewanie” do samodzielności, w tym także poprzez zadania domowe. W przypadku uczniów młodszych (niższych klas szkoły podstawowej) polecenie zawsze musi zostać zapisane na tablicy, dodatkowo nauczyciel winien sprawdzić, czy dzieci zanotowały w zeszytach i właściwie zrozumiały istotę zadania. Obowiązuje zasada: im młodszy uczeń, tym bardziej starannie sprawdzamy jego notatki. W miarę możliwości należy sprawdzić wykonanie zadania i docenić starania ucznia.

Znaczenie wieku uczącego się języka obcego wyraża się nie tylko w różnym dla różnych grup wiekowych funkcjonowaniu umysłu (wynikającym zarówno z jego etapu rozwojowego, predyspozycji genetycznych, jak i dotychczas zdobytej wiedzy i umiejętności), ale także poprzez stopień opanowania języka wyjściowego. Im więcej pojęć zostało przez dziecko (uczącego się) poznanych/opanowanych, tym bardziej wyraźnie uczenie się języka obcego będzie różne (odległe *ergo* odmienne) od akwizycji języka pierwszego. Język ten – jak wspomnieliśmy wyżej – słusznie nazywany jest „wyjściowym”, jako że stanowi on punkt wyjścia i odniesienia do każdego opanowywanego później języka, bez względu na warunki i okoliczności. Wbrew pozorom jednak i wbrew powszechnie panującej opinii rozpoczęcie nauki języka obcego w późniejszym wieku (tzn. po opanowaniu języka L1) niesie ze sobą wiele korzyści, dając tym samym przewagę uczniom starszym nad młodszymi. Okazuje się mianowicie, że postępujący rozwój kognitywny uczącego się a także jego większa wiedza ogólna o świecie (*Weltwissen*) są niewątpliwą i znaczną korzyścią. Starsi uczniowie wykorzystują (mogą wykorzystać) posiadaną wiedzę do nauki języka obcego. Potrafią na przykład szybciej i łatwiej klasyfikować, abstrahować, wyciągać wnioski, porównywać, dedukować i indukować, to jest wykorzystywać w pełni swój potencjał umysłowy. A co za tym idzie na przykład domyślać się znaczenia z kontekstu, tworzyć i stosować reguły syntaktyczne czy leksykalne etc.¹⁹ Dochodzi do tego także poznawanie przez uczniów i rozwijanie odpowiednich dla siebie strategii uczenia się, nieznanych jeszcze dzieciom. Uczniów starszych wyróżnia też lepsza kontrola uwagi, potencjalnie dłuższy czas koncentracji itp. Także Levine zaleca (z perspektywy lekarza zajmującego się procesami uczenia się) w razie wystąpienia problemów z opanowaniem nowego kodu językowego, odłożenie nauki języka obcego „do czasu uzyskania znacznego postępu” w języku pierwszym²⁰. Levine porusza niezwykle ważny problem, mianowicie zwraca uwagę, iż

Najczęściej dzieci, które źle sobie radzą z drugim językiem, cierpią (mogą nawet o tym nie wiedzieć) na zaburzenia neurorozwojowe w zakresie pierwszego języka. Dziecko, które nigdy nie zdołało przyswoić sobie dobrze fonologii, semantyki i budowy zdań

¹⁹ E. Apeltauer, *Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs...*, s. 12.

²⁰ M. Levine, *Umysł – krok po kroku...*, s. 176.

w ojczystym języku [...], najprawdopodobniej napotka jeszcze większe trudności w nauce angielskiego²¹.

Kolejnym badaczem podkreślającym zalety uczenia się języka obcego przez starszych uczniów jest Ernst Apeltauer. Z zestawienia sporządzonego przez Apeltauera wynika, iż w lepszej sytuacji niż dzieci są starsi uczniowie. Okazuje się mianowicie, że w warunkach nauczania zinstytucjonalizowanego młodzież osiąga lepsze wyniki w przyswajaniu aspektów morfologiczno-syntaktycznych języka, także w zakresie indukcyjnego odkrywania reguł i wnioskowania znaczeń z kontekstu. Gorzej radzą sobie natomiast zazwyczaj w kwestii naśladowania strony fonetycznej języka, co najczęściej jednak ma swą przyczynę w obawie przed ośmieszeniem się wobec kolegów, nie zaś w fizycznej niemożności realizacji dźwięków języka obcego²². Możliwości adaptacyjne ludzkiej aparatury artykulacyjnej bywają bowiem niedoceniane i wbrew teorii tzw. *okresu krytycznego* nie wyczerpują się wraz z wejściem przez dziecko w fazę dojrzewania (adolescencji).

Wspomnieć należy także o dodatkowej przeszkodzie w przyswajaniu języka obcego przez starszych uczących się w postaci działania *siły przyzwyczajania*. Przyzwyczajanie, będące jak wiadomo drugą naturą człowieka, dotyczy wszystkich elementów związanych z użyciem języka. Mamy tu na myśli przyzwyczajania fonetyczne (zarówno w zakresie produkcji językowej, jak i recepcji), gramatyczne (syntaktyczne), semantyczne, także pragmatyczne²³. Konsekwencją działania tejże siły przyzwyczajania jest pojawianie się błędów interferencyjnych, powodowanych interferencją (czyli samoistnym narzucaniem czy nakładaniem się wzorców) lepiej przyswojonego języka, najczęściej L1, bądź innego, lepiej opanowanego języka obcego.

W świetle tego, co zostało powiedziane, rozumiałe staje się, że wczesne nauczanie języka obcego niesie ze sobą zarówno pozytywne, jak i negatywne aspekty.

Plusy wczesnego nauczania to bezsprzecznie łatwiejsza nauka wymowy ze względu na większą elastyczność czyli łatwość przystosowawczą aparatu artykulacyjnego i zazwyczaj brak oporów w naśladownictwie wzorca, pod warunkiem jednakże, że wzorzec ów jest optymalny. Jeśli nie, to sens nauki języka staje pod znakiem zapytania. Pamiętajmy bowiem, iż raz nabyte, błędne nawyki są niezwykle trudne do wykorzenia, co znaczy, że łatwiej nauczyć się czegoś od początku, niż zmienić błędny nawyk. Należy prócz tego mieć świadomość, że w warunkach zajęć zinstytucjonalizowanych, realizowanych zazwyczaj w wymiarze 2 razy 45 minut tygodniowo, w sytuacji, gdy dziecko nie ma styczności z językiem obcym poza zajęciami, ponadto nie może w żaden sposób powtórzyć materiału (nie umiejąc czytać ani pisać), trudno liczyć na wiele. Jednak nawet samo tylko opanowanie właściwej wymowy (nabycie wzorców artykulacyjnych, uwrażliwienie, wczesne przystosowanie narządów mowy do artykulacji dźwięków danego języka obcego), stanowi znaczną korzyść i przemawia za wczesnym nauczaniem języka obcego. Nawet jeśli dziecko opanuje niewielki zasób słów i nie opanuje wielu wzorców strukturalnych, to z łatwością nadrobi te braki w miarę swego rozwoju kognitywnego, gdyż

²¹ Tamże.

²² E. Apeltauer, *Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs...*, s. 12–13.

²³ Tamże, s. 13.

jak wykazaliśmy, starsi uczący się mają w tym względzie znaczną przewagę nad dziećmi. Idealnie byłoby, gdyby dziecko żyjąc w kraju swego języka pierwszego mogło kilka razy w tygodniu „zanurzyć się” w języku obcym poprzez kilkugodzinny kontakt z (najlepiej rodzimym) użytkownikiem danego języka, który towarzyszyłby dziecku w codziennych czynnościach, ucząc go w sposób zbliżony do opanowywania języka pierwszego, to znaczy w formie codziennej interakcji.

Dodatkowo niewątpliwą zaletą wczesnego nauczania języka obcego może być zaszczepienie w dziecku sympatii do danego języka, ciekawości, chęci rozumienia i bycia rozumianym (ukazanie korzyści, jakie daje możliwość komunikacji językowej z obcokrajowcami np. podczas pobytu w obcym kraju). Ale istnieje oczywiście zawsze też potencjalne niebezpieczeństwo, iż stanie się inaczej – wystarczy, że dziecko przeniesie swą antypatię do nauczyciela, strach (przed nauczycielem czy nowym językiem), bądź np. wspomnienie niechęci wywołanej zmęczeniem odczuwanym podczas dodatkowych zajęć o niekorzystnej porze, by powstała trudna do przezwyciężenia w przyszłości niechęć do nauki danego języka²⁴. U dziecka może też pojawić się poczucie frustracji czy zagubienia w warunkach, gdy nie rozumie słów i poleceń nauczyciela, które to uczucie może pozostać na stałe wpisane w jego umyśle i wpływać na późniejsze zachowania i podejście do nauki, a tym samym utrudnić bądź nawet uniemożliwić wytworzenie właściwej motywacji do nauki. Może być oczywiście także na odwrót – tzn. fakt, iż kilkuletnie dziecko nie rozumiało mowy innych (użytkowników innego języka podczas lekcji czy np. podczas wyjazdów zagranicznych), może stanowić ogromną motywację do nauki i chęć pokonania barier i opanowania języka.

Pytanie nie brzmi więc CZY, ale JAK uczyć dzieci języka obcego. W odpowiedzi najbardziej adekwatne jest niemieckie określenie *gehirngerecht*, czyli w zgodzie z funkcjonowaniem mózgu i zatem stosownie do wieku uczącego się, zgodnie z możliwościami mózgu na danym etapie rozwoju, stosownie do poziomu rozwoju, do możliwości konkretnego dziecka, także stosownie do okoliczności i warunków zewnętrznych. Zasadnicze pytanie dotyczy więc także kwestii, czy nauczyciele są metodycznie i psychologicznie przygotowani do nauczania najmłodszych?

Także (a może przede wszystkim) w kontekście nauki języka obcego winniśmy pamiętać, że „Mózg każdego człowieka jest niepowtarzalny”²⁵. W konsekwencji każdy uczy się inaczej, zwraca uwagę na inne fakty i rzeczy, w innym tempie przetwarza informacje, zapamiętuje, odbiera i tworzy język itp. Owe różnice w procesie uczenia się muszą siłą rzeczy prowadzić do odmiennego funkcjonowania uczniów podczas nauki. Levine wysuwa wręcz postulat elastycznego modyfikowania przez nauczycieli sposobów nauczania i oceniania swych uczniów, gdyż „postulat równości wyklucza jednakowe traktowanie wszystkich dzieci”²⁶.

²⁴ Co do niekorzystnej pory – należy pamiętać, że dodatkowe zajęcia językowe w przedszkolach i szkołach odbywają się najczęściej późnym popołudniem lub wieczorem, gdy percepcja zmęczonego dziecka niewątpliwie nie jest optymalna.

²⁵ M. Levine, *Umysł – krok po kroku...*, s. 13.

²⁶ Tamże, s. 112.

Warto wspomnieć w tym miejscu o sformułowanej przez Wygotskiego *strefie najbliższego rozwoju*²⁷. Strefa ta wyznacza optymalny czas na opanowanie wiedzy i umiejętności z danego przedmiotu. Wygotski podkreślał, że najkorzystniejszym momentem dla nauczania jest wykorzystanie dojrzewających funkcji umysłu dziecka. Oznacza to, że najlepsze wyniki można osiągnąć ucząc dziecko dziś tego, co jutro mogłoby osiągnąć bez naszej pomocy. To właśnie strefa najbliższego rozwoju, która pozostaje w zgodzie z nauczaniem wedle zasady *gehirngerecht*, czyli adekwatności nauczania i uczenia się do aktualnego stanu funkcjonowania mózgu ucznia.

Innym ważnym aspektem wpływającym na naukę języka obcego jest wynikająca z wieku ucznia stopień opanowania języka pierwszego.

Ucząc języka obcego musimy mieć na względzie szczególne powiązanie występujące pomiędzy stopniem opanowania języka pierwszego a nauką języka obcego, które ujawnia się zwłaszcza w przypadku dzieci rozwijających dopiero swe umiejętności w zakresie języka wyjściowego (L1). Oznacza to, że nawet niewielkie (łagodnie) zaburzenia neurorozwojowe powodujące deficyty językowe, utrudniające dziecku naukę języka pierwszego, wpływają także na naukę języka obcego. Mogą one znacząco wpływać na opanowanie języka obcego utrudniając je, spowalniając i zmuszając do zwiększonego wysiłku, by sprostać wymaganiom. Brak zrozumienia problemu ze strony rodziców i nauczycieli skutkuje postrzeganiem dziecka jako leniwego bądź wręcz mało zdolnego, podczas gdy w rzeczywistości problemy z opanowaniem języka mogą być wynikiem niedoskonałego w tym względzie oprogramowania mózgu dziecka²⁸.

„Nauka drugiego języka jest [...] przykładem przedmiotu, którego opanowanie wymaga dobrych zdolności językowych”²⁹. Musimy pamiętać, że o przyswajaniu języka decyduje wiele czynników, w tym łatwość odróżniania przez umysł głosek danego języka, „zdolność do rozumienia, zapamiętywania i stosowania nowego słownictwa, do wyrażania myśli w mowie i piśmie oraz szybkie rozumienie mowy, konieczne do nadążania za ponaddźwiękowym, wydawałoby się, tokiem słownych wyjaśnień i poleceń”³⁰. Nawet nieznaczące braki w zakresie jednej z wymienionych zdolności mogą prowadzić do problemów w nauce języka obcego. Dlatego, zamiast posądzać ucznia o lenistwo czy brak zdolności, rozważmy, czy może słabe osiągnięcia nie są spowodowane wymienionymi powyżej trudnościami. Przede wszystkim zaś rodzice, nim pošlą swe dzieci (zwłaszcza te w wieku przedszkolnym) na dodatkowe kursy języków obcych, winni zadać sobie pytanie, czy ich dziecko jest w stanie na obecnym etapie rozwojowym poradzić sobie z dodatkowym obciążeniem, czy może korzystniej będzie poczekać z nauką dodatkowego języka i poprawić funkcjonowanie umysłu dziecka w zakresie układu językowego. Zwróćmy uwagę na następujący fakt i zależność: dziecko mające trudności z poprawnym opanowaniem języka pierwszego w mowie i piśmie, będzie najprawdopodobniej miało tym większe problemy w opanowaniu języka obcego. Warto więc najpierw zadbać o zniwelowanie deficytów w zakresie L1, by problemy nie nawarstwiały się, osłabiając tym

²⁷ L.S. Wygotski, *Wybrane prace psychologiczne II: dzieciństwo i dorastanie*, red. A. Brzezińska, M. Marchow, Wyd. Zysk i S-ka, Poznań 2002, s. 87–88.

²⁸ Por. M. Levine, *Umysł – krok po kroku...*, s. 152.

²⁹ Tamże, s. 37.

³⁰ Tamże.

samym wiarę młodego człowieka we własne możliwości, a nauczyciela i/lub otoczenia w zdolności i rzetelność ucznia.

Cytowany powyżej Levine radzi, iż dzieci z zaburzeniami języka powinny odłożyć naukę języka obcego do czasu uzyskania znacznego postępu w języku wyjściowym: „Należy uczciwie powiedzieć, że nie powinno się rozpoczynać nauki drugiego języka przed dobrym opanowaniem języka ojczystego”³¹ [podk. – D.Ś.-S.].

Jednym słowem: Wiek ma ogromne znaczenie dla sposobu uczenia się (przez ucznia) i doboru metod nauczania (przez nauczyciela), natomiast nie stanowi najważniejszego i decydującego kryterium w kwestii osiągnięcia optymalnych efektów w nauce języka obcego. Znaczenie ma nie tak bardzo to, KIEDY rozpoczynamy naukę języka obcego, lecz to, JAK do tejże nauki podchodzimy, ponadto intensywność i rodzaj kontaktu z językiem oraz wiele innych czynników³².

Z neuropsychologicznego punktu widzenia – biorąc pod uwagę niezwykle plastyczność mózgu w wieku dziecięcym należy opowiedzieć się zdecydowanie na korzyść wczesnej nauki języka obcego. Wspomniana szczególna plastyczność mózgu oraz elastyczność aparatu artykulacyjnego w wieku dziecięcym umożliwiają zazwyczaj skuteczną naukę języka obcego w dzieciństwie. Prócz tego należy zwrócić uwagę na pozytywny wpływ nauki języka obcego na uczenie się dalszych języków w przyszłości, a także na wszelkie uczenie się, poprzez zwiększanie ogólnego potencjału poznawczego dziecka. Jak wykazują aktualne badania z zakresu neuropsychologii, wczesny kontakt z językiem obcym w specyficzny – pozytywny sposób wpływa na rozwój dziecięcego mózgu. Należy jednak pamiętać o zastrzeżeniach poczynionych powyżej.

Reasumując należy powiedzieć jasno, iż dzieci bez wątplenia nie są lepsze ani szybsze w nauce języków obcych niż starsi uczniowie. Mamy tu na myśli uczniów starszych klas szkoły podstawowej, także młodzież tzw. szkół średnich. Odrębną grupę stanowią osoby dorosłe i w wieku dojrzałym. Oczywiście nie znaczy to, że należy zaniechać nauki języka we wczesnych latach szkolnych czy nawet przedszkolnych. Do rozważenia pozostaje tylko kwestia, jak nauczać, by odbywało się to w zgodzie z rozwijającym się (kształtującym się) mózgiem, w zgodzie i z wykorzystaniem dopełniającej się akwizycji języka wyjściowego, z optymalną korzyścią dla małego ucznia, stanowiąc tym samym inwestycję w jego przyszłość oraz przyczynek do pełniejszego rozwoju jego mózgu, a co za tym idzie osobowości. Rozważmy jednak, by

³¹ Tamże, s. 176.

³² Por. J. Iluk, *Jak uczyć małe dzieci języków obcych*, Wyd. Gnome, Katowice 2002. Czynniki warunkujące sukces w nauce języków obcych omówione zostały w odrębnym tekście piszącej te słowa: „Chcieć znaczy móc? O motywacji, inteligencji i innych wybranych czynnikach wpływających na sukces w nauce języków obcych (i nie tylko)”; „*Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VI*”, 2013, s. 177–189. K. Kersten wymienia następujące czynniki odpowiedzialne za skuteczne opanowanie języka obcego: rozpoczęcie nauki w możliwie wczesnym wieku, długoterminowość nauki, znaczna intensywność kontaktu z językiem oraz wartościowy jakościowo *Input* (materiał językowy). *Frühes Fremdsprachenlernen in bilingualen Kindertagesstätten. Forschungsprojekt Early Language and Intercultural Acquisition Studies (ELIAS)*, www.begabtenzentrum.at, “News&Science. Begabtenförderung und Begabtenforschung, ÖZBF” 2012, Nr. 30, 1, s. 12–17.

nie dać się zwariować w szaleńczym pędzie do posyłania swych latorośli od maleńkiego na różnorakie kursy.

Zakończmy nasze rozważania stwierdzeniem, iż „Każdy ludzki język inaczej odzorowuje świat”³³. Przejście z jednego języka na inny oznacza więc wejście w inną rzeczywistość językową, podczas gdy pozajęzykowa pozostaje zasadniczo ta sama. Możemy powiedzieć, że poznając czyli ucząc się języka obcego, wkraczamy w odmienny świat w zakresie fonetyki, gramatyki, semantyki, pragmatyki. Spotkanie z językiem innych to cenne doświadczenie odmiennego postrzegania świata. Ponadto przejście obcej mowy i wymowy to zawsze w pewnym sensie i stopniu utrata siebie na rzecz nowego. To zmiana siebie – wzbogacenie i uzyskanie nowej perspektywy, otwarcie przysłowiowego nowego okna na świat. W aspekcie neurofizjologicznym uczenie się oznacza wytworzenie dodatkowych cennych połączeń neuronalnych w mózgu uczącego się.

Literatura

- Amen D.G., *Zmień swój mózg, zmień swoje życie*, Wyd. Laurum, Warszawa 2009.
- Apeltauer E., *Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs. Eine Einführung*, Wyd. Langenscheidt, Berlin i in. 1997.
- Badania nad rozwojem języka dziecka*, red. G.W. Shugar, M. Smoczyńska, Biblioteka Psychologii Współczesnej PWN, Warszawa 1980.
- Berthele R., *Broca in der Schulsprachenpolitik. Zur Verwendung von neurowissenschaftlichen Befunden in der Debatte um den frühen Fremdsprachenunterricht*, „Babylonia” 2014, Nr. 01/14, s. 64–69.
- Birkenbihl V.F., www.birkenbihl-insider.de/PDF/TEXTEstroh47/Aufl.pdf.
- Chopra D., Tanzi R.E., *Twój supermózg*, Grupa Wydawnicza Foksal, Warszawa 2014.
- Ferman S., www.dnews.de, za: www.charaktery.eu/wiesci-psychologiczne/4935/Latwanauka-dla-doroslych.
- Friederici A., *Was ist Sprache und wie ist sie im Hirn repräsentiert?*, „Deutschland” 1997, Nr. 5, s. 47–49.
- Friederici A.D., *Die Funktion liegt im Netzwerk*, <http://spektrum.de/alias/sprachforschung/die-funktion-liegt-im-netzwerk/1114402>, 2011.
- Iluk J., *Jak uczyć małe dzieci języków obcych*, Wyd. Gnome, Katowice 2002.
- Jagodzińska M., *Psychologia pamięci. Badania, teorie, zastosowania*, Wyd. Helion, Gliwice 2008.
- Jagodzińska M., *Rozwój pamięci w dzieciństwie*, GWP, Gdańsk 2003.
- Kersten K., *Frühes Fremdsprachenlernen in bilingualen Kindertagesstätten. Forschungsprojekt Early Language and Intercultural Acquisition Studies (ELIAS)*, www.begabtenzentrum.at, „News&Science. Begabtenförderung und Begabtenforschung, ÖZBF” 2012, Nr. 30/1, s. 12–17.
- Levine M., *Umysł – krok po kroku. Nowe rewolucyjne techniki nauczania dzieci*, Wyd. Albatros, Warszawa 2006.
- Searle J. R., *Umysł, mózg i nauka*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 1995.
- Spitzer M., *Jak uczy się mózg*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2007.

³³ G. Steiner, *Po wieży Babel. Problemy języka i przekładu*, Wyd. Universitas, Kraków 2000, s. 18.

Spitzer M., www.gesund-in-bamberg.de/videobeitrag_prof_spitzer.html; www.tagesspiegel.de/zeitung/kinder-lernen-besser-ohne-computer.

Steiner G., *Po wieży Babel. Problemy języka i przekładu*, Wyd. Universitas, Kraków 2000.

Sternberg R.J., Spear-Swerling L., *Jak nauczyć dzieci myślenia*, GWP, Gdańsk 2003.

Szulc A., *Die Fremdsprachendidaktik. Konzeptionen – Methoden – Theorien*, PWN, Warszawa 1976.

Świątkiewicz-Siklucka D., *Chcieć znaczy móc? O motywacji, inteligencji i innych wybranych czynnikach wpływających na sukces w nauce języków obcych (i nie tylko)*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis, Studia Russologica VI” 2013, s. 177–189.

Vetulani J., *Mózg: fascynacje, problemy, tajemnice*, Wyd. Homini, Kraków 2011.

Wygotski L.S., *Wybrane prace psychologiczne II: dzieciństwo i dorastanie*, red. A. Brzezińska, M. Marchow, Wyd. Zysk i S-ka, Poznań 2002.

Чем раньше, тем лучше – опровергнутый миф?!

Дети versus старшеклассники и обучение иностранному языку

Резюме

В настоящем тексте автор рассматривает проблему обучения иностранному языку детей младшего возраста в школе. Целью анализа является критический подход к стереотипам, согласно которым дети быстрее и эффективнее изучают иностранные языки, чем старшеклассники и взрослые. В тексте подчеркивается роль возраста учеников, который влияет на способ изучения иностранных языков и подбор соответствующих методов обучения.

Ключевые слова: родной язык (L1), эффективность памяти, стратегии учебы, методика обучения, автономная учеба, когнитивное развитие

The Sooner, the Better – a Myth Overthrown?!

Children Versus Older Students and Learning a Foreign Language

Abstract

In the following text the author considers the problem of learning a foreign language by younger students under institutionalized conditions. The purpose is to present a critical view of common stereotypes proclaiming that children faster and more easily learn foreign languages from older students and adults. The text highlights the importance of the student's age for the process of learning and selection of teaching methods.

Key words: native language (L1), foreign language, effectiveness of memory, learning strategies, teaching methods, autonomous learning, cognitive development

Dorota Świątkiewicz-Siklucka
dr nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia germańska)

Dorota Świątkiewicz-Siklucka, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (German Philology)
e-mail: swiatkiewicz-siklucka@wp.pl
+ 48126626738

Halina Zajac-Knapik

Poglądy glottodydaktyków polskich w kwestii wykorzystania języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego

W nauczaniu języka rosyjskiego **metodą kombinowaną (mieszaną)** Włodzimierz Gałęcki zalecał uwzględnienie języka ojczystego w nauczaniu gramatyki rosyjskiej. Jego zdaniem, fakt pokrewieństwa języka rosyjskiego z językiem polskim

ułatwia nauczycielowi jego pracę [...] dlatego, że struktura gramatyczna języka rosyjskiego jest zasadniczo analogiczna ze strukturą gramatyczną języka polskiego, co pozwala uczniom łatwiej i sprawniej orientować się w różnego rodzaju zjawiskach językowych¹.

W. Gałęcki sądził, iż język ojczysty uczniów może i powinien odgrywać znaczną rolę w nauczaniu języka obcego, jednakże nauczyciel musi mieć świadomość jej zakresu i charakteru. Przyjął on zasadę, że stosowanie języka ojczystego w nauczaniu języka obcego zależy od wieku uczniów i od stopnia zaawansowania w nauczaniu języka. Jego zdaniem, języka obcego uczymy się przez naśladownictwo i refleksję. Im uczeń jest młodszy, tym naśladownictwo ma większe zastosowanie, im zaś starszy a poziom nauki wyższy, tym refleksja występuje częściej. Jednym z przejawów stosowania w nauczaniu refleksji jest używanie języka ojczystego w celach porównawczych dla lepszego uwydatnienia, a tym samym gruntowniejszego przyswojenia przez uczniów danego zjawiska językowego. W. Gałęcki podkreślał przy tym, że język polski przy uczeniu się języka rosyjskiego zwykle bardzo Polakom pomaga, dlatego proponował przede wszystkim uwydatnienie występujących w obu językach różnic, a niekiedy również podkreślanie podobieństw, gdyż, według niego, „w tym tkwi szczególniejsza rola języka ojczystego przy nauczaniu języka rosyjskiego”².

Określając swoje stanowisko w sprawie roli języka ojczystego uczniów w nauczaniu języka rosyjskiego, W. Gałęcki stwierdzał:

na lekcjach brzmieć winien prawie wyłącznie język rosyjski: po rosyjsku mówi do uczniów nauczyciel, po rosyjsku jak najwięcej mówią uczniowie bądź z nauczycielem,

¹ W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki*, PZWS, Warszawa 1953, s. 10.

² W. Gałęcki, *Rola języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1948, nr 1, s. 43.

bądź między sobą. Języka ojczystego jako pośrednika przy wzbogacaniu słownictwa rosyjskiego używać należy jak najrzadziej, z konieczności tylko³.

W. Gałęcki określił trzy okoliczności, w których nauczyciel powinien używać języka polskiego w nauczaniu metodą kombinowaną:

1) podczas wyjaśniania uczniom znaczenia nowych, niezrozumiałych dla nich wyrazów i zwrotów, ale dopiero po wyczerpaniu środków semantyzacji leksyki typowych dla metody bezpośredniej, gdy twierdził on, że środki te są niewystarczające, zbyt trudne, bezskuteczne i czasochłonne⁴.

2) podczas tłumaczenia z języka rosyjskiego na język polski, które jest „doskonałym chwytem metodycznym dla przekonania się, jak uczniowie rozumieją poszczególne zdania tekstu, a więc jest zabiegiem kontrolującym. [...] zarazem, zwłaszcza na wyższym poziomie nauczania, ćwiczeniem w rozumieniu i oddawaniu subtelności znaczeniowych”⁵. Zdaniem W. Gałęckiego, tłumaczenie jest pożytecznym ćwiczeniem o charakterze refleksyjnym, jednakże nie powinno być stosowane zbyt często. Zalecał stosowanie tłumaczenia początkowo z języka rosyjskiego na język polski, później z języka polskiego na język rosyjski i to raczej na wyższym poziomie nauczania. Pisał on:

Tłumaczenie z rosyjskiego na polski coraz trudniejszych tekstów daje sposobność do ćwiczenia się w wyczuwaniu i oddawaniu subtelności językowych. Tłumaczenia z polskiego na rosyjski, jeżeli nie są po prostu jedną z form ćwiczeń gramatycznych, które można niekiedy stosować na szczeblach niższych, są precyzyjnym ćwiczeniem o charakterze rekapitulacyjnym, przy którym uczniowie utrwalają niejako swoją znajomość języka w sposób powolny, rozważny i syntetyczny⁶.

3) podczas nauczania gramatyki w klasach stopnia podstawowego, które przebiegało ze stopniowym przyzwyczajaniem uczniów do rozumienia rosyjskiej terminologii gramatycznej, bez wymogu dotyczącego posługiwania się nią. Dopiero w klasach stopnia licealnego W. Gałęcki proponował wprowadzanie materiału gramatycznego w języku rosyjskim, wymagając od uczniów używania terminologii rosyjskiej, przy czym podczas wyjaśniania zjawisk trudnych lub skomplikowanych można było pomocniczo posługiwać się językiem polskim⁷.

Zasadniczy postulat, jaki w związku z rolą języka polskiego i jego gramatyki wysuwał twórca metody kombinowanej brzmi następująco: „Wiedzę gramatyczną uczniów z zakresu języka rosyjskiego budujemy na fundamencie wiadomości z dziedziny gramatyki polskiej”⁸.

³ Tamże, s. 46.

⁴ W. Gałęcki, *Zasady nauczania języka rosyjskiego. Metodyka. (Podręcznik dla szkół wyższych)*, PZWS, Warszawa 1957, s. 55.

⁵ Tamże, s. 56.

⁶ W. Gałęcki, *Rola języka ojczystego...*, s. 46.

⁷ Zob. W. Gałęcki, *Zasady nauczania...*, s. 56; W. Gałęcki, *Uczymy gramatyki po polsku*, „Język Rosyjski” 1962, nr 1, s. 17–21.

⁸ W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki...*, s. 22.

W. Gałęcki zalecał w nauczaniu gramatyki stosowanie metody porównawczej, które, według niego, nie jest równoznaczne z nauczaniem gramatyki porównawczej⁹. W stosowaniu tej metody nie chodzi, jego zdaniem, o dokładne zestawianie i historyczne tłumaczenie zjawisk gramatycznych tej samej kategorii w obu językach. Takie zestawienia w większości wypadków dla celów praktycznego nauczania języka rosyjskiego w szkole średniej oraz w szkole podstawowej uważa za zupełnie niepotrzebne. Twierdził on, że

Metoda porównawcza przy nauczaniu gramatyki języka rosyjskiego polega na tym, aby brać z gramatyki języka polskiego to, co uczniom jest już dobrze znane, a co zarazem może być pomocne przy obserwacji odnośnych zjawisk języka rosyjskiego; metoda ta polega również na zestawianiu zrozumienia lub zapamiętania danego zjawiska gramatycznego, występującego w języku rosyjskim. Materiał porównawczy podlega zatem skrupulatnej selekcji z punktu widzenia potrzeb dydaktycznych¹⁰.

Oto postulaty, jakie proponował W. Gałęcki stosować przy nauczaniu gramatyki: 1) operowanie pojęciami zdobytymi przez uczniów na lekcjach gramatyki języka polskiego, bez ponownego ich wyjaśniania; 2) uzupełnianie braków w wiadomościach z gramatyki języka polskiego z pomocą kolegi-polonisty; 3) wykorzystywanie przy zestawieniach zjawisk gramatycznych w większym stopniu różnic, aniżeli podobieństw. Przy czym podobieństwa powinny być również w wybranych wypadkach uwzględniane¹¹.

Zdaniem W. Gałęckiego, ważniejsze są jednak różnice, szczególnie zaś te, które „decydują o odmienności tego, co nazywamy duchem języka, lub mają znaczenie mnemoniczne, czyli ułatwiają zapamiętanie danego zjawiska języka rosyjskiego”¹². W. Gałęcki przytaczał szereg różnic pomiędzy językiem rosyjskim a polskim, które powinny być przy nauczaniu uwzględnione¹³.

Wśród różnorodnych form ćwiczeń proponowanych przez W. Gałęckiego na uwagę zasługują ćwiczenia tłumaczeniowe, stosowane w ramach ćwiczeń wdrażających. Ćwiczenia te obejmują

Tłumaczenie zwłaszcza z języka polskiego na rosyjski, specjalnie skonstruowanych zdań czy nawet całych tekstów, w których zastosować można opracowywane z klasą zjawiska gramatyczne, szczególnie te, w których występują różnice dwu języków¹⁴.

W artykule *O stosowaniu metody porównawczej*¹⁵ W. Gałęcki stwierdzał, że „szwankuje sam dydaktyczny proces stosowania metody porównawczej, który wykazuje nawet pewne nieporozumienia”¹⁶. W artykule tym autor sformułował istotne

⁹ Tamże, s. 23.

¹⁰ Tamże.

¹¹ Tamże, s. 24–25.

¹² Tamże, s. 25–27.

¹³ Tamże.

¹⁴ Tamże, s. 110.

¹⁵ W. Gałęcki, *O stosowaniu metody porównawczej*, „Język Rosyjski” 1960, nr 3, s. 16–20.

¹⁶ Tamże, s. 16.

wskazania dotyczące właściwego wykorzystania metody porównawczej w nauczaniu gramatyki:

1. „Przede wszystkim rozróżnić należy zakres pojęć i kategorii gramatycznych od zakresu zjawisk gramatycznych i form. Co do pierwszych, to wobec prawie jednakowej struktury gramatycznej języków polskiego i rosyjskiego nauczyciel rusycysta zwolniony jest niejako od wyjaśniania uczniom pojęć i kategorii, gdyż może się całkowicie opierać o wiadomości uczniów z zakresu gramatyki ojczystej. [...]. Przy jednakowej strukturze obu języków rosyjska gramatyka szkolna nie powinna wybiegać poza pojęcia i kategorie, które zawierają obowiązujące szkolne podręczniki gramatyki polskiej, aby nie utrudniać nauki pokrewnego języka słowiańskiego i nie wprowadzać do głów uczniów niepotrzebnego zamętu”¹⁷.

2. Należy wychodzić przy nauczaniu gramatyki od analogicznego zjawiska w gramatyce polskiej. „Dopiero po dokładnym i praktycznym przypomnieniu sobie właściwego odcinka gramatyki polskiej przechodzimy do wyjaśnienia zjawiska gramatyki rosyjskiej”¹⁸.

3. Nowy materiał należy wprowadzać drogą indukcji lub dedukcji, „nie przerywając toku pracy dydaktycznej, i dopiero po zakończeniu tego toku rozpoczynamy zestawienia z tym, co uczniowie przypomnieli sobie na początku lekcji. Teraz mają dopiero materiał do porównywania”¹⁹.

W. Gałęcki nie zalecał stosowania nadmiernej ilości porównań na lekcji. Uważał za uzasadnione ich używanie w wypadku, gdy przeciwdziałają zjawisku negatywnej interferencji języka polskiego. Według niego, bliskie pokrewieństwo języków wpływa na mechaniczne przenoszenie z języka polskiego na rosyjski form gramatycznych, zwrotów i konstrukcji zdaniowych²⁰.

W nauczaniu **metodą aktywną** stanowiącą wariant metody audiolingwalnej środkiem komunikacji nauczyciela z klasą oraz uczniów między sobą powinien być język rosyjski. Język polski jest używany, gdy nie ma możliwości udzielenia uczniom objaśnień z zakresu gramatyki znanymi im słowami. „Potrzeba posługiwania się językiem polskim na lekcjach w świetle założeń aktywnej metody nauczania jest minimalna; nie powinna przekraczać kilku zdań i to nie na każdej godzinie”²¹. Na lekcji powinien panować język rosyjski, co ułatwia uczniom spontaniczne posługiwanie się przyswojonymi lub wprowadzonymi na lekcji zwrotami i wyrazami. Celem wytworzenia środowiska językowego powinny być stosowane pomoce audialne i wizualne (nagrania, tablice, obrazy)²².

Oto podstawowe zalecenia dotyczące nauczania gramatyki w ujęciu Piotra Nomańczuka:

1. Podawanie wiadomości gramatycznych powinno opierać się na praktycznym podejściu do gramatyki, tzn. powinno przebiegać tą samą drogą, co w nauczaniu

¹⁷ Tamże, s. 16–17.

¹⁸ Tamże, s. 17.

¹⁹ Tamże.

²⁰ W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki...*, s. 24–26.

²¹ P. Nomańczuk, *Poradnik metodyczny do podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, PZWS, Warszawa 1965 (wyd. II: 1965), s. 5.

²² Tamże.

gramatyki polskiej, tj. „od praktyki językowej do sformułowania zasady”²³. Nie można podawać reguł gramatycznych, które nie znajdują uzasadnienia w praktyce językowej ucznia. Nauczanie języka powinno opierać się na uczeniu władania mową, a wiadomości z gramatyki mają „podbudowywać przerobiony materiał językowy”²⁴.

2. „Praktyczne podejście do gramatyki wcale nie oznacza pomniejszania jej roli w nauczaniu języka. Wręcz przeciwnie. Poznanie zasady następuje w wyniku uogólnienia przyswojonych przez uczniów w sposób leksykalny form”²⁵.

3. „Wiadomości z gramatyki nie mogą być [...] dodatkiem, nieobowiązuującym komentarzem zjawisk językowych, lecz wiedzą praktycznie użyteczną, przyspieszającą proces przyswajania języka”²⁶.

4. W nauczaniu gramatyki pomocne są tablice gramatyczne, ponieważ pozwalają na objaśnianie i utrwalanie materiału gramatycznego. „Przez umiejętne wykorzystanie tablic można sprowadzić do niezbędnego minimum używanie na lekcjach języka polskiego, którym posługujemy się, jak wiadomo, przy objaśnianiu materiału gramatycznego”²⁷.

5. Niedopuszczalne jest żądanie od uczniów podawania definicji i teoretycznych określeń w języku polskim w celu objaśnienia odnośnego zjawiska w języku rosyjskim. Według P. Nomańczuka, „Dla potrzeb nauczania języka rosyjskiego wystarczy, aby uczeń rozróżniał praktyczne części zdania i mowy, osobę, liczbę, czas, przypadek itd. Dobrze jest przy tym, zamiast polegać na pamięci uczniów, posługiwać się przykładami. Takie podejście do gramatyki polskiej ułatwi dzieciom przyswojenie wiadomości z gramatyki rosyjskiej w sposób jak najbardziej praktyczny”²⁸.

6. Przy podawaniu wiadomości gramatycznych należy zwracać uwagę przede wszystkim na zjawiska odmienne niż w języku polskim²⁹.

Ustosunkowując się do proponowanego w metodzie kombinowanej objaśniania zjawisk rosyjskich poprzez zjawiska językowe języka polskiego, P. Nomańczuk w sprawie odwoływania się do gramatyki języka polskiego wypowiedział się następująco:

Uczeń powinien od początku uczyć się języka rosyjskiego jako nowego systemu językowego. Pod względem metodycznym zaś opieranie się przy objaśnianiu rosyjskich zjawisk językowych na przypomnieniu i analizie odnośnych zjawisk w języku polskim pogłębia jedynie wpływy interferencyjne języka polskiego na rosyjski³⁰.

W odróżnieniu od metody aktywnej w nauczaniu metodą **reproduktywno-kreatywną** dopuszcza się tłumaczenie z języka polskiego na rosyjski jako ćwiczenie

²³ Tamże, s. 62.

²⁴ Tamże, s. 63.

²⁵ Tamże.

²⁶ Tamże.

²⁷ Tamże, s. 64.

²⁸ Tamże. Por. W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki rosyjskiej w oparciu o gramatykę języka polskiego*, „Język Rosyjski” 1953, nr 5, s. 22.

²⁹ P. Nomańczuk, tamże, s. 64.

³⁰ P. Nomańczuk, *Aktualne zagadnienia metodyczne w nauczaniu języka rosyjskiego*, PZWS, Warszawa 1967, s. 45.

gramatyczne oraz leksykalne³¹. Ćwiczenia gramatyczne są związane z elementarną informacją lingwistyczną oraz z opracowywanym tekstem. Prezentowany materiał gramatyczny nie ogranicza się do struktur syntaktycznych, ale obejmuje także określone reguły gramatyczne (formułowane w języku polskim)³².

Polemizując ze zwolennikami metody aktywnej, J. Henzel twierdzi, iż spontaniczne wypowiedzi uczniów na wczesnym etapie nauczania prowadzą do kaleczenia języka i utrwalają błędy typu interferencyjnego.

Przewycięzanie interferencji języka ojczystego jest możliwe tylko w tym wypadku, jeżeli równoległe do ćwiczeń w mówieniu opartych na reprodukcji tekstu ma miejsce świadome przyswajanie przez uczniów norm języka rosyjskiego w konfrontacji z normami języka ojczystego³³.

Do zasad ogólnych dotyczących nauczania gramatyki metodą reproduktywno-kreatywną J. Henzel zalicza: 1) ścisły związek ćwiczeń gramatycznych i stanowiącej ich podbudowę elementarnej informacji lingwistycznej z opracowywanym tekstem; 2) materiał gramatyczny prezentowany uczniom nie może ograniczać się wyłącznie do struktur syntaktycznych, ale musi obejmować określone reguły gramatyczne oraz paradygmatykę. J. Henzel nie uważa za konieczne wprowadzanie terminologii gramatycznej, ale zaleca wprowadzanie paradygmatów deklinacyjnych i koniugacyjnych na podstawie materiału przykładowego (np. rzeczowniki typu *парта*, typu *песня*, typu *семья*, typu *экскурсия*, typu *туча*, typu *свеча*, typu *тетрадь*). W przyswajaniu materiału gramatycznego proponuje on stosowanie ćwiczeń translacyjnych (tłumaczenie krótkich, nieskomplikowanych pod względem leksykalnym zdań z języka polskiego na rosyjski). Celem tych ćwiczeń powinno być nie tylko kontrolowanie przyswojenia materiału gramatycznego, ale i wdrażanie tego materiału. Ćwiczenia te umożliwiają uczniom konfrontowanie rosyjskich i polskich zjawisk gramatycznych i przeciwdziałają interferencji³⁴.

W nauczaniu gramatyki metodą reproduktywno-kreatywną w kursie zasadniczym Dorota Dziewanowska zastosowała w przeprowadzonym przez siebie eksperymencie³⁵ koncepcję transferencji gramatycznej³⁶. Koncepcja ta „opiera się na przekonaniu, że uczeń, tworząc tekst obcojęzyczny, dokonuje w mowie wewnętrznej tłumaczenia z języka ojczystego, poszukując obcojęzycznych ekwiwalentów dla

³¹ J. Henzel, *Główne zasady nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, „Język Rosyjski” 1980, nr 2, s. 84.

³² J. Henzel, *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978, s. 52.

³³ *Podstawowe założenia metody reproduktywno-kreatywnej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1978, nr 3, s. 22.

³⁴ J. Henzel, *Nauczanie języka rosyjskiego...*, s. 80–81.

³⁵ Zob. Dziewanowska, *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej*, „Prace Monograficzne Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie”, nr 175, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1994.

³⁶ Tamże, s. 76–77. Zob. S. Kaczmarski, *Transferencja gramatyczna w dydaktyce języka obcego*, Wydawnictwa Politechniki Warszawskiej, Warszawa 1979, s. 35, 39–40.

zdań polskich, wyrażających jego intencję semantyczną³⁷. W związku z tym wśród wielu form ćwiczeń gramatycznych za najważniejsze autorka ta uważa ćwiczenia translacyjne (ustne tłumaczenie zdań z języka polskiego na język rosyjski), które przeciwdziałają interferencji³⁸.

Materiał gramatyczny prezentowany jest przez D. Dziewanowską na podstawie zdań wzorcowych, które zawarte są w tekstach i ćwiczeniach. Zdania wzorcowe reprezentują poszczególne kategorie semantyczne ujęte w formie konfrontatywnych zestawień, w których język ojczysty jest traktowany jako czynnik ułatwiający świadome opanowywanie systemu gramatycznego języka obcego³⁹.

Wśród gramatycznych ćwiczeń analityczno-utrwalających wymienia ona ustne ćwiczenia translacyjne, które aktywizują nowy materiał gramatyczny oraz stanowią cenną i przydatną formę ćwiczeń o charakterze przedkomunikatywnym, a także przygotowują uczniów do ćwiczeń quasi-produktywnych⁴⁰.

W podejściu **komunikacyjno-czynnościowym**, którego podstawy teoretyczne na gruncie nauczania języka rosyjskiego w Polsce zostały opracowane przez Władysława Woźniewicza⁴¹, dąży się do nawykowego formułowania poprawnych gramatycznie zdań, co stanowi komponent rozwijania umiejętności mówienia i pisania. Punktem wyjścia przyswajania określonej struktury gramatycznej jest ukierunkowanie uczniów na określony cel, zadanie i potrzebę komunikacyjną. W pierwszej fazie przyswajania struktury gramatycznej nauczyciel prezentuje ją w toku swojej wypowiedzi, prezentuje jej zapis w odpowiedniej formie, uświadamia jej znaczenie, następnie – w fazie drugiej – pojawia się jej reprodukcja drogą pytań-odpowiedzi, co oznacza kontrolę jej rozumienia. W fazie trzeciej następuje „uświadomienie uczniom jej budowy oraz sformułowanie pragmatycznej instrukcji orientującej ich w sposobach operowania jednostkami materiału językowego zgodnie z regułą językową odnoszącą się do budowy struktury gramatycznej”⁴². W fazie trzeciej następuje kształtowanie nawyku gramatycznego, czyli budowanie zdań gramatycznie poprawnych w oparciu o określoną regułę. W. Woźniewicz nie neguje technik stosowanych w metodach nauczania języków obcych, takich jak imitacja, podstawianie, transformacja, przekład, dryl sytuacyjny, jednakże podkreśla, iż

optymalną techniką kształtowania nawyków gramatycznych jest wykonywanie prostych ćwiczeń quasi-komunikacyjnych sprzężonych z realnymi zadaniami, potrzebami i sytuacjami komunikowania się. Przewaga tej techniki [...] polega na tym, że równocześnie umożliwia ona kształtowanie mechanizmu analogii w tworzeniu form wyrazów, sprzyja naturalnemu powstawaniu mechanizmu aktualizacji struktury w świadomości uczącego się odpowiednio do potrzeby czy zadania komunikacyjnego [...]⁴³.

³⁷ D. Dziewanowska, tamże, s. 77.

³⁸ Tamże, s. 71.

³⁹ Tamże, s. 77.

⁴⁰ Tamże, s. 148.

⁴¹ Zob. W. Woźniewicz, *Kierowanie procesem glottodydaktycznym*, PWN, Warszawa 1987.

⁴² W. Woźniewicz, *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1991 (wyd. II), s. 167.

⁴³ Tamże, s. 168.

Czynności czwartej fazy, w której następuje kształtowanie nawyku gramatycznego, „odbывая się w toku wykonywania przez uczniów mniej lub bardziej naturalnych ćwiczebnych czynności komunikowania się, kiedy w centrum uwagi ucznia znajduje się nie tyle forma – jak to poprawnie powiedzieć, ile treść – co należy powiedzieć”⁴⁴.

Jak wynika z zaprezentowanych faz nauczania gramatyki, W. Woźniewicz w podejściu komunikacyjno-czynnościowym nie zaleca stosowania języka ojczystego ucznia oraz tłumaczenia z języka polskiego na język rosyjski.

Obecnie język ojczysty pełni funkcję pomocniczą w nauczaniu gramatyki oraz wspomaga procesy poznawcze. Odwoływanie się do języka ojczystego przyspiesza proces uczenia się, zmniejsza niepokój ucznia czy studenta i zwiększa poczucie bezpieczeństwa⁴⁵. Proponuje się stosowanie ćwiczeń podkreślających znaczenie kontekstu w danej sytuacji gramatycznej oraz ukazujących różnice i podobieństwa języka ojczystego i obcego. W tym celu zaleca się stosowanie ćwiczeń tłumaczeniowych. Skierowanie uwagi uczących się na różnice i podobieństwa w budowaniu konstrukcji w języku ojczystym i obcym może przyspieszyć proces akwizycji języka obcego.

Podsumowując znaczenie wykorzystania języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego, stwierdzamy, powołując się na Magdalenę Mierzwę, iż

język macierzysty uczących się języka rosyjskiego [...] na studiach filologicznych ma ogromne znaczenie i nie może być usunięty z procesu dydaktycznego, ponieważ studenci upatrują w nim punkt odniesienia w opanowywaniu nowego języka, dokonują zestawień i porównań obu systemów językowych, tworząc własne asocjacje, na które nauczyciel nie ma wpływu⁴⁶.

Literatura

Domalewska D., *Rola języka ojczystego w nauczaniu gramatyki*, [w:] *Literaturoznawstwo, językoznawstwo i kulturoznawstwo jako płaszczyzny przekazu we współczesnej glottodydaktyce*, red. J. Knieja, T. Zygmunt, Ł. Brzana, Wydawnictwo Werset, Lublin 2010.

Dziewanowska D., *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej*, „Prace Monograficzne Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie”, nr 175, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1994.

Gałecki W., *Nauczanie gramatyki rosyjskiej w oparciu o gramatykę języka polskiego*, „Język Rosyjski” 1953, nr 5.

Gałecki W., *Nauczanie gramatyki*, PZWS, Warszawa 1953.

⁴⁴ Tamże.

⁴⁵ Por. D. Domalewska, *Rola języka ojczystego w nauczaniu gramatyki*, [w:] *Literaturoznawstwo, językoznawstwo i kulturoznawstwo jako płaszczyzny przekazu we współczesnej glottodydaktyce*, red. J. Knieja, T. Zygmunt, Ł. Brzana, Wydawnictwo Werset, Lublin 2010, s. 395.

⁴⁶ M. Mierzwa, *Rola języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego i angielskiego na studiach filologicznych*, [w:] *Literaturoznawstwo, językoznawstwo i kulturoznawstwo jako płaszczyzny przekazu we współczesnej glottodydaktyce*, red. J. Knieja, T. Zygmunt, Ł. Brzana, Wydawnictwo Werset, Lublin 2010, s. 407.

- Gałecki W., *O stosowaniu metody porównawczej*, „Język Rosyjski” 1960, nr 3.
- Gałecki W., *Rola języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1948, nr 1.
- Gałecki W., *Uczymy gramatyki po polsku*, „Język Rosyjski” 1962, nr 1.
- Gałecki W., *Zasady nauczania języka rosyjskiego. Metodyka (Podręcznik dla szkół wyższych)*, PZWS, Warszawa 1957.
- Henzel J., *Doświadczenia i wnioski w zakresie stosowania metody reproduktywno-kreatywnej na ćwiczeniach praktycznych z języka rosyjskiego dla studentów filologii rosyjskiej WSP*, „Rocznik Naukowo-Dydaktyczny WSP w Krakowie”, z. 34 (Prace Rusycystyczne III), Kraków 1970.
- Henzel J., *Główne zasady nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, „Język Rosyjski” 1980, nr 2.
- Henzel J., *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978.
- Henzel J., *Podstawowe założenia metody reproduktywno-kreatywnej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1978, nr 3.
- Kaczmarek S.P., *Transferencja gramatyczna w dydaktyce języka obcego*, Wydawnictwa Politechniki Warszawskiej, Warszawa 1979.
- Mierzwa M., *Rola języka ojczystego w nauczaniu języka rosyjskiego i angielskiego na studiach filologicznych*, [w:] *Literaturoznawstwo, językoznawstwo i kulturoznawstwo jako płaszczyzny przekazu we współczesnej glottodydaktyce*, red. J. Knieja, T. Zygmunt, Ł. Brzana, Wydawnictwo Werset, Lublin 2010.
- Nomańczuk P., *Aktualne zagadnienia metodyczne w nauczaniu języka rosyjskiego*, PZWS, Warszawa 1967.
- Nomańczuk P., *Poradnik metodyczny do podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, PZWS, Warszawa, 1963 (wyd. II: 1965).
- Woźniewicz W., *Kierowanie procesem glottodydaktycznym*, PWN, Warszawa 1987.
- Woźniewicz W., *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1991 (wyd. II).
- Z doświadczeń eksperymentalnego nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w szkole średniej*, red. J. Henzel, Instytut Kształcenia Nauczycieli i Badań Oświatowych w Krakowie, Kraków 1977.

**Взгляды польских лингводидактов
в области использования родного языка
в обучении русскому языку**

Резюме

В статье на основе применяемых в Польше лингводидактических методов обсуждаются основные теоретические вопросы, связанные с использованием польского языка в обучении русскому языку. Мы обсуждаем взгляды таких польских лингводидактов, как В. Галэцки (комбинированный метод), П. Номаньчук (активный метод), Я. Генцель и Д. Дзевановская (репродуктивно-креативный метод), а также В. Возньевич (коммуникативно-деятельностный подход).

Ключевые слова: родной язык, трансляционные упражнения, комбинированный метод, активный метод, репродуктивно-креативный метод, коммуникативно-деятельностный подход

**Views of Polish Glossoeducators
on Using the Native Language
in Teaching the Russian Language**

Abstract

In the article, on the base of glottodidactic methods used in Poland, the main theoretical problems connected with using the Polish language in teaching the Russian language are discussed. The author of the article presents views of such Polish glossoeducators as W. Gałęcki (the combined method), P. Nomańczuk (the active method), J. Henzel and D. Dziwanowska (the reproductive-creative method) and W. Woźniewicz (the communicative-action approach).

Key words: native language, translation exercises, combined method, active method, reproductive-creative method, communicative-action approach

Halina Zając-Knapik
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Halina Zając-Knapik, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: halinaza@o2.pl
+48126626740

Halina Zajęc-Knapik

Sposoby przewyższania interferencyjnych błędów gramatycznych w procesie praktycznego nauczania języka rosyjskiego na III roku studiów rusycystycznych

Treść niniejszego artykułu skupia się wokół problemu zdefiniowania pojęcia błędu językowego, zjawiska interferencji (zwłaszcza w ujęciu psychologicznym) oraz wskazania konkretnych propozycji dotyczących zapobieganiu błędom interferencyjnym na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego na III roku studiów rusycystycznych.

Słownik terminologii językoznawczej określa błąd językowy jako „formę językową zrealizowaną niezgodnie z panującą w danym języku normą”¹. W *Encyklopedii wiedzy o języku polskim* pojawia się następujące wyjaśnienie pojęcia błędu językowego: „nieświadome odstępstwo od współczesnej normy językowej, usankcjonowanej zwyczajem językowym i poczuciem językowym środowisk uznanych społecznie za użytkowników kulturalnej odmiany danego języka narodowego”².

Aleksander Szulc definiuje błąd językowy jako: „Niezamierzone przez mówiącego odchylenie (dewiacja) od reguł przewidzianych przez system danego języka lub od obowiązującej w ramach tego systemu normy językowej. W większości wypadków błąd językowy powstaje wskutek niewłaściwego przyporządkowania formy językowej regule językowej określającej jej postać lub funkcję”³. Do bezpośrednich przyczyn powstawania błędów językowych zalicza: interferencję wewnątrzjęzykową, interferencję innego języka i interferencję glottopragmatyczną polegającą „na nieadekwatnym w stosunku do sytuacji doborze poprawnych form językowych”⁴.

Szulc przytacza następującą interpretację interferencji: „Termin wprowadzony przez Weinreicha dla oznaczenia wszelkich odchyłeń od normy językowej, spotykanych w mowie ludzi posługujących się więcej niż jednym językiem. Odchylenia te

¹ Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, *Słownik terminologii językoznawczej*, Warszawa 1968, s. 22.

² *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1978, s. 34.

³ A. Szulc, *Słownik dydaktyki języków obcych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1994, s. 41.

⁴ Tamże.

powstają w wyniku nakładania się struktur języka wyjściowego na język przyswajany. Obecnie traktuje się zjawisko interferencji językowej szerzej, ponieważ może ono mieć miejsce zarówno u osób jednojęzycznych (interferencja wewnątrzjęzykowa), jak i dwu- lub wielojęzycznych (interferencja zewnątrzjęzykowa)⁵.

Jak stwierdza Siergiej L. Rubinsztein, „Przez interferencję można ogólnie rozumieć wpływ dotychczasowych nawyków na wytwarzanie się nowych. Termin ten oznacza zazwyczaj jedynie hamujący wpływ już istniejących nawyków na inne, które się dopiero tworzą. Interferencja jest to hamujące oddziaływanie na siebie nawyków, co powoduje, że nawyki już istniejące utrudniają wytwarzanie się nowych albo też obniżają ich skuteczność”⁶.

Według Philipa G. Zimbardo, „Termin interferencja proaktywna (*proactive interference*) (tzn. *działająca do przodu*) odnosi się do zjawiska występującego wtedy, gdy lista słów, której uczyliście się wczoraj, przeszkadza w nauczaniu się dzisiejszej listy. Termin interferencja retroaktywna (*retroactive interference*) (tzn. *działająca wstecz*) opisuje to, co dzieje się wtedy, gdy uczenie się listy dzisiejszej przeszkadza w przypomnieniu sobie listy wczorajszej”⁷.

Zimbardo wyróżnia trzy zasady rządzące interferencją: 1) im większe podobieństwo między dwoma zbiorami materiałów, tym większa interferencja między nimi; 2) materiał bezsensowny jest bardziej wrażliwy na interferencję niż materiał mający znaczenie; 3) im trudniejsze zadanie wykonywane między uczeniem się a przypominaniem, tym bardziej będzie ono interferować z pamiętaniem materiału wyuczonego wcześniej⁸.

Ida Kurcz rozróżnia interferencję retroaktywną zwaną hamowaniem retroaktywnym, która „odnosi się do faktu obniżonego przechowania jakiegoś zadania A w wyniku uczenia się nowego zadania B, które nakłada się (interferuje, hamuje) na odtwarzanie A”⁹ oraz interferencję proaktywną zwaną hamowaniem proaktywnym¹⁰. Według Kurcz, „Stopień wyuczenia zadania uprzedniego A wpływa na wielkość interferencji proaktywnej. Im lepiej jest ono opanowane, tym większa interferencja. Z kolei przez zwiększenie stopnia opanowania zadania B zmniejszamy interferencję”¹¹.

Hanna Komorowska stwierdza, iż u podstaw interferencji leżą trzy zjawiska: generalizacji bodźca, irradacji i generalizacji reakcji. W procesie opanowywania języka obcego generalizacji mogą podlegać bodźce werbalne i sytuacyjne. Oto przykłady generalizacji bodźca werbalnego: bodziec werbalny w języku ojczystym i bodziec werbalny w języku obcym (przypadek należący do interferencji międzyjęzykowej), dwa bodźce werbalne w języku obcym (interferencja wewnątrzjęzykowa).

⁵ Tamże, s. 91–92.

⁶ S.L. Rubinsztein, *Podstawy psychologii ogólnej*, Książka i Wiedza, Warszawa 1964, s. 738–739.

⁷ P.G. Zimbardo, *Psychologia i życie*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1999, s. 382.

⁸ Zob. tamże.

⁹ I. Kurcz, *Pamięć. Uczenie się. Język*, PWN, Warszawa 1992, s. 19.

¹⁰ Tamże, s. 22.

¹¹ Tamże.

Przez bodziec sytuacyjny Komorowska rozumie „sposób, w jaki jednostka widzi rzeczywistość pozajęzykową, sposób w dużej mierze określany przez kategorie językowe”¹². Generalizacja może obejmować bodziec sytuacyjny związany z językiem ojczystym i bodziec sytuacyjny związany z językiem obcym. Jest to w tym wypadku interferencja kulturowa związana z „wpływem pewnych norm sytuacyjnych kultury języka ojczystego na wyrażanie norm kulturowych języka obcego”¹³. Generalizacja ta związana jest z bodźcami zewnętrznymi.

Zjawisko związane z bodźcami wewnętrznymi nosi nazwę irradiacji. „Źródłem tego zjawiska upatruje się zazwyczaj w teorii promieniowania, według której transfer negatywny, czyli interferencja, może być związany z niedostatecznym stopniem wyspecjalizowania się poszczególnych ośrodków nerwowych w mózgu uczącego się”¹⁴.

Generalizacja reakcji (współzawodniczenie reakcji) zdarza się wówczas, gdy nie można doszukać się żadnego łączącego elementu dwóch reakcji językowych, a decydującą rolę odgrywa częstotliwość pojawiania się jednej z dwóch reakcji. Za przykład może posłużyć fakt częstego występowania błędów gramatycznych polegających na niepoprawnym budowaniu formy językowej (błędy wywołane wstawieniem elementu innej, uprzednio ćwiczonyj formy językowej)¹⁵.

Komorowska postuluje ulepszenie metod przeciwdziałania błędom interferencyjnym i opracowanie skutecznych metod przeciwdziałania tym błędom. Piszze ona: „należy możliwie najskuteczniej przeciwdziałać wszelkim błędom, w tym także i błędom interferencyjnym, wykorzystując do tego celu odpowiednie metody, a zatem warto zajmować się problematyką interferencji. Nie należy jedynie sądzić, że rozwiązanie kwestii interferencji rozwiąże wszystkie problemy, z jakimi spotykamy się w procesie nauczania i uczenia się języka obcego”¹⁶.

Komorowska definiuje cztery istotne podziały błędów językowych. Pierwszego podziału dokonuje ze względu na podsystem językowy. Są to błędy wymowy, błędy pisowni, błędy leksykalne i błędy gramatyczne. Drugi podział dotyczy kryterium komunikatywności przekazu. Należą tutaj błędy formy, tzw. błędy lokalne, których w zdaniu może być kilka lecz nie zniekształcają one znaczenia oraz błędy globalne zniekształcające znaczenie. Trzeciego podziału wyżej wymieniona autorka dokonuje ze względu na kryterium systematyczności. Należą tutaj błędy systematyczne, błędy sporadyczne i przejęzyczenia. Czwarte kryterium to kryterium źródła błędu dotyczące mechanizmów jego powstawania. Wyróżnia tutaj Komorowska błędy interferencji zewnątrzjęzykowej i wewnątrzjęzykowej oraz błędy wynikające: 1) ze sposobu uczenia się, 2) ze sposobu nauczania, 3) ze strategii komunikacyjnych¹⁷.

Zdaniem Tomasza Wójcika, na błędne opanowanie języka rosyjskiego wpływa nieuwzględnianie w procesie nauczania specyfiki języka rosyjskiego, jego

¹² H. Komorowska, *Nauczanie gramatyki języka obcego a interferencja. Audiolingwalizm, kognitywizm, interferencja*, WSiP, wyd. II poprawione i uzupełnione, Warszawa 1980, s. 110.

¹³ Tamże.

¹⁴ Tamże, s. 112.

¹⁵ Tamże, s. 113.

¹⁶ Tamże, s. 96.

¹⁷ H. Komorowska, *Metodyka nauczania języków obcych*, Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2005, s. 235–237.

właściwości strukturalnych, różnic w funkcjonowaniu zjawisk polskich i rosyjskich oraz brak ćwiczeń mających na celu opanowanie syntezy językowej¹⁸. Pisze on: „chodzi mi tylko o podkreślenie priorytetu składni i funkcji komunikatywnej języka. Bez przestrzegania tego priorytetu nie jest możliwe (...) ani opanowanie języka, ani opanowanie poprawności językowej, ani eliminowanie interferencji języka ojczystego, ani wreszcie zapobieganie myśleniu refleksyjnemu”¹⁹. Wójcik wyróżnia błędy, których źródłem są polsko-rosyjskie kontrasty strukturalne, przede wszystkim na syntaktycznej płaszczyźnie struktury języka. Są to błędy w zakresie: reakcji przypadkowej czasownika, reakcji przyimkowej czasownika, reakcji przypadkowej przyimka, szyku wyrazów i funkcji przypadkowych²⁰.

Wójcik rozważa zjawisko interferencji i jego znaczenie w powstawaniu błędów językowych. Według niego, im słabsza jest znajomość języka obcego, tym silniejsza interferencja. Błędy popełniane przez osoby słabo znające język obcy są w większości wypadków błędami interferencji. Różnica dotyczy jedynie charakteru błędów: jedne wynikają z nieznaności faktu leksykalnego lub gramatycznego; drugie – z nieznaności użycia tego faktu²¹.

Według Wójcika, błędy interferencji są to błędy popełniane pod wpływem języka ojczystego. Za czynnik sprzyjający interferencji uważa on podobieństwa fonetyczno-gramatyczne, natomiast najsilniej na nią wpływają, według niego, kontrasty. Autor ten jest przeciwnikiem pamięciowego opanowania materiału leksykalno-gramatycznego, gdyż nie wpływa ono na czynne opanowanie języka. Stąd też wniosek: „Koncentrowanie się na czynnej znajomości języka, tj. znajomości nawykowej (= użycia zgodnego ze strukturą tekstu) materiału leksykalno-gramatycznego stanowi nie tylko warunek przekazu czy odbioru informacji obcojęzycznej, ale i jedyny środek przeciwdziałania interferencji”²².

Błędy interferencji są typowymi błędami językowymi. Stanowią one poważną przeszkodę w opanowaniu języka. Wójcik nazywa je błędami abstraktu syntaktyczno-semantycznego. Powstają one wówczas, gdy materiał został opanowany pamięciowo. Pisze on: „Błędem należy zapobiegać przed ich popełnieniem. Ażeby jednak móc zapobiegać błędowi interferencji, należałoby – ucząc języka – uczyć produkowania tekstów rosyjskich a nie kopiowania tekstów polskich na język rosyjski”²³.

Władysław Figarski w pracy *Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego*²⁴ za podstawę dla przeprowadzonych przez siebie badań przyjął podział błędów na dwie kategorie: błędy nieznaności (nieznajomość faktu leksykalno-gramatycznego), czyli „nieznajomości konkretnego” oraz błędy wynikające

¹⁸ T. Wójcik, *Językoznawcze aspekty metodyki nauczania języka rosyjskiego*, Wydawnictwo UAM, Poznań 1973, s. 93.

¹⁹ T. Wójcik, *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1, s. 12.

²⁰ Tamże.

²¹ T. Wójcik, *Błędy interferencji i nieznaności*, „Język Rosyjski” 1973, nr 3, s. 140.

²² Tamże, s. 143.

²³ Tamże, s. 145.

²⁴ W. Figarski, *Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1984.

z nieznamości właściwości syntaktyczno-semantycznych danego faktu (zakres użycia formy, szyk, sposób łączenia się z innymi formami), czyli „nieznajomość abstraktu”²⁵. Jest to kryterium związane z błędami interferencji, które powstają pod silnym naciskiem języka polskiego. Wyniki, jakie otrzymano wśród badanych uczniów klas szkoły podstawowej, wskazują, iż połowa błędów popełnianych przez nich to błędy powstałe na skutek oddziaływania interferencji. Na podstawie dokonanej analizy błędów Figarski stwierdza, iż żaden z podsystemów języka rosyjskiego „nie jest w stanie uchronić się przed działaniem interferencji języka polskiego”²⁶.

Elżbieta Zawadzka w pracy *Nauczyciele języków obcych w dobie przemian*²⁷ rozważa psycholingwistyczne problemy ewaluacji błędów. Za istotną rolę w procesie ewaluacji uważa odróżnienie błędu od omyłki, błędów absolutnych od ukrytych, ustalenie przyczyn ich powstawania, wśród których wyróżnia przyczyny lingwistyczne (neurolingwistyczne, psycholingwistyczne, socjolingwistyczne), psychologiczne i pedagogiczne. Na utrudnienia w ewaluacji wypowiedzi wpływa, według niej, występowanie błędów jawnych i ukrytych, błędów absolutnych (naruszenie zasad kodu językowego) i względnych (wypowiedź zachowuje pozory poprawności, nie uwzględnia uwarunkowań socjolingwistycznych i intencji).

Za istotny psycholingwistyczny problem ewaluacji Zawadzka uważa ustalenie ważności błędu, która „zależy (...) od akceptowanej koncepcji dotyczącej języka, jego funkcjonowania, warunków jego nauczania, psychologicznych koncepcji uczenia się i będącej pod ich wpływem metody nauczania języków obcych”²⁸.

Agnieszka Pawłowska twierdzi, że odpowiednie wykorzystanie błędu językowego w procesie dydaktycznym przyczynia się do rozwijania autonomii uczących się. Błąd uważa za zjawisko pozytywne, zaś krytyczny sposób oceniania i wytknięcia błędów powoduje, jej zdaniem, spadek motywacji. Twierdzi ona: „błędy świadczą o kreatywności uczących się, o ich eksperymentach z językiem, a nauczycielom pozwalają zweryfikować założenia dydaktyczne”²⁹.

W artykule *Błąd językowy w badaniach nad przyswajaniem języka obcego*³⁰ Janusz Arabski wyróżnia błędy i omyłki. Błędy są systematyczne i powstają na skutek kontaktu struktur przyswojonych w języku ojczystym lub obcym ze strukturami przyswajanymi. Omyłki są niesystematyczne, powstają na poziomie performancji i dotyczą struktur powierzchniowych (przypadkowych przejrzyczeń, opuszczeń morfemów, słów i głosek)³¹.

Najważniejszą cechą języka ucznia są błędy, a ich analiza jest metodą badania interjęzyka. Błędy w interjęzyku Arabski podzielił na trzy zasadnicze kategorie:

²⁵ Tamże, s. 97.

²⁶ Tamże, s. 99.

²⁷ E. Zawadzka, *Nauczyciele języków obcych w dobie przemian*, Oficyna Wydawnicza „Impuls”, Kraków 2004.

²⁸ Tamże, s. 249.

²⁹ A. Pawłowska, *Błąd językowy w aspekcie dydaktycznym*, „Neofilolog” 2007, nr 30.

³⁰ J. Arabski, *Błąd językowy w badaniach nad przyswajaniem języka obcego*, [w:] *Błąd językowy w perspektywie komunikacyjnej*, red. M. Kita, Wyższa Szkoła Zarządzania Marketinowego i Języków Obcych w Katowicach, Katowice 2008, s. 63–71.

³¹ Tamże, s. 65–66.

1) transfer z L1, który jest przeniesieniem struktury polskiej na przyswajane struktury angielskie, 2) uogólnienie, które jest przeniesieniem poznanej reguły języka obcego na struktury poznawane, 3) uproszczenie, które jest „wynikiem usuwania struktur redundantnych wewnątrz tego samego systemu językowego”³².

Ewa Dźwierzynska konstatuje: „Przeanalizowanie najczęstszych błędów ma istotne znaczenie dla zrozumienia mechanizmów interferencji międzyjęzykowej i wewnątrzjęzykowej oraz wypracowania skutecznych metod profilaktyki i terapii lingwodydaktycznej”³³. Według niej, błędy interferencyjne świadczą o tym, iż studenci dosłownie tłumaczą tworzone przez siebie w myślach zdania na język rosyjski. Środki służące przeciwdziałaniu błędom interferencyjnym upatruje ona w stosowaniu ćwiczeń kontrastywnych, które powinny być dostosowane do kolejnych etapów kształtowania nawyków językowych.

* * *

Podstawę przeprowadzonego przez nas eksperymentu dydaktycznego stanowił materiał gramatyczny opracowany w formie kwantów informacji lingwistycznej³⁴ (reguły, struktury składniowe, fragmenty paradygmatu fleksyjnego) wraz z ćwiczeniami.

Kwanty zostały zamieszczone po informacji lingwistycznej (zasady, reguły), a przed ćwiczeniami. Do każdego z czasowników wybranych przez nas na zasadzie różnic między rekcją w języku polskim i rosyjskim zostały zaprojektowane trzy równoległe kwanty. Pierwszy z nich to kwant abstrakcyjno-symboliczny zawierający czasownik w formie bezokolicznika i informację o kategorii gramatycznej (czasowniki dokonane i niedokonane), informację o rekcji (nazwa przypadku), drugi kwant – interogatywny zawiera czasownik w formie bezokolicznika i pytania do przypadków, trzeci – egzemplifikacyjny zawiera czasownik w formie bezokolicznika i przykłady jego użycia w połączeniach wyrazowych. Zastosowano także kwanty abstrakcyjno-egzemplifikacyjne (jeden z rodzajów tzw. kwantów synkretycznych) w odniesieniu do rekcji przyimkowej³⁵.

W przeprowadzonym przez nas eksperymencie dydaktycznym uwzględniliśmy błędy syntaktyczne, które związane są z zakresem użycia formy gramatycznej (uwzględniamy tu rekcję bezprzyimkową czasownika, rekcję przyimkowo-przypadkową czasownika oraz rekcję przyimkową). Badania miały formę testów, w których zostało zamieszczone po kilkanaście zdań do tłumaczenia. Testy przeprowadzono

³² Там же, s. 68.

³³ E. Dźwierzynska, *Sposoby optymalizacji przyswajania materiału leksykalnego w procesie nauczania języka obcego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2012, s. 220.

³⁴ Zob. Я. Генцель, *Билингвальная модель речепорождения и вопросы презентации языкового материала в учебниках русского языка*, [w:] *Новые российские реалии и их отражение в современном русском языке*, Издательство АРТ, Ольштын 1994, s. 35–41; Я. Генцель, *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [w:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*, ред. Т. Жеберек, Материалы конференции МАПРЯЛ, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996, s. 214–215.

³⁵ Zob. Я. Генцель, *Квантование лингвистической информации...*, s. 215–218.

w grupach eksperymentalnych i w grupach kontrolnych. Następnie w grupach eksperymentalnych zostały zastosowane kwanty informacji lingwistycznej wraz z ćwiczeniami translacyjnymi, po których zostały przeprowadzone posttesty w grupach eksperymentalnych i kontrolnych.

Przykłady materiału badawczego w formie kwantów informacji lingwistycznej opracowanego dla roku III

I. Rekcja przyimkowa

1. Kwant abstrakcyjno-egzemplifikacyjny

o+ Msc. + Dop.	} Твор. + в + Вин.
w + Msc. + Dop.	
pokój o powierzchni dwudziestu metrów	комната площадью в двадцать метров
ładunek o wadze jednej tony	груз весом в одну тонну
ołówek w cenie trzech rubli	карандаш ценой в три рубля

2. Kwant abstrakcyjno-egzemplifikacyjny

według + Dop.	} по + Дат.
zgodnie z + Narz.	
na + Bier.	
na + Msc.	
według prawa	по праву
według harmonogramu (zgodnie z harmonogramem)	по графику
na rozkaz, zgodnie z rozkazem	по приказу
na motywach	по мотивам

II. Rekcja bezprzyimkowa czasowników

1.

Kwant abstrakcyjno-symboliczny

zasługiwać <i>ndk.</i> + na + Bier.	заслуживать <i>несов.</i> + Род.
zasłużyć <i>dk.</i>	заслужить <i>сов.</i>

Kwant interrogatywny

zasługiwać <i>ndk.</i> na co?	заслуживать <i>несов.</i> чего?
zasłużyć <i>dk.</i>	заслужить <i>сов.</i>

Kwant egzemplifikacyjny

zasługiwać	} на szacunek	} уважения		
zasłużyć			} на wdzięczność	} благодарности
			} na nagrodę	} награды

2.

stać na czele <i>ndk.</i> + Dop. stanąć na czele <i>dk.</i>	возглавлять <i>несов.</i> + Вин. возглавить <i>сов.</i>
--	--

stać na czele <i>ndk.</i> czego? stanąć na czele <i>dk.</i>	возглавлять <i>несов.</i> что? возглавить <i>сов.</i>
--	--

stać na czele, stanąć na czele	<table border="0"> <tr> <td><</td> <td> <table border="0"> <tr> <td>rzędu</td> <td></td> </tr> <tr> <td>państwa</td> <td></td> </tr> </table> </td> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>возглавлять, возглавить</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	<	<table border="0"> <tr> <td>rzędu</td> <td></td> </tr> <tr> <td>państwa</td> <td></td> </tr> </table>	rzędu		państwa			<table border="0"> <tr> <td>возглавлять, возглавить</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	возглавлять, возглавить	<		<table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table>	правительство		государство	
<	<table border="0"> <tr> <td>rzędu</td> <td></td> </tr> <tr> <td>państwa</td> <td></td> </tr> </table>	rzędu		państwa			<table border="0"> <tr> <td>возглавлять, возглавить</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	возглавлять, возглавить	<		<table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table>	правительство		государство			
rzędu																	
państwa																	
возглавлять, возглавить	<																
	<table border="0"> <tr> <td>правительство</td> <td></td> </tr> <tr> <td>государство</td> <td></td> </tr> </table>	правительство		государство													
правительство																	
государство																	

3.

lekceważyć <i>ndk.</i> + Bier. zlekceważyć <i>dk.</i>	пренебрегать <i>несов.</i> + Твор. пренебречь <i>сов.</i>
--	--

lekceważyć <i>ndk.</i> kogo? co? zlekceważyć <i>dk.</i>	пренебрегать <i>несов.</i> кем? чем? пренебречь <i>сов.</i>
--	--

lekceważyć, zlekceważyć	<table border="0"> <tr> <td><</td> <td> <table border="0"> <tr> <td>przyjaciół</td> <td></td> </tr> <tr> <td>radę</td> <td></td> </tr> </table> </td> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>пренебрегать, пренебречь</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	<	<table border="0"> <tr> <td>przyjaciół</td> <td></td> </tr> <tr> <td>radę</td> <td></td> </tr> </table>	przyjaciół		radę			<table border="0"> <tr> <td>пренебрегать, пренебречь</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	пренебрегать, пренебречь	<		<table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table>	друзьями		советом	
<	<table border="0"> <tr> <td>przyjaciół</td> <td></td> </tr> <tr> <td>radę</td> <td></td> </tr> </table>	przyjaciół		radę			<table border="0"> <tr> <td>пренебрегать, пренебречь</td> <td><</td> </tr> <tr> <td></td> <td> <table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	пренебрегать, пренебречь	<		<table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table>	друзьями		советом			
przyjaciół																	
radę																	
пренебрегать, пренебречь	<																
	<table border="0"> <tr> <td>друзьями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>советом</td> <td></td> </tr> </table>	друзьями		советом													
друзьями																	
советом																	

III. Rekcja przyimkowo-przypadkowa czasowników

1.

obserwować <i>ndk.</i>	+ Bier.		
pilnować, doglądać <i>ndk.</i>	+ Dop.	следить <i>несов.</i>	+ за+ Твор.
śledzić <i>ndk.</i>	+ Bier.		

obserwować <i>ndk.</i>	kogo? co?		
pilnować, doglądać <i>ndk.</i>	kogo? czego?	следить <i>несов.</i>	за кем? за чем?
śledzić <i>ndk.</i>	kogo? co?		

obserwować	ptaka, wydarzenia										
pilnować, doglądać	dzieci	следить <i>несов.</i>	<table border="0"> <tr> <td><</td> <td> <table border="0"> <tr> <td>за птицей; за событиями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>следить за детьми</td> <td></td> </tr> <tr> <td>за соперником</td> <td></td> </tr> </table> </td> </tr> </table>	<	<table border="0"> <tr> <td>за птицей; за событиями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>следить за детьми</td> <td></td> </tr> <tr> <td>за соперником</td> <td></td> </tr> </table>	за птицей; за событиями		следить за детьми		за соперником	
<	<table border="0"> <tr> <td>за птицей; за событиями</td> <td></td> </tr> <tr> <td>следить за детьми</td> <td></td> </tr> <tr> <td>за соперником</td> <td></td> </tr> </table>	за птицей; за событиями		следить за детьми		за соперником					
за птицей; за событиями											
следить за детьми											
за соперником											
śledzić	rywala										

2.

męczyć się *ndk.* + Narz.
zmęczyć się *dk.*

уставать *несов.* от + Род.
устать *сов.*

męczyć się *ndk.* czym?
zmęczyć się *dk.*

уставать *несов.* от чего?
устать *сов.*

męczyć się
zmęczyć się

← pracą
← upałem
← sporami

уставать
устать

← от работы
← от жары
← от споров

3.

ostrzegać, przestrzegać *ndk.* + Bier. – przed+Narz.
ostrzec, przestrzec *dk.*

предостерегать *несов.* + Вин. – от+Род.
предостеречь *сов.*

ostrzegać, przestrzegać *ndk.* kogo? – przed kim?
ostrzec, przestrzec *dk.* przed czym?

предостерегать *несов.* кого? – от кого?
предостеречь *сов.* от чего?

ostrzegać, przestrzegać ucznia przed niebezpiecz-
nymi ludźmi
ostrzec, przestrzec przed niebezpieczeństwem

предостерегать ученика от опас-
ных людей
предостеречь от опасности

* * *

Wyniki testów przeprowadzonych w grupach eksperymentalnych i kontrolnych wskazują na efektywność stosowania koncepcji kwantowania informacji lingwistycznej w praktycznym nauczaniu języka rosyjskiego na studiach rusycystycznych.

Literatura

Arabski J., *Błąd językowy w badaniach nad przyswajaniem języka obcego*, [w:] *Błąd językowy w perspektywie komunikacyjnej*, red. M. Kita, Wyższa Szkoła Zarządzania Marketingowego i Języków Obcych w Katowicach, Katowice 2008.

Dźwierżyńska E., *Sposoby optymalizacji przyswajania materiału leksykalnego w procesie nauczania języka obcego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2012.

Encyklopedia wiedzy o języku polskim, red. S. Urbańczyk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1978.

Figarski W., *Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa, 1984.

Gołąb Z., Heinz A., Polański K., *Słownik terminologii językoznawczej*, Warszawa 1968.

Komorowska H., *Metodyka nauczania języków obcych*, Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2005.

- Komorowska H., *Nauczanie gramatyki języka obcego a interferencja. Audiolingwalizm, kognitywizm, interferencja*, WSiP, wyd. II poprawione i uzupełnione, Warszawa 1980.
- Kurcz I., *Pamięć. Uczenie się. Język*, PWN, Warszawa 1992.
- Pawłowska A., *Błąd językowy w aspekcie dydaktycznym*, „Neofilolog” 2007, nr 30.
- Rubinsztein S. L., *Podstawy psychologii ogólnej*, Książka i Wiedza, Warszawa 1964.
- Szulc A., *Słownik dydaktyki języków obcych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1994.
- Weinreich U., *Languages In Contact. Findings and Problems*, The Hague, Mouton 1953.
- Wójcik T., *Błędy interferencji i nieznanomości*, „Język Rosyjski” 1973, nr 3.
- Wójcik T., *Językoznawcze aspekty metodyki nauczania języka rosyjskiego*, Wydawnictwo UAM, Poznań 1973.
- Wójcik T., *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1.
- Zawadzka E., *Nauczyciele języków obcych w dobie przemian*, Oficyna Wydawnicza „Impuls”, Kraków 2004.
- Zimbardo P. G., *Psychologia i życie*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1999.
- Генцель Я., *Билингвальная модель порождения высказывания и вопросы оптимизации преподавания русского языка как иностранного*, „Русский язык за рубежом” 1992, № 2.
- Генцель Я., *Билингвальная модель речепорождения и вопросы презентации языкового материала в учебниках русского языка*, [в:] *Новые российские реалии и их отражение в современном русском языке*, Издательство АРТ, Ольштын 1994.
- Генцель Я., *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*, ред. Т. Жеберек, Материалы конференции МАПРЯЛ, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996.

Способы преодоления интерференционных грамматических ошибок в процессе практического обучения русскому языку на III курсе отделения русской филологии
Резюме

В статье рассматриваются проблемы, связанные с понятием языковой ошибки, явлением интерференции в психологическом аспекте, а также представляются конкретные решения в области преодоления интерференционных ошибок на практических занятиях по русскому языку на III курсе русской филологии. Основу нашей концепции составляет грамматический материал, представленный в форме квантов лингвистической информации (правила, синтаксические структуры, некоторые флективные парадигмы). Мы презентуем три вида квантов лингвистической информации: абстрактно-символические, интеррогативные и экземплифицирующие.

Ключевые слова: языковая ошибка, интерференция, кванты лингвистической информации, дидактический эксперимент, трансляционные упражнения

**The Ways of Overcoming Interference Grammar Mistakes
in the Process of Practical Teaching of the Russian Language
in the Third Year of Russian Philology Studies**

Abstract

The author of the article discusses problems connected with the notion of a language error, the phenomenon of interference in the psychological aspect and presents concrete solutions in the sphere of overcoming interference errors at classes of practical Russian language teaching in the third year of Russian philology studies. The basis of the author's conception is the grammar material presented in the form of linguistic information quanta (rules, syntactic structures, some inflexion paradigms). The author presents three kinds of linguistic information quanta: abstract-symbolic, interrogative and exemplary ones.

Key words: language error, interference, linguistic information quanta, didactic experiment, translation exercises.

Halina Zając-Knapik
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Halina Zając-Knapik, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: halinaza@o2.pl
+48126626740

Spis treści / Contents

Halina Chodurska, Dorota Dziewanowska, Barbara Stawarz Od redaktorów / From the Editors	3
Языкознание /Linguistics	
Gabriela Dudek-Waligóra Argumenty do zdrowego rozsądku w dyskursie politycznym (na przykładzie wystąpień W.W. Putina) Arguments to common sense in political discourse (on the example of speeches of Vladimir Putin)	5
Dariusz Gancarz Czyny zabronione w polskim prawie karnym i ich (nie)przekładalność na język rosyjski Acts prohibited in Polish criminal law and their (un)translatability into Russian	14
Elżbieta Kossakowska О нескольких механизмах образования русских экономических терминов About several mechanisms of formation of the Russian economic terms	21
Gabriela Szewczyk Akt informacyjny w świetle reguł konwersacyjnych H.P. Grice'a (rosyjskie komunikaty prasowe oraz ich przedruki w „Tygodniku Forum” w latach 2009–2011) Linguistic manipulation in the light of Grice's Conversational Maxims (press releases in Russian mass media and their reprints in Polish „Tygodnik Forum” in 2009–2011)	27
Надежда Ведякова Клише и шаблон в тексте стандартизованного жанра Cliché and stamp in the text of standardization genre	37
Лина Гукова, Людмила Фомина Референция и поэтика личных местоимений в дискурсе А.С. Пушкина Reference and poetics of personal pronouns in Pushkin's discourse	49

[180]

Литературоведение /The Study of Literature

Mikołaj Mazuś

Życie i nauczanie Serafina z Sarowa
w kontekście rosyjskiej filozofii religijnej
Life and preaching of Seraphim of Sarov in the context
of Russian religious philosophy 59

Мария Александрова, Леонид Большухин

Двойничество в контексте
«пушкинского мифа» Гоголя
The doubles in the context of Pushkin's myth
in works of Gogol 69

Ирина Мурадян

Антропонимное пространство трилогии
А.Н. Толстого *Хождение по мукам*
The nominations of heroes at the trilogy
by A.N. Tolstoy *The Road to Calvary* 82

Нина Раковская

Парадокс как фигура мышления
в статьях Л.И. Шестова о А.С. Пушкине
Paradox as the thinking figure in L. Shestov's
articles about A.S. Pushkin 90

Ольга Ушакова

«Русская литература в зарубежной рецепции»:
содержание, методология, практика преподавания
„The Reception of Russian Literature Abroad”:
Course Content, Methodology, Teaching Practice 99

Светлана Фокина

Миф о Дидоне в подтексте стихотворения
И. Бродского *Горение*
The myth about Dido in implication of the poem
by J. Brodsky *Burning* 109

Глоттодидактика /Glottodidactics

Константин Басуев

Влияние социальных и культурных факторов
на развитие и реализацию творческого
потенциала молодежи
Social and cultural impact on the development and realization
of young people's creative potential 119

Надежда Басуева

Особенности коммуникативного поведения
в современных деловых культурах
Features of communicative behavior
in modern business cultures 126

Татьяна Обласова

Развитие мышления школьников:
ресурсы русской литературы
The development of pupils' thinking:
resources of Russian literature

138

Dorota Świątkiewicz-Sikluka

Im wcześniej, tym lepiej – mit obalony?!
Dzieci versus starsi uczniowie a nauka języka obcego
The sooner, the better – a myth overturned?!
Children versus older students and learning
a foreign language

145

Halina Zajęc-Knapik

Poglądy glottodydaktyków polskich
w kwestii wykorzystania języka ojczystego
w nauczaniu języka rosyjskiego
Views of Polish glossoeducators on using the native language
in teaching the Russian language

158

Halina Zajęc-Knapik

Sposoby przezwycięzania
interferencyjnych błędów gramatycznych
w procesie praktycznego nauczania języka rosyjskiego
na III roku studiów rusycystycznych
The ways of overcoming interference grammar mistakes
in the process of practical teaching of the Russian language
in the third year of Russian philology studies

168

